

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных техноло-
гий и массовых коммуника-
ций (Роскомнадзор), свиде-
тельство о регистрации
ПИ № ФС77-76509
от 02.08.2019

Журнал основан в 2019 г.

Учредитель:
федеральное государствен-
ное бюджетное образова-
тельное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государствен-
ный медицинский универси-
тет» Министерства здраво-
охранения Российской Фе-
дерации, 650056, Кемеров-
ская область, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, д. 22а

ISSN 2687-0320

**Адрес редакции и издате-
ля:** 650056, Кемеровская об-
ласть, г. Кемерово, ул. Воро-
шилова, д. 22а,
Тел/факс: (3842) 73-48-56,
e-mail: journal_author@
kemsma.ru

Адрес типографии: 650024,
Кемеровская область,
г. Кемерово, ул. Сибирская,
д.35а, ООО «Принт», тел.
(3842) 35-21-19

Периодичность: 4 раза в год.

Подписано в печать 24.01.20 г.
Дата выхода в свет 28.01.20 г.

Печать офсетная.
Тираж 950 шт.
Заказ № 98.

Полная версия журнала в
электронном виде доступна
на сайте Российской элек-
тронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Распространяется по под-
писке.

Подписной индекс ПЗ593
в каталоге «Почта России»,
80843 в каталоге «Роспе-
чать».

Свободная цена

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Главный редактор

- Шиллер Вадим Викторович, к.и.н. (Россия, Кемерово)

Заместители главного редактора:

- Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор (Германия, Потсдам)
- Шапкина Елена Владимировна, к.полит.н. (Россия, Кемерово)

Научный редактор журнала

- Звягин С. П., д.и.н., доцент (Россия, Кемерово)

Редакционная коллегия

- Арапина Светлана Владимировна, к.и.н., доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Бадаев Евгений Васильевич, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Барсуков Александр Михайлович, к.полит.н. (Россия, Новосибирск)
- Боровикова Злата Владимировна, к.и.н. (Россия, Кемерово)
- Валиуллина Евгения Викторовна, к.псих.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Горбатов Алексей Владимирович, д.и.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Грунина Людмила Петровна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Гукина Людмила Владимировна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Дмитриева Софья Игоревна, к.и.н., доцент (Россия, Воронеж)
- Доктор Ван Хаяйянь (КНР, Шанхай)
- Доктор Цуй Хен, (КНР, Шанхай)
- Жуков Владимир Дмитриевич, к.филос.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Иванова Наталья Александровна, д.филос.н., доцент (Россия, Новокузнецк)
- Казьмина Маргарита Васильевна, д.и.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Ким Лидия Густовна, д.ф.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Красиков Владимир Иванович, д. филос.н., профессор (Россия, Москва)
- Ладик Анна Валерьевна, к.п.н. (Россия, Кемерово)
- Ладислав Земанек, русист, доктор философии, Карлов университет (Чехия, Прага)
- Леденева Виктория Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Москва)
- Омеличкин Олег Викторович, д.полит.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Палин Алексей Владимирович, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Порхачев Василий Николаевич, к.филос.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Раков Алексей Александрович, к.и.н. (Россия, Москва)
- Силантьев Роман Анатольевич, д.и.н., профессор (Россия, Москва)
- Старостин Алексей Николаевич, к.и.н., доцент (Россия, Екатеринбург)
- Суркова Ирина Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Темаев Тимур Вадудович, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Толвайшис Леонас, PhD, профессор политологии (Сербия, Белград)
- Чирун Сергей Николаевич, д.полит.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Шаляпин Сергей Олегович, к.и.н., доцент (Россия, Архангельск)

DOI 10.23946/2500-0764-2019-4-3

The Journal is officially registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor), registration certificate PO №FS77-65159 from 2016/03/28.

Journal was founded in 2019.

Founder: Kemerovo State Medical University,
22a, Voroshilova Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650056, Russian Federation

ISSN 2687-0320

Editorial/Publisher Address:
22a, Voroshilova Street, Kemerovo, Kemerovo Region, 650056, Russian Federation
Phone: +7 (3842) 73-48-56,
e-mail: journal_author@kemsma.ru

Printing House Address:
35a, Sibirskaya Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650024, Russian Federation,
LLC "Print", phone: (3842) 35-21-19

The Journal is published quarterly.

Signed and confirmed for publication on 2020/24/01
Published on 2020/28/01

Offset printing, 950 copies.

Order № 98.

The Journal is entirely available at the official site of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru)

Subscription-based distribution.

Subscription index
P3593 (Russian Post catalogue),
80843 («Rospechat» catalogue).

Free Price

NEWSLETTER OF PUBLIC AND HUMAN SCIENCES

Chief editor

- **Shiller Vadim Viktorovich**, candidate of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Deputy chief editor

- **Biryukov Sergey Vladimirovich**, doctor of political science, Professor (Germany, Potsdam)
- **Shapkina Elena Vladimirovna**, candidate of political sciences (Russia, Kemerovo)

Scientific editor

- **Zvyagin Sergey Pavlovich**, doctor of historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)

Editorial board

- **Arapina Svetlana Vladimirovna**, candidate of historical sciences, associate Professor (Russia, St. Petersburg)
- **Badaev Evgeny Vasilyevich**, candidate of historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Barsukov Aleksandr Mikhailovich**, candidate of political sciences (Russia, Novosibirsk)
- **Borovikova Zlata Vladimirovna**, candidate of historical science (Russia, Kemerovo)
- **Valiullina Evgeniya Viktorovna**, candidate of psychological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Gorbatov Alexey Vladimirovich**, doctor of historical sciences, Professor (Russia, Kemerovo)
- **Grunina Lyudmila Petrovna**, candidate of philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Gukina Lyudmila Vladimirovna**, candidate of philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Dmitrieva Sofya Igorevna**, candidate of historical science, associate Professor (Russia, Voronezh)
- **Dr. Wang Haiyan** (China, Shanghai)
- **Dr. Cui Hen** (China, Shanghai)
- **Zhukov Vladimir Dmitrievich**, candidate of philosophy sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Ivanova Natalia Aleksandrovna**, doctor of philosophy sciences, associate Professor (Russia, Novokuznetsk)
- **Kazmina Margarita Vasilievna**, doctor of historical sciences, Professor (Russia, Kemerovo)
- **Kim Lidiya Gustovna**, doctor of philological sciences, Professor (Russia, Kemerovo)
- **Krasikov Vladimir Ivanovich**, doctor of philosophy sciences, Professor (Russia, Moscow)
- **Ladik Anna Valerievna**, candidate of pedagogical sciences (Russia, Kemerovo)
- **Ladislav Zemanek**, russianist, doctor of philosophy (Czech Republic, Prague)
- **Ledeneva Viktoria Yurievna**, doctor of sociological science, Professor (Russia, Moscow)
- **Omelichkin Oleg Viktorovich**, doctor of political sciences, Professor (Russia, Kemerovo)
- **Palin Alexey Vladimirovich**, candidate of historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Porkhachev Vasily Nikolaevich**, of philosophy sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Rakov Alexey Alexandrovich**, candidate of historical science (Russia, Moscow)
- **Silantyev Roman Anatolievich**, doctor of historical sciences, Professor (Russia, Moscow)
- **Starostin Alexey Nikolaevich**, candidate of historical science (Russia, Yekaterinburg)
- **Surkova Irina Yurievna**, doctor of sociological science, Professor (Russia, Saratov)
- **Temaev Timur Vadudovich**, doctor of sociological science, Professor (Russia, Saratov)
- **Tolvaš Leonas**, PhD, Professor of political science (Serbia, Belgrade)
- **Chirun Sergei Nikolavich**, doctor of political science, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Shalyapin Sergey Olegovich**, candidate of historical science, associate Professor (Russia, Arkhangelsk)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

р. 5

ИСТОРИЯ

Курбанова Н.У., Карасартова Ч. Ж.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В БАСМАЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА В 20-Е ГГ. XX В.)

р. 6

Новиков Д. В.

К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1993 – 2005 ГГ.)

р. 13

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Крганов А. Р.

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ СТРУКТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

р. 19

ФИЛОСОФИЯ

Ефремова О. Н.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ АДДИКТИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

р. 23

СОЦИОЛОГИЯ

Суркова И. Ю., Березина Е. С.

ПРОДВИЖЕНИЕ БРЕНДА РАБОТОДАТЕЛЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ПРОДАЖ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРОНИКИ

р. 28

ПОЛИТОЛОГИЯ

Грбич-Павлович Н., Павлович Г.

ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБСКОЙ И В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

р. 34

Тангатарова Н.

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН: ВЫБОР СТРАТЕГИИ ДЛЯ СРЕДНИХ ГОСУДАРСТВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

р. 46

ПСИХОЛОГИЯ

Валиуллина Е. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТИВНОСТИ И КОНФЛИКТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ВУЗА

р. 51

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Калинин С. С.

НЕОГУМБОЛДИАНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ТЕОРИЯ И РАСОВЫЙ МИФ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

р. 55

Огнев Д. А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭКСПЕРТА И ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО КОНТЕНТА

р. 58

TABLE OF CONTENTS

EDITORIAL	p. 5
HISTORY	
Kurbanova N. U., Karasartova CH. Zh. RELIGIOUS FACTOR IN THE BASMACHIMOVEMENT (ON THE EXAMPLE OF KYRGYZSTAN IN THE 20S OF THE XX CENTURY.)	p. 6
Novikov D. V. TO HISTORIOGRAPHY PROBLEM FORMATION OF NATIONAL PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE KEMEROVO REGION (1993-2005)	p. 13
RELIGIOUS STUDIES	
Krganov A. R. INTERRELIGIOUS STRUCTURES IN THE POST-SOVIET AREA	p. 19
PHILOSOPHY	
Efremova O. N. PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF ADDICTIVE BEHAVIORS: EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS	p. 23
SOCIOLOGY	
Surkova I. Yu., Berezina E. S. PROMOTION OF THE EMPLOYER'S BRAND IN THE REGIONAL SALES MARKET OF HOME APPLIANCES AND ELECTRONICS	p. 28
POLITICAL SCIENCE	
Grbich-Pavlovich N., Pavlovich G. LEGAL AND INSTITUTIONAL POSSIBILITIES OF COUNTERACTION TO TERRORISM IN REPUBLIKASRPSKA AND BOSNIA AND HERZEGOVINA	p. 34
Tangatarova N. REPUBLIC OF UZBEKISTAN: THE CHOICE OF STRATEGY FOR MEDIUM-SIZED STATES IN THE ERA OF GLOBAL UNCERTAINTY	p. 46
PSYCHOLOGY	
Valiullina E. V. PSYCHOLOGICAL FEATURES OF ADAPTABILITY AND CONFLICT OF FIRST YEAR STUDENTS OF THE UNIVERSITY	p. 51
PHILOLOGY, LINGUISTICS	
Kalinin S. S. LINGUISTIC THEORY OF WILHELM VON HUMBOLDT AND RACIAL MYTH OF THE THIRD REICH	p. 55
Ognev D. A. LINGUISTIC STUDIES AND EXPERTISE IN CASES OF EXTREMIST ORIENTATION: THE LEGAL STATUS OF AN EXPERT AND FEATURES OF EXTREMIST CONTENT	p. 58

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Вы держите в руках первый номер нового журнала Кемеровского государственного медицинского университета «Вестник общественных и гуманитарных наук». Он объединил маститых ученых и тех, кто только делает первые шаги в науке. Круг авторов представлен исследователями из Республики Сербской, Китая, Киргизии и учеными из разных городов России, в том числе Москвы, Саратова и Кемерово.

Спектр тем журнала весьма обширен и охватывает большинство гуманитарных и общественных направлений, включая историю, политологию, социологию, философию, религиоведение, педагогику и психологию, филологию.

Все представленные в номере статьи прошли перекрестное рецензирование и проверку на заимствования, написаны на основе верифицированных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, содержат научную новизну и, безусловно, вызовут большой интерес у читателей.

Особо хотелось бы акцентировать внимание на статье Н. У. Курбановой и Ч. Ж. Карасартовой, посвященной анализу басмаческого движения с акцентом на его религиозной детерминированности, работе А. Р. Крганова, рассматривающей вопросы функционирования религиозных структур на постсоветском пространстве и проблем межконфессионального взаимодействия и диалога, исследование сербских ученых Н. Грбич-Павлович и Г. Павловича, в рамках которого одна из глобальных проблем современности – терроризм анализируется через призму институциональных и правовых возможностей в славянских странах Балканского полуострова, а также статье молодого ученого и судебного эксперта Д. А. Огнева, анализирующего некоторые аспекты судебных лингвистических экспертиз и исследований экстремистских материалов.

Приглашаем всех заинтересованных исследователей, специализирующихся на проблемах общественных и гуманитарных наук, публиковаться в нашем журнале, который будет издаваться 4 раза в год.

С уважением,
главный редактор журнала
Шиллер В. В.

Курбанова Н.У., Карасартова Ч. Ж.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В БАСМАЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

(на примере Кыргызстана в 20-е гг. XX в.)

Аннотация.

В данной статье рассматривается басмаческое движение в контексте проблем взаимоотношений советской власти и широких мусульманских масс (на примере Кыргызстана в 1920-е гг.). Советская власть с первых лет своего существования вплоть до своего краха вела двойственную политику в отношении мусульман. В сложных для нее условиях проявляла высокую гибкость, а в пору своего усиления – жесткость. Данная ситуация наблюдается и в 1920-е гг. в истории Кыргызстана. В условиях новой смены власти (октябрь 1917 г.), ликвидации «Кокандской автономии» (февраль 1918 г.) удар Советов по исламским принципам общественного устройства вызвал негодование среди мусульман. Закрывая мечети и медресе, ликвидируя вакуфные земли, лишая улемов прав разбора гражданских споров, советская власть настраивала против себя фактически все мусульманское на-

селение региона, что, в конечном итоге, привело к активизации басмачества как острейшей реакции широких мусульманских масс на политику крупномасштабного террора советской власти. Проявляя гибкость, советская власть в этот период на некоторое время пошла на уступки мусульманам, даровав религиозные свободы, но в дальнейшем опять ужесточилась. Вместе с тем использование главами басмаческих движений на юге Кыргызстана (Жаныбекказы Сагынбаев, Айтмерек Токтоманджиев, Гаип Пансат Абдурасулов, Ады Ходжаев, Осмон Джумабаев, Рустам-ишан и др.) мусульманской идеологии, лозунга «За Ислам», объявление «газавата» против большевиков оказали отрицательное влияние на дальнейшее существование ислама в советском Кыргызстане.

Ключевые слова: советская модернизация, «Шуро-и-Исламия», «Кокандская автономия», басмачество, секуляризация, политика «воинствующего атеизма».

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 6-12.

HISTORY

Kurbanova N. U., Karasartova CH. Zh.

Religious factor in the Basmachimovement

(on the example of Kyrgyzstan in the 20s of the XX century.)

Abstract.

This article deals with the Basmachi movement in the context of the problems of relations between the Soviet authorities and the broad Muslim masses (on the example of Kyrgyzstan in the 1920s.). From the very beginning of its existence, the Soviet government, right up until its collapse, pursued a dualistic policy towards Muslims. In difficult conditions for itself, Soviet government showed great flexibility, and at the time of its reinforcement – rigidity. This situation is observed in the 1920s in the history of Kyrgyzstan. Under the conditions of a new change of power (October 1917), the liquidation of the “Kokand Autonomy” (February 1918), the Soviets’ blow to the Islamic principles of the social order aroused resentment among Muslims. By closing the mosques and madrassas, liquidating the vacufic lands, depriving the ulema of the right to analyze civil disputes, the Soviet authorities set themselves against vir-

tuallly all the Muslim population of the region. This ultimately led to the activation of basmachism as the sharpest reaction of the broad Muslim masses to the policy of large-scale terror of the Soviet power. Expressing its flexibility, the Soviet authorities during this period for some time made concessions to Muslims, granting them religious freedom, but in the future again toughened it. At the same time, the use of the Muslim ideology, the slogan “For Islam”, the declaration of “gazavat” against the Bolsheviks by the heads of Basmachi movements in the south of Kyrgyzstan (Zhanybek Kazy Sagynbaev, Aitmerik Toktomandzhiev, Gaiyp Pansat Abdurasulov, Adi Khodzhaev, Osmon Dzhumabaev, Rustam Ishan, etc.) played a negative role in the continued existence of Islam in Soviet Kyrgyzstan.

Keywords: Soviet modernization, Shuro-i-Islamiya, Kokand autonomy, basmachism, secularization, policy of militant atheism.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 6-12.

Период после Октябрьской революции 1917 г. был временем трансформации старого, традиционного кыргызского общества в модернизированное советской властью состояние. С установлением советской власти на территории Кыргызстана начался новый этап взаимоотношений государства и религии.

Ислам как религия и идеология, всеохватно регламентирующая мировоззрение, сознание, жизнь и быт мусульман, безусловно являлся конкурентом и противником зарождающейся советской атеистической идеологии. В то же время новая смена власти была воспринята мусульманской элитой как прямая угроза местному укладу жизни и проживавшим здесь мусульманам.

В ноябре 1917 г. в период двоевластия в Туркестанском крае одновременно действовали большевистский совнарком и, с другой стороны, созданная на Всетуркестанском съезде мусульман «Кокандская автономия», в которой активное участие приняли представители религиозных партий «Шуро-Исламия», «Улема», «Иттихад-ва-тараки». На съезде была принята Программа, в соответствии с которой ислам был провозглашен государственной религией. Он насчитывал в своей структуре 382 мечети, 42 медресе и 6 тысяч мусульманских духовных лиц. Данная программа предусматривала восстановление Кокандского ханства и создание на территории Туркестана единого Среднеазиатского халифата, возрождение шариатских судов и т. п.

Публичным органом духовенства Туркестана был журнал «Аль-Изах» – официальный орган общества ученых богословов, в котором освещались сложные политические процессы, позиции политических партий и групп, отношение их к общественно-политическим событиям, происходящим в регионе и др. с точки зрения шариата (прим. *Духовенство представило свою позицию по вопросам просвещения и образования, государственного управления, создания Туркестанской автономии*).

В это время большевики, противодействуя идеям панисламизма и пантюркизма, которые могли бы объединить мусульманские народы, приняли решение внести раскол в их ряды. В декабре 1917 г. был созван Туркестанский съезд мусульманских рабочих, затем создан Союз трудящихся мусульман. По инициативе большевиков был создан Центральный мусульманский комиссариат внутренних дел, Центральное бюро мусульманских организаций и Мусбюро для усиления политической работы среди мусульманского населения. Мусульман стали призывать в мусульманскую Красную армию, таким образом привлекая на свою сторону местную мусульманскую элиту, открывая ей доступ к государственному управлению.

Таким образом, основываясь на принципах классовой

борьбы, большевики сумели противопоставить духовенству мусульманскую бедноту. Все попытки объединения местного населения для борьбы против большевиков под пантюркистскими лозунгами закончились неудачей.

Из духовного ведомства были изъяты и переданы Комиссариату по народному просвещению все учебные заведения «со штатами, ассигнованиями, движимыми и недвижимыми имуществами, т.е. со зданиями, надворными постройками с земельными участками под зданиями и необходимыми для школ землями, с усадьбами [...], с библиотеками и всякого рода пособиями, ценностями, капиталами и ценными бумагами и процентами с них» с них» [2] В начальный период утверждения советской власти, в годы войны, разрухи, голода, большевиками была избрана стратегия осторожных взаимоотношений с религией и верующими мусульманами. Об этом свидетельствуют все законодательные акты, принятые в первые годы советской власти. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.) говорилось: «...Отныне, ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются мощью революции и ее органов – Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов».

Стратегической основой государственно-религиозных отношений служили работы В. И. Ленина [6], а также других политических деятелей, занимавшихся вопросами религии, среди которых были работы П.А. Красикова, А.В. Луначарского, И.В. Сталина, И.И. Степанова, Е.М. Ярославского и др. (см. Красиков П. А. На церковном фронте: 1918–1923. М., 1923; Луначарский А.В. Почему нельзя верить в бога? М., 1965; Сталин В.И. Политический отчет ЦК XV Съезду ВКП(б). Соч. Т. 11. С. 271–353; Степанов И.И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М.–Л., 1925; Ярославский Е.М. О религии. М., 1957). Ленин повторял о необходимости «завоевать доверие трудящихся мусульман». Тем не менее одним из постулатов советской идеологической доктрины было отрицание позитивного содержания у всего, что имело отношение к религии. Поэтому составной частью «культурной революции», провозглашенной Советской властью, стала борьба с религией, первоначально проявляющаяся в латентной форме. С самого начала принятые законодательные акты по отношению к религии «Декрет о передаче решения всех мусульманских вопросов в руки комиссариата по делам мусульман внутренней России», «О расторжении брака», «О гражданском браке» и др. на самом деле были направлены на подрыв ос-

нов религии. Кроме того, было принято решение о запрете религиозным организациям вмешиваться в политику, иметь собственность и статус юридического лица, взыскивать налоги в свою пользу, во всех школах запрещалось преподавание вероучений, хотя обучаться религии в частном порядке разрешалось.

Несмотря на то, что советская власть на заре своего существования еще не боролась открыто с исламом, враждебность проявилась в подавлении Всероссийского мусульманского движения в апреле 1918 г., в разгроме Туркестанской (Кокандской) автономии, в экспорте революции в Бухару и Хиву и др. [7]. В результате первые очаги басмаческого движения возникли после разгрома большевиками Кокандской автономии на территории Туркестана. При взятии красногвардейскими частями Коканда пострадало огромное количество мирных граждан – горожан и дехкан, которые были вынуждены вступать в существовавшие басмаческие отряды. Сразу же после установления советской власти в Коканде были введены крайне жесткие репрессивные меры в отношении родственников басмаческих лидеров. Широко использовались система заложничества и расстрелы мирного населения, кроме того, в басмаческие отряды были вовлечены запуганные различными провокационными слухами крестьяне.

Подобные репрессивные действия советской власти привели, во-первых, к всеобщей озлобленности и негодованию среди широких мусульманских масс и послужили непосредственным толчком к формированию крупномасштабного басмаческого движения в регионе. Во-вторых, многие красноармейские отряды были вынуждены заниматься так называемым самоснабжением, то есть грабить мирное кишлачное и городское население. В-третьих, многие красноармейские отряды в Средней Азии формировались из уголовного элемента, в связи с чем грабежи мирных дехкан и горожан осуществлялись с особой, необоснованной жестокостью. Подобная ситуация и приводила к пополнению басмаческих отрядов новыми бойцами из числа местного населения.

В октябре 1918 г. в Кыргызстане Пишпекский уездно-городской комитет РКП (б) принял решение по реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В соответствии с декретом все религиозные организации были лишены юридического статуса, имущество было экспроприировано в пользу государства. Запрещалось участие духовенства в общественной жизни, предлагалось всех священнослужителей, состоящих на службе в качестве членов педагогических советов школ, уволить и впредь на работу по учебной части не принимать. Все религиозные, благотворительные, просветительские организации были лишены прав юридического лица, в то же время всем гражданам предоставлялось право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Запрещалось преподавание религиозных дисциплин в учебных заведениях, за исключением богословских.

Так, в первые годы советской власти были закрыты все религиозные школы и мечети во всех республиках Центральной Азии за исключением нескольких мечетей и религиозных центров в центральных населенных пунктах, взятых под жесткий контроль государства. Вся общественная религиозная мысль ушла в подполье. Таким образом, Советская власть лишила религиозных деятелей возможности участия в политической, социально-экономической, правовой и культурной жизни страны.

В годы гражданской войны советская пропаганда стремилась убедить мусульман в том, что у них с Советским государством общие враги – угнетавший до революции мусульман царизм и продолжающие эксплуатировать их ныне буржуа, кулаки, а за границей еще и наследники Антанты. Целью ее было заставить мусульманина вступить в Красную армию и вместе с русскими красноармейцами бить белогвардейцев и западных интервентов.

Для строительства социализма, по мнению основоположников нового строя, предлагалось наряду с разрушением старого капиталистического строя и упразднением частной собственности подорвать идеологию и религию. Большевики были убеждены в том, что в основе социальных корней религии лежат трудности социально-экономической жизни населения, и по мере их искоренения будет отмирать и религия. В Кыргызстане в резолюции Первого Семиреченского съезда комсомола для усиления коммунистического влияния на воспитание детей и уничтожения влияния религиозных традиций в школах предлагалось перенести каникулы, торжественно праздновать революционные праздники.

По этому поводу исламский журнал «Аль-Изах» с негодованием писал о нарушении норм шариата мусульманками, которые стали посещать театры и другие публичные места с обнаженными лицами и руками, танцевать с чужими мужчинами. По понятиям шариата они «превратились в распутников и развратников», в результате «дети ислама разделились на два общества: старые улемы и верующие мусульмане, с другой – культурная интеллигенция, подстрекающая к европеизации, позволяющая своим женам и детям уподобляться европейкам» [3].

Удар Советов по исламским принципам общественного устройства вызвал особое негодование среди верующих. Закрывая мечети и медресе, ликвидируя вакуфные земли, лишая улемов прав разбора гражданских споров, советская власть настроила против себя фактически все мусульманское население региона.

Следует заметить, что в плане идейной и практической подготовки большевики выгодно использовали для себя противоречия в общественной жизни мусульман: внутреннее ослабление самой религии и всей традиции, стихийную секуляризацию массового сознания, моральный кризис духовенства, разобщенность мусульманских народов империи, возникший в начале XX века конфликт между кадими-

стами (ортодоксами) и джадидами (модернизаторами). Поэтому большевики удачно использовали раскол среди мусульманской уммы в свою пользу, критикуя ислам и традиционную жизнь по шариату с целью насаждения своих идей и лозунгов. Джадидскую программу умеренной секуляризации поменяли на политику воинствующего атеизма и советизации. Несмотря на то, что попытки объединения местного населения для борьбы против большевиков под пантюркистскими лозунгами закончились неудачей, добиться стабилизации региона не удавалось, здесь продолжали действовать вооруженные отряды басмачей, называвших себя «Армией ислама».

В 1918 г. основным центром движения сопротивления была Фергана. К 1919 г. басмачи контролировали почти всю Ферганскую долину. В 1919–1920 гг. басмаческое движение распространилось почти по всей Средней Азии. Летом 1920 г. часть басмаческих отрядов Ферганы объединились в «Армию Ислама» и предприняли активное наступление в районе Андиждана, Джала-абада, Оша, Коканда и Намангана. В некоторые годы общее количество басмачей достигало нескольких десятков тысяч бойцов. Одновременно по всему бывшему Туркестану действовали десятки повстанческих отрядов. Наиболее крупными лидерами басмачей были Мадамин-бек, Ибрагим-бек, Джунaid-хан, Иргаш, Куршермат, Муэтдин-бек. В марте 1920 г. отряды курбаши Мадамин-бека потерпели поражение и были вынуждены заключить соглашение с Красной армией, по которому он признал советскую власть. Однако в мае того же года Мадамин-бек был захвачен отрядом командира киргизских басмачей Кал-ходжи и казнен. После Мадамин-бека басмачество возглавил Коршермат, отряды которого действовали в восточной части Ферганы. Тактика борьбы басмачей состояла в том, чтобы, базирясь в труднодоступных горных и пустынных районах, совершать конные рейды в густонаселенные районы, убивать большевиков, комиссаров, советских работников и сторонников Советской власти, но зачастую при налетах от рук басмачей более всего страдало местное население. Они грабили имущество, угоняли скот, жгли айлы и кишлаки, проливали кровь невинных людей. Местные жители оказывали им сопротивление. Так, киргизская беднота в Ляйлякской, Узгенской, Саруйской, Нанайской, Аксууской и Араван-Бууринской волостях Юга Киргизии охраняла от басмачей посе́вы во время уборки хлеба, населенные пункты от налетов. К первой половине 1924 г. в Ферганской долине не осталось повстанческих отрядов, а оставшиеся ушли в горы.

К тому времени большевики уже смогли сформировать боеспособную армию во главе с М. Фрунзе, провели мобилизацию в Туркестане, стали конфисковывать лошадей в кишлаках для нужд Красной армии, чем подрывали материальную основу басмачества. Во второй половине 1920 г. Красная армия нанесла поражение отрядам басмачей, после чего они были вынуждены перейти к тактике партизанской борьбы, налетов и диверсий.

Социальную базу басмачества составляла некоторая часть верующих, национальной интеллигенции, исламских деятелей и лидеров, а также панисламских кругов Турции и других мусульманских стран. Активную роль в помощи басмаческому движению играли Турция и Британская империя. К примеру, в 1921 г. в советский Туркестан прибыл видный турецкий военно-политический деятель Энвер-паша, которому удалось объединить вокруг себя разрозненные до этого басмаческие отряды и выступить против советской власти единым фронтом. При этом идеологической основой басмаческого движения в данный период являлись лозунги освобождения Средней Азии не только от власти большевиков, но и от русских в целом под флагом исламской веры и объединения всех мусульман региона.

Учитывая недовольство мусульман, в январе 1921 г. ЦИК Туркестана своим декретом установил днем еженедельного отдыха, обязательным для трудящихся, занятых во всех советских, общественных и частных учреждениях, предприятиях и хозяйствах, пятницу. Вернули вакуфные земли религиозным учреждениям, увеличивалось количество религиозных школ [1]. Специальными декретами ЦИК и Совнаркома Туркесреспублики от 23 декабря 1922 г. наряду с советскими судами разрешалось создавать для местного населения суды казиев и биев на основе шариата и адата.

В октябре 1923 г. правительство, «принимая во внимание культурную отсталость мусульман», разрешало «в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных единиц Кавказа... открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения лицам, достигшим совершеннолетия по шариату» с оговоркой, что обучение основам религии должно проводиться во время, свободное от занятий в советской школе. Так, стали вновь открываться школы при мечетях. Временами даже в советских школах разрешалось преподавание ислама при условии, что учителя религии не воспользуются этим для антисоветской пропаганды, и труд их будет оплачиваться верующими родителями.

Однако это не означало нейтральности большевиков по отношению к религиозной сфере жизни общества. Религиозные организации рассматривались большевистским режимом как легальное убежище для политических врагов социалистического строительства. Поэтому власти неизменно интересовались степенью влияния религии среди различных социальных групп населения, классовым составом религиозных общин, содержанием проповедей и т.п. Удовлетворить этот интерес были призваны, наряду с прочим, опросы, проводившиеся в трудовых коллективах и населенных пунктах, с этой целью был разработан «Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах», опубликованный в журнале «Антирелигиозник».

Двойное отношение советской власти к участникам басмаческого движения и связанным с ними религиозным деятелям отчетливо видно по их отношению к Джаныбеку

казы – видному деятелю своего времени, происходившему с Южного Кыргызстана. Когда его начали притеснять как религиозного деятеля (судья по шариату), он присоединился к басмаческому движению – борцам за свободу в крае. Когда советская власть изменила отношение к ним, Джаныбек касы одним из первых перешел на сторону Советов. Однако Советы, не выполнив свои обещания, начали отбирать его имущество и притеснять. Он вынужден был бежать за границу. Судя по архивным документам, Джаныбек касы был представителем плеяды людей, которые боролись за свободу и за будущее народов Туркестана. Он активно сотрудничал с организацией китайских мусульман-уйгуров «Тороллош». Известно их «Обращение» к представителю Эмира Аманулла Хану.

Одна из причин поражения массового басмачества в указанный период связана с мероприятиями советской власти, которые были направлены на урегулирование конфликта с коренным населением. Советское руководство, осознав, что только военные действия не приносят постоянных результатов в борьбе с басмачеством, было вынуждено ослабить террор и реабилитировать в правах исламские институты. Кроме того, некоторые курултаи признали советскую власть в Средней Азии как власть, «данную свыше Аллахом», что позволило Советам выбить из-под басмачества идеологическую основу, а следовательно, лишить его постоянного пополнения за счет мирного населения.

В своих резолюциях ЦК РКП (б) предлагал «бороться не с какими-нибудь отдельными религиозными группировками, а со всяким религиозным мировоззрением вообще и избегать всякого оскорбления верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма» [4]. Учитывая эти предостережения, партийные организации разрешали своим членам совершать намаз – среди коммунистов Туркестана, где верующие составляли 44%, в Джетусуйской области – около 57% [8]. Во время обследования сельских партийных ячеек Киргизии в 1925 г. многие проверяемые члены партии торопили процесс проверки, если пришло время намаза, приказывали местным органам власти благоустроить мечети, привлечь массы в мечети, а саботажников привлекать к ответственности вплоть до расстрела [9].

В 1923 г. в Кыргызстане было опубликовано письмо о борьбе с ишанизмом и другими религиозными течениями. В апреле 1925 г. был основан Союз Безбожников, позднее он появился в Кыргызстане и в других республиках Средней Азии. В плане работы Кыргызского областного Союза безбожников [10] в качестве основы критики религии предлагалось: «а) разъяснение религии как классового оружия в руках эксплуататоров, как прислужницы баев-манапов, кулаков и нэпмановской буржуазии в их борьбе против строительства социализма, как орудия кабалы и угнетения трудящихся; б) разоблачение противонаучного характера религии, стремящейся путем вымыслов и мистики затемнить сознание трудящихся, извратить их сознание – представле-

ние о мире, законах природы и развитии человеческого общества; в) разъяснение вредности морали, предлагаемой для трудящихся, так как она целиком призвана на культивирование в массах безволия, пассивности, покорности, смирения, терпения и прочих качеств, целиком выгодных для эксплуататоров».

Как известно, в середине 1930-х годов власти объявили об успешном завершении строительства основ социализма в СССР и поставили задачу постепенного перехода к строительству коммунизма. Составной частью этой грандиозной утопической программы стало воспитание «нового человека». Именно в этот период религия получила статус «вредного пережитка прошлого», а ее преодоление было выдвинуто одной из важнейших целей идейно-воспитательной работы в массах.

Таким образом, политика советского государства по отношению к религии была направлена на разрушение религиозной организации и изживание религиозного. Наиболее трагичным был период 1920-х – 1930-х гг., когда проходило утверждение тоталитарного режима в стране, а религия и верующие воспринимались как очаг инакомыслия. Они подвергались преследованию, результатом чего стали гибель значительной части культурных ценностей и снижение интеллектуального потенциала общества.

В конце 1920-х – 1930-х гг. страну потрясли два крупных процесса: коллективизация крестьянских хозяйств, вызвавшая физическое уничтожение огромной массы людей, осложнение социально-политической обстановки, и ужесточение борьбы с религией на селе. Эти два процесса были тесным образом связаны друг с другом. Советская власть воспринимала сельское духовенство и активных верующих как деятелей контрреволюции, которые намеренно тормозят социалистическое переустройство деревни. Религиозное мировоззрение явно не совпадало с теорией классовой борьбы, поэтому советская власть ставила задачу замены религиозной традиции боевыми установками последней.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. во всех республиках Центральной Азии, в том числе и в Кыргызстане, постепенно физически уничтожались яркие представители духовенства, среди которых были образованные джадиды, муллы, ишаны, пиры и т.д.

Разрушались или закрывались культовые здания: соборные мечети, религиозные высшие образовательные учреждения (медресе), библиотеки, хранилища книг и рукописей по исламу, культовые мазары, мавзолеи и усыпальницы известных пиров и ишанов (места паломничества многих мусульман) и т.д.

Вместо этого была развернута широкая атеистическая антирелигиозная пропаганда во всех местах и на всех уровнях. Очень активно действовали полевые общественно-научные организации «Безбожник» и «Знание», в состав которых входили лекторы, читающие лекции антирелигиозного характера.

Атеистическая борьба велась не только против ношения хиджабов и никабов среди женщин и девочек, но и против всего комплекса архаичных элементов в хозяйстве, быте и духовной жизни всех жителей региона, в особенности в его горной части. Главным лозунгом этой борьбы был призыв к равноправию мужчин и женщин в строящем социалистическом обществе, что подрывало базовые основы бытового ислама по вопросам брака, семьи и роли женщин в обществе.

Во время проведения кампании по ликвидации безграмотности среди местного населения основное внимание уделялось антирелигиозной пропаганде. Отказ от арабской письменности, переход на латиницу, затем на кириллицу постепенно закрывал людям доступ к мусульманским книгам и источникам, которые были написаны на персидском или арабском языках. В результате в средних школах, на полях и за станками молодые девушки и женщины разных возрастов не только перестали носить хиджаб или никаб, но и активно включились в новую светскую общеобразовательную систему.

Таким образом, советская власть, ослабив политику террора в отношении широких мусульманских масс, реабилитировав в правах исламские институты, стала лишать басмаческие отряды возможности их постоянного пополнения за счет мирного населения. Кроме того, советскому руководству в Средней Азии удалось сформировать хорошо организованную, боеспособную Красную Армию, не сравнимую по оснащенности и численности с воинскими подразделениями начала 1920-х гг. В связи с этим отчетливо наблюдался спад басмаческой активности.

Среди основных причин поражения басмачества на конечном этапе его существования можно назвать отсутствие реальной поддержки широких мусульманских масс (скорее всего, из-за боязни жестких репрессивных мер со стороны органов советской власти) и плохую материально-техническую оснащенность басмачей в связи с изменившейся политической обстановкой в Афганистане, который еще с начала 1920-х гг. являлся основным источником поставок басмачам оружия, провизии и обмундирования. Слабо вооруженным басмаческим отрядам становилось все труднее успешно противостоять боеспособным частям Красной армии.

Основными причинами поражения массового басмачества в указанный период явились следующие мероприятия советской власти, направленные на урегулирование конфликта с коренным населением. Во-первых, смена тактики большевиков по отношению к басмачеству – замена военных действий на стратегически мирные. Во-вторых, конструктивное сотрудничество с мусульманами, способствовавшее признанию на курултаях советской власти как «данной свыше Аллахом», что позволило большевикам выбить из-под басмачества идеологическую основу, а следовательно, лишить его постоянного пополнения за счет мирного населения. В-третьих, были восстановлены в правах исламские институты.

Большевики умело использовали идею Ленина в завоевании политических симпатий мусульман не только молодого советского государства, но и зарубежного Востока, которые с большим уважением отнеслись к решению новой власти о предоставлении свободы вероисповедания. В этом отношении институт ислама в дальнейшем использовался во внешнеполитических целях Советского Союза со многими мусульманскими странами в разные периоды мировой истории XX века.

С 1917 по 1927 гг. политика большевиков по отношению к исламу имеет «мирный» характер, когда шел поиск компромисса с исламом как с мировоззрением и социокультурной системой. Политика благожелательного отношения к мусульманской общине, учет национально-религиозных особенностей народов, традиционно исповедующих ислам, привлечение служителей мусульманского культа на государственную службу, дифференцированное применение законов позволили сохранить территориальную целостность страны, а главное – государственную независимость. Опыт первого десятилетия советской власти в формировании государственно-исламских отношений позволил не только нейтрализовать мусульманский социум, но и привлечь значительную его часть на сторону Советской власти.

Во второй период, с конца 1920-х до конца 1930-х гг. политика государства по отношению к исламу имеет «репрессивный» характер. Историческая ситуация была связана с курсом на сплошную коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию. Стране требовались экономические и человеческие ресурсы, которые можно было взять у мусульманской общины. Политические процессы сопровождались жесткими проявлениями идеологической нетерпимости. Решением II Киргизской областной партийной конференции критиковалась слабая антирелигиозная работа, было принято решение о создании кружков безбожников. По Декрету Совнаркома Киргизской АССР (1927) «О земельно-водной реформе» были изъяты все религиозные и вакуфные земли. К тому времени большевики сумели укрепить свое положение и посчитали возможным устранение ислама из жизни советского общества. В это время государство поменяло отношение к исламскому вопросу в противоположную сторону по сравнению с начальным периодом – большевики теперь демонстрировали агрессивное неприятие ислама.

Основной тенденцией данного периода явилась борьба с исламом, что проявилось в жесткой локализации религиозной жизни пределами культовых сооружений и прямом уничтожении всего, что было связано с этим культом. Началось мощное, всестороннее наступление на ислам, мусульманские организации и верующих. Через средства массовой информации распространялись взгляды о том, что у служителей ислама отсутствуют высокие нравственные качества, что необязательно реальное предоставление им политических прав и свобод, а к верующим можно относиться пренебрежительно и грубо.

Проходивший в 1929 г. II съезд «Союза воинствующих безбожников» окончательно закрепил нетерпимость к религии и враждебность к верующим. При этом произошел полный отказ от ранее провозглашенных принципов учета мусульманских особенностей, тактичной критики ислама, в антиисламской пропаганде преобладала идея обострения классовой борьбы.

В ответ на это верующие – представители духовенства в качестве одной из форм борьбы против советской власти попытались угрозами заставить своих односельчан, работавших на различных должностях в советской системе управления, особенно женщин, отказаться от служения советам. Когда это не удавалось, им мстили различными способами, вплоть до физического уничтожения. Ярким примером служит убийство Уркуи Салиевой (1914–1934), Ырыс Кудайбердиевой (1912–1936). Среди виновников смерти Ырыс Кудайбердиевой, первого механизатора-трактористки женщины в Сузакском районе, были представители духовенства. Архивные документы подтверждают то, что она погибла от рук басмачей. Решением Исполкома Сузакского районного совета депутатов трудящихся за № 416 от 15.11.1965 г. село Ак Мечет как носящее религиозное название было названо именем Ырыс Кудайбердиевой.

Таким образом, изучение басмаческого движения в контексте взаимоотношений Советского государства с исламом и широкими мусульманскими массами показало их противоречивость: декларируя свободу совести, государство на деле активно внедряло в общество атеизм, ограничивало, контролировало и подавляло все религии, в том числе и ислам. Двойственная политика в отношении мусульман – высокая гибкость в условиях экстремального существования общества, жесткость в пору

усиления власти – велась с первых лет советской власти и до ее краха.

Основная сущность антиисламской политики выражалась в следующих направлениях деятельности советской власти: а) политическое – преследование духовенства; б) правовое – лишение гражданских прав, отсутствие гарантии свободы совести и т.п.; в) экономическое – подрыв организационно-хозяйственных основ конфессиональной деятельности; г) идеологическое – разоблачение религиозного мировоззрения.

Использование главами басмаческих движений на юге Кыргызстана Жаныбеком казы Сагынбаевым, Айтмереком Токтоманджиевым, Гаипом Пансатом Абдурасуловым, Ады Ходжаевым, Осмоном Джумабаевым, Рустам-ишаном и др. мусульманской идеологии, лозунга «За Ислам», объявление «газавата» против большевиков оказали отрицательное влияние на дальнейшее существование ислама в советском обществе.

Государственно-исламские взаимоотношения в Кыргызстане отражали характерные закономерности, присущие религиозной политике советского государства.

За годы советской власти произошла утрата духовного потенциала мусульманской общины Кыргызстана. Закрывание мечетей, репрессии, естественный процесс старения уцелевших служителей культа, получивших духовное образование, приход на их смену самоучек привели к значительной утрате преемственности религиозных традиций между поколениями, что привело к архаичному возрождению ислама в 1990-х гг., что, в свою очередь, позволило заполнить духовную нишу служителями культа, получившими образование в нетрадиционных для Кыргызстана идеологических установках.

Литература / References:

1. Данияров, С. Культурное строительство в советском Киргизстане (1918-1930 гг.). – Фрунзе, 1963. – С.45.
2. Декреты советской власти. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 1. – С.210.
3. Зикруллаев, М. Журнал «Аль-Изах» – источник по изучению истории Туркестана в 1917–1918 гг. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.islamsng.com>.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – М., 1984. – Т.3. – С.115.
5. Ланда, Р. Г. Ислам в истории России. – М., 1995. – С. 191.
6. Ленин, В. И. Социализм и религия. Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 142–147.
7. Нургазина, Н. Борьба с исламом. – Алматы, 2008. – С.6.
8. Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана: Летопись событий. Ч. 2. 1917–1924 гг. – Ташкент, 1966.
9. Табышалиева, А. Вера в Туркестане. – Бишкек, 1993. – С.108–122.
10. ЦГА КР. Ф.951. Оп.1. Д.5. Л.69.

Информация об авторах:

Курбанова Назира Умаровна, д.и.н., профессор кафедры истории Кыргызстана и этнологии, декан факультета истории и социально-правового образования КГУ им. И. Арабаева, г. Бишкек. E-mail: fispo2016@gmail.com
Карасартова Чынара Жумашовна, к.и.н., доцент кафедры Всеобщей истории и СЭПД КГУ им. И. Арабаева, г. Бишкек. E-mail: chinara.karasartova@mail.ru

Новиков Д. В.

К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1993 - 2005-Х ГГ.)

Аннотация.

В статье освещаются вопросы историографии проблем национальных общественных объединений на начальной стадии их формирования в Кемеровской области. Охарактеризована источниковая база исследования региональных объединений, представленная опубликованными и неопубликованными документами. К опубликованным материалам относятся законодательные акты, материалы периодической печати, делопроизводственная документация рассматриваемых обществ. К неопубликованным причисляются программные и уставные документы общественных объединений, делопроизводственная документация государственных учреждений и национальных организаций, источники личного происхождения. Вместе с тем в период становления региональных общественных объединений, представляющих интересы проживающих в Куз-

бассе этнических групп, имеющиеся научные исследования не освещают всего спектра сложившихся проблем в их деятельности (в частности, к ним можно отнести формирование местной и федеральной законодательной основы функционирования национальных обществ). Отмечается, что в работах, посвященных изучению этнических и общественных процессов, практически не затрагивается вопрос о роли в них национальных организаций. Недостаточно изученными остаются проблемы формирования организационной структуры национальных общественных объединений, а также характер отражения их деятельности в средствах массовой информации.

Ключевые слова: региональная историография, национальные общественные объединения, ассоциации коренных этносов, народы Кузбасса, шорцы, телеуты, региональная национальная политика.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 13-18.

HISTORY

Novikov D. V.

To historiography problem formation of national public associations in the Kemerovo region (1993-2005)

Abstract.

The article discusses the issues of historiography of problems of national public associations, at the initial stage of their formation in the Kemerovo region. The methodological basis for studying the activities of national organizations is the principles of a systematic approach. National public associations can be viewed as functional social systems that have the internal logic of their hierarchically subordinate bodies. Structural and functional analysis can be used to identify the internal structure and main functions of ethnic associations. Through comparative analysis it is possible to identify and systematize information about their current work. In particular, on the basis of the materials identified by the regional press and other sources, it is possible to compare the declarative functions of associations and the forms of their daily activity, and also to

compare their goals with the course of the state regional national policy. In the period of formation of regional public associations representing the interests of ethnic groups living in Kuzbass, scientific research does not cover the whole range of existing problems in their activities (in particular, they include the formation of local and federal legislative framework for the functioning of national societies). It is noted that in the works devoted to the study of ethnic and social processes, the question of the role of national organizations is hardly touched upon. The problems of forming the organizational structure of national public associations, as well as the nature of the reflection of their activities in the media, have not been studied enough.

Keywords: regional historiography, national public associations, associations of indigenous ethnic groups, peoples of Kuzbass, Shors, Teleuts, regional national policy.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 13-18.

На территории Кемеровской области проживают представители более ста различных по своему происхождению этносов. Из них к категории «коренных малочисленных» относятся шорцы и телеуты. На рубеже 1980-х-1990-х гг. по инициативе представителей этнической интеллигенции начинается формирование национальных общественных объединений. Сегодня практически все проживающие в Кузбассе этносы сформировали сеть институтов гражданского общества в форме общественных организаций, этнокультурных центров, землячеств, общин, автономий, а также творческих национальных коллективов [6]. Актуальность исследования процессов формирования и текущей деятельности данных объединений определяется их позицией как субъектов региональной национальной политики. Деятельность этнических объединений (при поддержке департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области) является предпосылкой определения правового статуса, сохранения языков, самобытных традиций автохтонных этносов, проживающих на территории области. По инициативе национальных обществ, представляющих коренные народы, проводятся языковых курсы, издается учебно-методическая, а также художественная литература, функционируют информационные порталы этнокультурного наследия. Предпринимались и попытки организации выпуска печатных СМИ на родных языках.

Методологическим принципом, апробированным в исследованиях национальных общественных организаций, является системный анализ. Так, структурно-функциональный подход способствует раскрытию логики внутренней организационной структуры, иерархии органов управления и их функций. При анализе деятельности национальных обществ следует учитывать и системную взаимосвязь интересов как собственно этнокультурных, так и общественных объединений, государственных органов и коммерческих организаций, при достаточно широкой их географии. Выявление и систематизация сведений о текущей работе национальных организаций возможна посредством компаративного анализа. В частности, на основе выявленных по региональной прессе и другим источникам материалов можно провести сравнение декларативных функций объединений и форм их повседневной активности, а также сопоставить их целевые установки с курсом государственной региональной национальной политики.

Возможности многоаспектного исследования этнических общественных организаций в Кузбассе определяются сложившейся к настоящему времени источниковой

базой, представленной как уже опубликованными, так и еще неизданными материалами. Так, к первой категории относятся законы федерального и регионального уровня, материалы средств массовой информации, отчасти текущая документация национальных объединений. Вторая категория источников включает уставы и положения, регламентирующие порядок создания, функционирования и прекращения деятельности этнических объединений, делопроизводственную документацию государственных учреждений и национальных организаций, источники личного происхождения. Указанные материалы содержатся в архивах областной Администрации и Кемеровского государственного университета. Условная их классификация опирается на критерии происхождения и степени информативности источников. Отдельную группу образуют статьи, заметки, информационные сообщения кузбасской прессы (как областных, так и районных, городских изданий). Их анализ дает общее представление о текущих проблемах и задачах этнических объединений и формах реализации поставленных целей. Частично представлена информация о времени становления отдельных ассоциаций, а также о характере диалога с региональными органами государственного управления. В качестве примера можно привести такие газеты, как «Кузбасс», «Кузнецкий край», «Комсомолец Кузбасса», «Наша газета», «Земля Кузнецкая», «Время».

Далее можно выделить нормативную документацию (в виде положений, уставов) рассматриваемых объединений, представляющих интересы как автохтонного населения, так и некоренных (по своему происхождению) этносов, проживающих на территории Кузбасса. К последним, в частности, относятся русские, украинцы, армяне, азербайджанцы, таджики, евреи, чуваша, мордва, достаточно активно участвующие в региональном этнокультурном движении. В данной группе источников находят отражение декларируемые цели и задачи организаций, прописанные с разной степенью детальности, организационная структура, порядок образования и прекращения деятельности, правила членства и вопросы финансирования. Формулировки отдельных разделов указывают на федеральные законодательные акты, которые, вместе с региональным законодательством, и составляют третью группу источников. В целом они дают представление о месте и роли национальных общественных объединений в государственной национально-культурной политике, включая и региональный уровень.

В третьей группе рассматриваемых нами источников выделяются две подгруппы. К первой относятся документы федерального уровня. Это Закон Российской Фе-

дерации № 33-ФЗ от 14 марта 1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях», Закон Российской Федерации №82-ФЗ от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях», Закон Российской Федерации №135-ФЗ от 11 августа 1995 г. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», Закон Российской Федерации №7-ФЗ от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях», Закон Российской Федерации №126-ФЗ от 24 июля 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О языках народов РСФСР», Закон Российской Федерации №73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Ко второй подгруппе отнесены документы регионального уровня. Среди них можно отметить Закон Кемеровской области №11-ОЗ от 27 июня 1995 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры Кемеровской области», «Устав Кемеровской области» №10-ОЗ от 5 июня 1997 г., Закон Кемеровской области №14-ОЗ от 2 февраля 1999 г. «О правовом статусе коренных малочисленных народов в Кемеровской области», Закон Кемеровской области №1-ОЗ от 4 января 2004 г. «Об особо охраняемых природных территориях в Кемеровской области».

Исходя из сказанного выше, к четвертой группе рассматриваемых источников, на наш взгляд, следует отнести текущую делопроизводственную документацию как национальных обществ, так и органов областной Администрации. Отчасти данные материалы опубликованы в региональных средствах массовой информации, а также в справочных изданиях [1]. В основном они составляют текущий архив Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области. К данной группе относится деловая переписка руководства этнических объединений с региональными органами исполнительной власти, постановления и решения национальных съездов и т.п. Данная группа документов также может служить источником общей информации о рассматриваемых организациях (цели, задачи, направления и формы деятельности). Обилие данных материалов также позволяет выделять в них подгруппы.

Пятая группа источников – это материалы, собираемые в процессе полевых исследований, опроса представителей национальных объединений, этнических групп. Так, кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств ежегодно отслеживается этнокультурная ситуация в местах проживания различных этносов Кемеровской области, что осуществляется в рамках фольклорно-этнографической практики студентов. Так, проводились экспедиции в местах компактного проживания коренных этносов (шорцев и телеутов), а также чувашей, татар и российских немцев.

Вместе с тем, в течение всего рассматриваемого периода данный процесс достаточно поверхностно отражался в региональной историографии. В первое десятилетие существования национальных обществ было опубликовано незначительное количество соответствующих исследований этнологического, этнополитического характера. Практическое отсутствие делопроизводственной документации по национальным объединениям в сибирских архивах определило узкую источниковую базу исследований и достаточно ограниченный комплекс методик по обработке доступных данных.

Рассмотрим вышедшие в течение заявленного периода научные работы, в различной степени затрагивавшие деятельность национальных обществ на территории Кемеровской области. Так, в начале 1990-х гг. старшим научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва) Е. П. Батьяновой в рамках исследовательской программы федерального масштаба была обследована сложившаяся здесь этнополитическая обстановка. Основными источниками для автора стала текущая делопроизводственная документация Администрации Кемеровской области, а также материалы опроса руководителей формировавшихся на тот момент этнических объединений. К анализу привлекались и отдельные публикации региональных этнографов. Итогом стала публикация в 1993 г. аналитической справки «К этнополитической ситуации в Кемеровской области». Наиболее подробное освещение здесь получили следующие вопросы:

- этническая история территории современного Кузбасса и национальный состав его населения на момент обследования;
- формы и методы развития родных языков (на примере проживающих в Кемеровской области представителей шорцев, телеутов, татар и чувашей);
- экологические и социальные проблемы мест компактного проживания коренных народов;
- характер сложившихся в регионе этноконфессиональных отношений на момент проведенного исследования;
- анализ деятельности национальных общественных объединений, представляющих интересы коренных народов (при упоминании возникновения организаций ряда других этносов, таких как немцы, азербайджанцы, армяне, чуваша, татары и мордва).

Отсутствием на момент обследования необходимой источниковой базы обусловлено и наличие не затронутых аспектов анализа (организационное развитие указанных этнических объединений, характер отражения интересов автора проблематики в региональных средствах массовой информации) [4].

Следующая работа, затрагивающая проблематику заявленной темы, была опубликована в 1997 г. в виде справочного издания «Аборигены Кузбасса. Современные эт-

нополитические процессы» (под редакцией исследователей-этнографов КемГУ В. М. Кимеева и В. В. Ерошова). В разделе «Этнополитические процессы» представлена информация о становлении ассоциаций шорского и телеутского народов, а также областного Центра татарской культуры «Дуслык». В разделе «Приложения» книги опубликован массив текущей документации данных объединений за период 1990–1994 гг. [1].

В 2000 г. издательством Института археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирска был выпущен сборник научных работ «Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика», совместно подготовленный группой этносоциального мониторинга Кузбасской лаборатории археологии и этнографии, Института археологии и этнографии СО РАН [8]. Результаты анализа национальных обществ (родовых ассоциаций) как одной из форм общественной активности тюркских народов Алтая представлены здесь лишь в статье В. Я. Кыдыевой.

В 2003 г. в г. Кемерово информационно-аналитическим отделом департамента национальной политики и общественных отношений областной Администрации (преобразованном к настоящему моменту в департамент культуры и национальной политики АКО) в преддверии «Ассамблеи народов Кузбасса» для руководства национальных объединений было подготовлено справочное издание «Многонациональный Кузбасс» под редакцией Л.И. Гвоздковой. Его аналитические разделы написаны на базе материалов текущего архива департамента. При этом необходимо отметить относительно узкую источниковую базу издания, обусловленную, по информации сотрудников отдела, тем, что большая часть архива Комитета по коренным народам (функционировавшего в структуре областной Администрации во второй половине 1990-х гг. и преобразованного в дальнейшем в департамент) при его ликвидации была сдана в Государственный архив Кемеровской области (ГАКО) и на момент подготовки издания не была обработана и открыта для доступа. В книге освещены основные проблемы формирования региональной национальной политики Кемеровской области, демографические проблемы в среде коренных малочисленных народов.

Специальные разделы «Многонационального Кузбасса» посвящены национальным общественным объединениям и творческим коллективам области, которые и были ориентированы на использование в качестве справочного материала. Для каждой организации указаны руководители и активисты. Указана ориентировочная численность данных организаций (прошедших гос. регистрацию), состав, направления и формы работы, характер проводимых мероприятий, взаимодействие с органами власти. Освещается творческая биография участников национального движения Кемеровской области. Однако в из-

дании не отражена история формирования объединений и их структура. Не показан характер отображения их деятельности в региональных средствах массовой информации [6].

В ноябре 2003 г. в Кемеровском районе прошла международная научно-практическая конференция «Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности». По итогам конференции в г. Кемерово был издан сборник, включающий 79 публикаций, посвященных экономическим, социальным и демографическим процессам в регионе, национальной политике. Освещались вопросы традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов, межнационального взаимодействия, менталитета, этнических аспектов образования и сохранения культурного наследия.

При этом лишь 5 работ содержат сведения о национальных общественных организациях. В том числе 3 посвящены этническим объединениям, функционирующим на территории Кемеровской области. В частности, это статья И.А. Свиридовой и Л.И. Гвоздковой «Основные направления региональной национальной политики Кемеровской области». Авторами представлены справочные данные (этнический состав населения региона, численность ряда этнокультурных общественных объединений). Информация о роли национальных общественных организаций в структуре региональной политики представлена упоминанием об их работе и деятельности национально-культурных центров по возрождению традиционной культуры, осуществлению благотворительных мероприятий. Однако в статье не прослеживается позиция ассоциаций шорцев и телеутов в отношении социально-экономических и экологических проблем мест компактного проживания этих народов. Не отражена также роль средств массовой информации в развитии регионального национального движения. Кроме того, не уделяется достаточно внимания декларируемым и реализуемым задачам общественных объединений «некоренных» этносов, проживающих в Кузбассе, в том числе проблемам социально-экономического плана [7].

Деятельность некоторых «общественно-политических» организаций народов Кемеровской области, характерные формы взаимодействия с органами власти затрагивает статья Е.В. Артюх «Региональная национальная политика в сфере представительства интересов (на примере Кузбасса)». Заявленную тему автор раскрывает на материале анализа выборочно взятых, отдельных этнических обществ региона. В частности, проиллюстрированы основные цели и задачи, направления деятельности Новокузнецкой городской общественной организации «Шория». В целом характеристика общественной активности этнических движений (на материале шорцев, татар и евреев) практически ограничена у автора г. Новокузнецком, несмотря на заявленные более широкие территориаль-

ные рамки. Порою описание автором их работы сводится к констатации времени возникновения общественного объединения, его основной задачи и направлений связей. Здесь также не раскрывается организационная структура национальных обществ, не прослеживаются стремления в комплексе проанализировать их цели и задачи (декларируемые и реально выполняемые). Частный пример – характеристика Кемеровского отделения Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение» (по названию, принятому на момент опубликования авторской работы). Автор обошел стороной вопросы законодательства, роли средств массовой информации в формировании общественного мнения относительно рассматриваемых объединений [3]. Некоторые аспекты деятельности этнических объединений затрагиваются и в диссертации Е. В. Артюх на соискание ученой степени кандидата политических наук «Заинтересованные группы в условиях трансформации российского общества (региональный аспект)» [2]. Достаточно сжатый анализ национальных организаций коренных малочисленных народов, их классификация дается автором в контексте анализа политической роли заинтересованных групп и механизмов реализации групповых интересов в Кузбассе.

Публикация Е. С. Кузнецовой «Некоторые аспекты роста национального самосознания (Кемеровская область 1991-2003 гг.)» освещает политические условия, в которых появлялись и функционировали национальные общественные организации Кемеровской области. В работе подробно отражено возникновение указанных обществ, показаны деятельность Правительства РФ по формированию законодательной базы, а также миграционные процессы в регионе и связанные с ними проблемы. Однако автор не рассматривает издававшиеся в рассматриваемый момент областные законы о национальном движении, а также цели и задачи данных организаций [5].

В 2005 г. в г. Кемерово вышла монография исследователей Кемеровского госуниверситета и Института угля и углехимии СО РАН, а также Института философии и права СО РАН Новосибирска «Этнологическая экспертиза». Работа посвящена исследованиям в области поиска путей преодоления конфликта, назревшего между шорским населением Чувашенской сельской администрации и руководством угледобывающих предприятий, действующих в непосредственной близости от территорий традиционного хозяйственного природопользования шорцев. Рассматриваются проблемы развертывания территорий традиционного природопользования коренных жителей. В рамках данного круга проблем затрагиваются отдельные меры, предпринимаемые Ассоциацией шорского народа, стремящейся к выходу на областные и федеральные власти для совместной работы по закреплению за коренным населением земельных угодий, выработке социальных программ поддержки шорцев. В тексте экспер-

тизы впервые в сибирской историографии, посвященной проблемам малочисленных народов, был дан подробный анализ всех публикаций в прессе, посвященных истории зарождения и развертывания конфликта, вышедшего на международный уровень (Европейская комиссия, ООН) [9].

Таким образом, при достаточно обширной категории о становлении региональных общественных объединений, представляющих интересы проживающих в Кузбассе этнических групп, научные исследования не освещают всего спектра сложившихся проблем в их деятельности (в частности, к ним можно отнести формирование местной и федеральной законодательной основы функционирования национальных обществ). Следует отметить отсутствие в исследуемый период монографических трудов, посвященных данной проблематике, а также специальных работ по этническим и общественным процессам, затрагивающих вопрос о роли в них национальных организаций. Недостаточно изученными оставались процессы формирования организационной структуры национальных общественных объединений, а также отражение их деятельности в средствах массовой информации.

В целом опубликованные в указанный период исследования представлены в основном справочными изданиями и статьями, посвященными анализу отдельно взятых аспектов деятельности общественных объединений, представляющих интересы многонационального населения Кузбасса. Представленные работы демонстрируют как описательный, так и собственно аналитический подходы к исследованию этнических объединений в Кузбассе. Вместе с тем следует отметить целый ряд вопросов, оставшихся в данный период «за кадром» научных исследований. Это внутренняя организация национальных общественных объединений, формирование позиций региональных СМИ относительно характера освещения реализуемых ими программ, становление законодательной основы деятельности этнических обществ федерального и регионального уровня. Кроме того, в историографии рассматриваемого периода сложилась тенденция постоянного анализа обществ коренных этносов (шорцев и телеутов), фрагментарного изучения российских немцев и проживающих в Кузбассе татар, а также народов славянского происхождения (преимущественно русских и украинцев). При этом до настоящего времени нет исследований, посвященных всестороннему анализу этнокультурных центров (как и других форм общественных объединений), представляющих целый ряд народов, населяющих Кемеровскую область. В частности, практически не представлены в региональных исследованиях чуваш, представители мордвы, а также диаспоры выходцев с территорий современного Содружества Независимых Государств.

Литература / References:

1. 1. Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 304 с
2. 2. Артюх, Е. В. Заинтересованные группы в условиях трансформации российского общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Кемерово, 2004. – 27с.
3. 3. Артюх, Е. В. Региональная национальная политика в сфере представительства интересов (на примере Кузбасса)// Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности. Материалы международной конференции. - Кемерово, 2003. – Вып. 2. – С. 8 - 9.
4. 4. Батянова, Е. П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Серия А. Межнациональные отношения в современном мире. Документ № 39. – М.: ИЭиА РАН, 1993. – 23 с.
5. 5. Кузнецова, Е. С. Некоторые аспекты роста национального самосознания (Кемеровская область 1991–2003 гг.)// Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности. Материалы международной конференции. – Кемерово, 2003. – Вып. 2.– С. 253–254.
6. 6. Многонациональный Кузбасс. – Кемерово, 2003. – 160 с.
7. 7. Свиридова, И. А., Гвоздкова, Л. И. Основные направления региональной национальной политики Кемеровской области//Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности. Материалы международной конференции. - Кемерово, 2003. - Вып. 2. – С. 3–6.
8. 8. Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. – Новосибирск, 2000. – Вып. 1. – 175 с.
9. 9. Этнологическая экспертиза. – Кемерово, 2005. – Вып. 1. – 220 с.

Информация об авторах:

Новиков Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: d.v.novik@mail.ru

Крганов А. Р.

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ СТРУКТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация.

В статье описывается история межрелигиозных структур на пространстве бывшего СССР и предлагается их классификация по типу входящих организаций, географии деятельности и статусу. К настоящему времени межрелигиозные и межрелигиозно-межконфессиональные советы или комитеты созданы в России, Украине, Бело-

русии и Казахстане, планируется их создание также в Кыргызстане. Они стали важными инструментами народной дипломатии и продолжают сохранять свою актуальность.

Ключевые слова: межрелигиозный совет, межконфессиональный совет, Межрелигиозный совет России, муфтий, патриарх, умма, христианско-мусульманский диалог.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 19-22.

RELIGIOUS STUDIES

Krganov A. R.

Interreligious structures in the post-Soviet area

Abstract.

The article describes the history of interreligious structures in the former Soviet Union and proposes their classification by type of incoming organizations, geography and status. To date, interreligious and interreligious-interfaith councils or committees have been established in Russia, Ukraine, Belarus and Ka-

zakhstan, and they are also planned to be established in Kyrgyzstan. They have become important tools of people's diplomacy and continue to be relevant.

Keywords: interreligious Council, interfaith Council, Interreligious Council of Russia, mufti, Patriarch, Ummah, Christian-Muslim dialogue.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 19-22.

Феномен постоянно действующих межрелигиозных структур на постсоветском пространстве возник уже в новейший период. До 1917 года православные и мусульманские духовные лидеры взаимодействовали между собой эпизодически, в советский период их встречи стали регулярными на различных межрелигиозных конференциях, однако постоянно действующие органы созданы не были. В то же время за рубежом такие структуры стали возникать, и их опыт начал изучаться в СССР. В первую очередь, это была созданная в 1970 году Всемирная конференция религий за мир, членом которой впоследствии стал Межрелигиозный совет России.

Ситуация изменилась после развала СССР, когда на повестку дня встал вопрос об эскалации конфликтов на религиозной или национальной почве. Возникла потребность не просто в регулярных встречах духовных лидеров разных традиций, но в систематической выработке

общей позиции по наиболее актуальным вопросам. Удобней всего это было сделать в рамках специальных органов.

Совершенно логично, что первыми к инструменту постоянно действующего межрелигиозного диалога обратились мусульмане Кавказа. 4 сентября 1992 года в Грозном прошла конференция «Кавказский дом», участники которой провозгласили создание Высшего религиозного совета народов Кавказа. Первая конференция этой первой межрелигиозной структуры на постсоветском пространстве прошла 23 ноября того же года в Баку, поскольку инициатором ее создания выступил председатель Управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде. Этот опытный духовный лидер к тому времени имел уже двадцатилетний опыт межрелигиозного диалога, особенно успешно складывавшегося с Русской Православной Церковью. Интерес-

но отметить, что в настоящее время по числу высших наград Русской Церкви Аллахшукюр Паша-заде находится вне конкуренции, опережая любого православного архиерея.

Высший религиозный совет народов Кавказа объединял преимущественно мусульманских духовных лидеров; из немусульман его членами стали представители Русской Православной Церкви, которую на данный момент представляет в этом органе архиепископ Бакинский и Азербайджанский Александр.

Вскоре аналогичный опыт был повторен духовными лидерами Крыма. В ноябре 1992 года в Симферополе был учрежден Межконфессиональный совет «Мир – дар Божий», в который вошли девять религиозных организаций. Совет носил смешанный межрелигиозно-межконфессиональный характер, поскольку одну религию в нем представляли разные направления. Впоследствии стали возникать как организации такого типа, так и чисто межрелигиозные органы, где каждая религия была представлена только одним направлением. Для христианства это обычно было православие, для ислама – суннизм, для иудаизма – ортодоксальный иудаизм, для буддизма – желтошапочный ламаизм.

Через четыре года, в декабре 1996 г., в Киеве при Государственном комитете Украины по делам религий был образован Всеукраинский Совет Церквей и религиозных организаций, также смешанного межрелигиозно-межконфессионального типа. В него вошли уже 19 религиозных организаций – православных, католических, протестантских, армяно-апостольских, иудейских и мусульманских.

В конце 1997 года в Перми была создана первая межрелигиозно-межконфессиональная структура в России – Пермский межконфессиональный консультативный комитет, в который вошли также лидеры православной, католической, лютеранской и иудейской общин региона. К этому времени на повестке дня стояло создание общероссийской межрелигиозной структуры, тем более что в 1993 г. был создан Христианский межконфессиональный консультативный комитет стран СНГ и Балтии (ХМКК) «для развития сотрудничества между христианами на постсоветском пространстве».

Разработка концепции Межрелигиозного совета России (МСР) началась в Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии (ОВЦС МП) в 1991 году священником Александром Кожой, однако начавшийся в 1992 году раскол российской уммы не позволил реализовать эту инициативу в первой половине 1990-х. Между тем роль межрелигиозного диалога в урегулировании конфликтов быстро возрастала, что наглядно показали переговоры духовных лидеров России, Азербайджана и Армении по Карабахскому конфликту, а также совместная декларация патриарха Московского и всея Руси и

муфтия Чеченской Республики по поводу начала первой чеченской войны.

«К сожалению, в последние годы отношения Русской Православной Церкви с нехристианскими религиозными организациями в России и странах СНГ претерпели определенные осложнения. Это связано в первую очередь с серьезными изменениями в структурах и руководстве организаций традиционных религий. Осмысление своего опыта и состояния, резкие разномыслия внутри религиозных структур, открывшиеся новые возможности привели к разделению существующих десятилетиями организаций нехристианских религий, прежде всего, мусульманских, к образованию многочисленных новых организаций, к изменениям в их программах. Следует сказать о второй, не менее важной, причине, осложняющей современные межрелигиозные отношения – появление большого числа новых религиозных движений, течений и толков. Их деятельность далеко не всегда безобидна. В то же время отрадно, что, несмотря на упомянутые трудности, сопровождающие наши отношения с нехристианскими религиями в странах, составлявших прежде Советский Союз, продолжает сохранять силу уже накопленный нами потенциал дружбы и сотрудничества, который, мы верим, в состоянии выдержать это противостояние», – подчеркивал в 1994 году председатель ОВЦС МП митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл [1]. В 1997 году он же собрал совещание лидеров традиционных религий России, посвященное обсуждению Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях», в который по их предложению были внесены важные поправки.

23 декабря 1998 года по инициативе Кирилла состоялось учредительное заседание МСР. В первый состав его президиума вошли сам митрополит, от мусульман – муфтии Талгат Таджуддин и Равиль Гайнутдин, от иудеев – главный раввин Адольф Шаевич, от буддистов – глава Буддийской традиционной сангхи России пандитохамбо-лама Дамба Аюшев. Впоследствии президиум МСР дважды пополнялся – в 2001 году в него вошли председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа муфтия Исмаил Бердиев и главный раввин России Берл Лазар, а в 2018 году четвертым представителем мусульман в МСР стал муфтий Татарстана Камиль Самигуллин [2, с. 4].

Председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин, правда, утверждал, что МСР был образован именно по его инициативе, однако документальных подтверждений этой версии нет.

МСР развернул активную деятельность по целому ряду направлений, содействовав началу преподавания основ религиозных культур в средней школе и признанию теологии новой наукой, выпустил ряд резких заявлений с осуждением террористов, в частности, призвав превен-

тивно уничтожать террористов вместе с их пособниками, посредством ряда договоренностей облегчил материальное положение религиозных организаций. Главным же достижением совета стала инициатива по учреждению в России нового праздника – Дня народного единства [5, с. 180].

В 2000 году МСР организовал весьма представительный I Межрелигиозный миротворческий форум (13–14 ноября 2000 года), собравший около ста духовных лидеров постсоветского пространства. Через четыре года его идеи развил II Межрелигиозный миротворческий форум (2–4 марта 2004 года), главным итогом которого стало создание Межрелигиозного совета СНГ (МС СНГ). Новая структура получила смешанный межконфессионально-межрелигиозный характер – от христиан в нее вошли не только православные, но и представители Армянской апостольской церкви. Сопредседателями МС СНГ стали патриарх Московский и всея Руси Алексей II и председатель управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде. В 2009 году патриарх Кирилл предложил создать консультативную группу по межрелигиозному диалогу при ЮНЕСКО, в которую от мусульман пригласил главу мусульман Кавказа шейх-уль-ислама Аллахшукюра Паша-заде [4, с. 156].

К 2005 году МСР открыл свои региональные отделения в республиках Адыгея, Калмыкия и Карачаево-Черкесия, Красноярском и Пермском краях. При нем был создан экспертный совет, занимавшийся изучением новых законопроектов. В 2006 году МСР провел в Москве крупнейший межрелигиозный саммит за всю историю России – Всемирный саммит духовных лидеров (3–5 июля 2006 года).

В 2003 году серьезную заявку на участие в межрелигиозном диалоге высшего уровня сделал Казахстан. 23–24 сентября 2003 года по инициативе президента республики Н.А.Назарбаева в Астане прошел I Съезд лидеров мировых и традиционных религий. На нем было принято решение проводить это мероприятие не реже одного раза в три года и создать его секретариат. Примечательно, что до избрания главой Казахстана секретариат съезда возглавлял председатель Сената Парламента Республики Казахстан Касым-Жомарт Кемелулы Токаев, что свидетельствует об особом внимании властей республики к этой инициативе. К настоящему времени прошло уже шесть Съездов лидеров мировых и традиционных религий, последний из которых состоялся в октябре 2018 года [6].

30 декабря 2008 года приказом Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь № 53 было утверждено Положение «О Консультативном межконфессиональном совете при Уполномоченном по делам религий и национальностей». В новую структуру вошли представители разных христианских конфессий,

иудеи и мусульмане. Аналогичные органы к этому времени были созданы и в России, например, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России и похожие советы при многих губернаторах. Их главным отличием от межрелигиозных и межконфессиональных советов стал статус консультативных органов при властных структурах, в то время как Высший религиозный совет народов Кавказа, МСР, МС СНГ стали общественными организациями, созданными по инициативе духовных лидеров.

Таким образом, можно предложить следующую классификацию межрелигиозных структур на постсоветском пространстве:

- 1. По типу входящих религиозных организаций: межрелигиозно-межконфессиональные (одна религия представлена разными направлениями) – МС СНГ, крымский Межконфессиональный совет «Мир – дар Божий»; межрелигиозные – МСР, Межрелигиозный совет Республики Калмыкия; бирелигиозные – Высший религиозный совет народов Кавказа, Межрелигиозные советы Карачаево-Черкесии и Адыгеи.
- 2. По географии: региональные – Межрелигиозный совет Красноярского края; общегосударственные – МСР; международные – МС СНГ.
- 3. По статусу: общественные – МСР, МССНГ; при государственных структурах – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России, Консультативный межконфессиональный совет при Уполномоченном по делам религий и национальностей Республики Беларусь; смешанные – Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане.

В 2017 году была создана Рабочая группа по оказанию гуманитарной помощи населению Сирии Комиссии по международному сотрудничеству Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, которая уже в июне того же года начала гуманитарную миссию в Сирии. В состав группы вошли представители всех традиционных религий России, однако важнейшую роль в ее работе играли мусульмане и православные христиане. Появление этой группы ознаменовало начало нового формата межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве [3, с. 221].

В заключение можно отметить, что новые, постоянно действующие органы продолжают возникать на постсоветском пространстве: так, в 2018 году было принято принципиальное решение о создании межрелигиозного совета в Кыргызстане. Формат постоянно действующих межрелигиозных и межрелигиозно-межконфессиональных органов в полной мере сохраняет свою актуальность как важный инструмент народной дипломатии и имеет серьезные перспективы развития.

Литература / References:

1. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Торжественном акте, посвященном 50-летию ОВЦС МП // Православное чтение. – Режим доступа: <http://ru.zavet.ru/news/news-p010404.htm> (дата обращения: 06.09.2019).
2. Межрелигиозный совет России: 20 лет служения Отечеству. – М., 2018.
3. Мельник, С. В. Миротворческий межрелигиозный диалог: принципы, задачи, формы реализации // Minbar. IslamicStudies. – 2019. – Vol. 12. – №1.
4. Сафонов, Д.В. Межрелигиозный совет России как институт взаимодействия и формирования политики социального согласия. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 4. – №4.
5. Силантьев, Р. А. Исламо-христианский диалог в новейший период // Вопросы философии. – 2010. – № 9.
6. Официальный сайт Съезда лидеров мировых и традиционных религий. – Режим доступа: <http://www.religions-congress.org/> (дата обращения: 12.09.2019).

Информация об авторах:

Крганов Альбир Рифкатович, аспирант кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета. E-mail: gulistan-60@mail.ru

Ефремова О. Н.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ АДДИКТИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация.

Целью данного исследования выступает выявление предпосылок формирования аддиктивных форм поведения. Автор проводит теоретический анализ в рамках экзистенциально-феноменологической парадигмы. Основными категориями в анализе выступают экзистенциалы человеческого существования. Результатами, определяющими новизну исследования, являются следующие тезисы: в формировании аддикций заметная роль принадлежит паттерну избегания экзистенциальной тревоги и феномену душевного иждивенчества; прямой предпосылкой формированию аддикций выступает паттерн суррогатного удовлетворения фундаментальных потребностей; третьей позицией в пользу новизны исследования называем введение в анализ категории фундаментальных

потребностей, фрустрация которых, как одно из звеньев, заключена в замкнутом круге причин и следствий. Сферой применения результатов исследования полагается превентивная социально-психологическая деятельность специалистов в образовательных учреждениях. Понимание природы зависимого поведения способно стать основой разработки системы профилактических и терапевтических мер. Проблема аддикций требует решений, основанных на результатах междисциплинарных исследований, т.к. охватывает биологический, социальный и духовный уровень человеческого бытия.

Ключевые слова: аддикции, тревога, фундаментальные потребности, мужество быть, суррогатное удовлетворение, паттерн избегания тревоги, экзистенциальная тревога.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2019. Т. 1, №1. С. 23-27.

PHILOSOPHY

Efremova O. N.

Prerequisites for the formation of addictive behaviors: existential-phenomenological analysis

Abstract.

Purpose of this research is to identify the prerequisites for the formation of addictive behaviors. The author fulfill a theoretical analysis within the existential-phenomenological paradigm. The main categories in the analysis were the existentials of human existence. The results and novelty of the research are the following theses: the pattern of avoidance of existential anxiety and the phenomenon of mental dependency play a significant role in the formation of addictions; a direct prerequisite for the formation of addictions is the pattern of surrogate satisfaction of fundamental needs; the third position in favor of the novelty of the research — introduction to fundamental

needs analysis, the frustration of which as one of the links is enclosed in a vicious circle of causes and effects. The sphere of application of the research results is the preventive social and psychological activity of specialists in educational institutions. Understanding the nature of addictive behavior can be the basis for developing a system of preventive and therapeutic measures. The problem of addiction requires solutions based on the results of interdisciplinary research, as it covers the biological, social and spiritual level of human existence.

Keywords: addiction, anxiety, fundamental need, courage to be, surrogate satisfaction, pattern avoidance anxiety, existential anxiety.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 23-27.

Сегодня отмечается устойчивая тенденция к увеличению числа различных форм аддиктивного поведения. Эта тенденция представляет опасность для актуального состояния общества и дальнейшей перспективы развития. В настоящее время исследователи наблюдают пищевые, виртуальные аддикции, зависимости от психоактивных веществ, аддиктивные отношения, потребительские аддикции. Все эти формы социального поведения объединяет состояние зависимости (аддикции), причины которого необходимо исследовать.

В статье предпринята попытка экзистенциально-феноменологического анализа для исследования предпосылок формирования аддикций. Новизной исследования выступает не только указание на возможные предпосылки, но раскрытие их взаимосвязи. Множественным типологиям и классификациям аддикций противопоставляется предельный уровень обобщения аддиктивных форм как приоритетный в целях философского анализа. Третьей позицией в пользу новизны исследования называем введение в анализ категории фундаментальных потребностей, фрустрация которых, как одно из звеньев, заключена в замкнутом круге причин и следствий.

Цель исследования:

выявление предпосылок формирования аддиктивных форм поведения.

Гипотеза:

в качестве предпосылок формирования аддиктивного поведения могут выступать паттерны избегания тревоги и суррогатного удовлетворения социальных потребностей. В рамках гипотезы следует акцентировать внимание на онтологической природе тревоги, т.к. это переживание имманентно бытию человека и актуализируется в ответ на фрустрацию фундаментальных потребностей.

В целях методологического единства мы рассматриваем тревогу и аддикции в рамках экзистенциально-феноменологической парадигмы. Онтологическую тревогу можно определить как имманентное человеческому бытию состояние беспокойства по поводу своего становления и самоопределения, по поводу будущего себя; как проявление самосознания в условиях абсолютной свободы, одиночества, отсутствия универсального смысла и неотвратимости собственной смерти [2].

Экзистенциальная тревога есть ответ сознания данностям человеческого существования, которые он не выбирал, но в которые «вброшен». Это переживание этимологически несет смысл трижды повторенного сигнала об опасности. Тревога предвосхищает фрустрацию фундаментальных потребностей и пробуждает сознание от забвения, от «сна» [2]. Ее сигнал нужен для возвращения к

состоянию подлинного бытия, для воссоединения со своим психическим центром (самостью), для возобновления самоактуализации как самодвижения. Только в этой незащищенности, только тревожась, человек способен «расслышать собственный голос» – голос его самости. Только так человек способен осознать и выбрать действительные возможности, определяющие границы подлинного существования. Тревога переживается человеком актуально или латентно, не исчезая и не прекращаясь ни на минуту. Беспредметное и безобъектное беспокойство переживается тяжело и болезненно. Феномен душевной боли [9] есть ответ на тревогу и фрустрацию значимой потребности.

Боль причиняет не тревога, а фрустрация потребности. Переживание беспокойства иллюзорно, его ошибочно оценивают как болезненное и травмирующее. Такое заблуждение оборачивается дорогой ценой, т.к. возникает необходимость избежать тревоги или объективировать ее. Этот паттерн наблюдается не один десяток лет и становится все более устойчивым и распространенным под влиянием СМИ.

В центре внимания многих исследователей оказывается цена, которую платит индивид за избегание тревоги, собственная жизнь, неудовлетворительная жизнь. С. Кьеркегор был убежден, что в стремлении не чувствовать «ужас, гибель и уничтожение, обитающие рядом с любым человеком, люди ограничивают и умаляют себя» [10]. Невротик, согласно наблюдениям О. Ранка, «отказывается брать в долг (жизнь), чтобы не платить по векселю (смерть)» [10]. П. Тиллих утверждал, что «невроз есть способ избегания небытия путем избегания бытия» [7]. Э. Беккер говорил: «...Глубочайшая потребность человека – быть свободным от тревоги, связанной со смертью и уничтожением, но эту тревогу пробуждает сама жизнь, и поэтому мы стремимся быть не вполне живыми» [10].

В своем зрелом состоянии, которое можно условно определить выражением П. Тиллиха «мужество быть», человек способен в переживании тревоги «расслышать» ее голос и обратить свое внимание к зову самости, опознать в рефлексивном акте ту фундаментальную и социальную потребность, которая оказалась под угрозой фрустрации, и найти адекватные и конструктивные способы ее удовлетворения. «Мужество быть» [7] как позиция в отношении к бытию и тревоге требует от человека приложения душевных усилий. Усилиями в данном случае выступают удержание психического напряжения до момента реализации потребности, поисковая активность, рефлексия, переживание беспокойства. Аддиктивные формы поведения представляют собой уклонение от необходимого душевного труда, что может быть названо душевным иждивенчеством.

Феномен душевного иждивенчества правомерно представить в контексте рассмотрения общей стратегии аперсонального поведения. Понятие «аперсонализация» или

«аперсональное» означает «осуществляющееся без участия Person». Другими словами, аперсональное поведение представляет собой ситуацию, в которой человек не вносит свою духовную сущность в поведение, если рассматривать поведение как производную структуры и функции «Я» в виде активности, благодаря которой осуществляется взаимообмен, взаимодействие с внешним Миром, внесение себя во внешний Мир, при котором эта реализация осуществляется в виде диалога, взаимообмена, ответа Миру. Быть духовным – это значит быть персональным, брать на себя экзистенциальную ответственность и таким образом «вносить себя» в отношения [3].

Уклонение от созидającego душевного труда приводит к опустошению и дефицитарности самости, к слабой субъектной позиции, избеганию авторства. Дефицитарное состояние самости не позволяет вступить в социальные отношения в полном качестве, не позволяет проявить себя и воспринять другого. Дефицит сказывается во всем: опыт переживания мал, рефлексивная способность низкая, чувство угрозы (тревога) не позволяет быть инициатором отношений. Голод самости толкает к скорому, но суррогатному замещающему насыщению (не избирательно, не критично, всеядно). Такое заимствование правомерно характеризовать как паразитическое, т.е. не производящее ничего собственного для обеспечения качественной психической собственной жизни. Человек жадно поглощает, но при этом ничего не сохраняет, т.к. его процесс насыщения не сопровождается осознанностью, не инициируется им как автором, ничего не продуцирует (собственное отношение, оценка, решение, переживание). Самость обнаруживает себя для сознания по мере наращивания своих осознанных, избранных индивидом в актах решения содержания: я выбираю это, и теперь это часть меня. Каждый психический акт, в котором человек выступает как субъект, как автор, становится творческим и насыщает самость.

Термин «аддикция» и «аддиктивный» мы будем понимать как обобщающее понятие для всей многочисленной группы видов зависимостей, т.к. в каждой форме аддикции обнаруживает себя избегание человеком субъектной авторской позиции и неустойчивость в модусе подлинного бытия.

Признавая ценность рассмотрения фундаментальных потребностей, мы обратимся к типологии Э. Фромма. Фундаментальные потребности в социальном пространстве обретают особую форму реализации, т.е. посредством социальных связей, формирования общностей и социальных групп разной функциональности. Таким образом, фундаментальные потребности могут быть реализованы в системе социальных связей человек-человек. Именно потому, что за каждой социальной потребностью стоит фундаментальная, их удовлетворение достигает предельной значимости и определяет во многом качество жизни.

Человек предельно остро ощущает свою незащищенность в осознании своей конечности. Его обособленность в природном мире не оставляет надежды почувствовать себя в безопасности. Он ищет и находит укрытие в социальной среде. Потребность быть частью чего-то большего, чем ты сам, реализуется в чувстве принадлежности референтной социальной группе или сопричастности отношениям со значимым другим. Принятие, признание, покровительство, единомыслие, одобрение, забота составляют ресурс, удовлетворяющий фундаментальную потребность. Но поддержание ценных отношений и членства в значимой социальной группе требует от человека ответных усилий (ожидания, напряжения воли, эмпатии, открытости и риска в коммуникации, доверия), которые не каждый готов затрачивать. Душевное иждивенчество обрекает человека на лишение социальных ресурсов, вне которых удовлетворение фундаментальной потребности оказывается невыполнимым. Следствием душевного иждивенчества становится социальная изоляция, усугубляющая состояние беспокойства. Примером-иллюстрацией может послужить членство подростка в референтной группе. Лишение его возможности оставаться членом этой группы нередко оказывается равнозначным утрате идентичности («кто я теперь?»). Длительное состояние фрустрации фундаментальных потребностей актуализирует онтологическую тревогу. Общий психологический дискомфорт препятствует осознанному выбору желаемой замены. Следствием становится поиск и включение в замещающую среду (чаще виртуальную) другой социальной организации (религиозной, идеологической), куда принимают безусловно. Подросток в деструктивных организациях лишается возможности проявлять себя как субъект, как автор собственных решений, что еще более усиливает формирующуюся аддикцию.

Неотвратимость смерти, собственной смерти представит для сознания как судьба, данность, перед которой человек уязвим и беспомощен. Сознание оказывается захваченным тревогой. Человек испытывает потребность вернуться к ресурсному состоянию, в котором чувствует себя хозяином собственной судьбы. Он со-причастен собственной судьбе как ее автор только на пути самореализации, исполнения себя в качестве человека. Только в экзистенции человек открывает для себя возможность к преодолению своей биологической ограниченности, выступая как автор каждого осознанного психического акта: чувства, мышления, воли. Экзистенция как модус бытия человека в мире требует осознанного присутствия и усилий.

Человек несет ответственность за свое бытие. Буквально это означает, что человек обязан дать ответ на вопрос о том, что он из себя сделал. Тот, кто задает ему этот вопрос, есть его судья: этот судья есть он сам. Такая ситуация порождает тревогу, которая в относительном смысле есть тревога вины, а в абсолютном смысле – тревога отвер-

жения себя и осуждения [10]. Тревога, о которой говорит П. Тиллих, сопутствует переживанию экзистенциальной вины перед самим собой за отказ от самосотворения, от жизнестворчества, от осуществления себя или за разрушение себя [7]. Проявляющаяся тревога обнаруживает для сознания необходимость поиска иных, созидающих возможностей, способов бытия. Одним из таких способов является обретение чувства идентичности, тождественности самому себе, интегрированности, цельности, и на этой основе развитие своей индивидуальности, исключительности, уникальности. Эти новообразования являются основой конституирования, авторства, основой для раскрытия своего потенциала, для самореализации.

Потребность в преодолении своей биологической природы, самореализация может оказаться фрустрированной по причине душевного иждивенчества и избегания субъектной позиции. Неудовлетворенность потребности обнаруживает себя в переживании экзистенциальной вины и тревоги. Эти чувства так настойчиво пробиваются в сознание, что перед человеком встает выбор: последовать за чувствами и предпринять необходимые душевные усилия для самоосуществления или искать средство для защиты сознания от вторжения настойчивых переживаний. Убегая от сознания от натиска переживаний способны сильно действующие психоактивные вещества, к приему которых прибегает человек для суррогатного спасения от самого себя.

Тревога по поводу судьбы основана на осознании конечным существом своей полной случайности и отсутствия предельной необходимости [10]. Тревога судьбы и смерти порождает потребность в укорененности. Переживание своей отнесенности, принадлежности родовому гнезду, признание себя представителем одного из многих поколений своего рода, хранителем родовой памяти и ценностей создает оплот безопасности и надежности. Отвержение близкими, изгнание, исключение из семейного круга и другие фрустрирующие факторы провоцируют сильнейшую тревогу, тревогу перед Ничто, возможного небытия.

Сартр Ж.-П. в своем романе «Тошнота» описывает тревогу как отсутствие всякой заданности, предопределенности и оформленности мира. Вне конструкторов человеческого сознания мир предстает как беспочвенный, не структурированный, не помысленный никем. Тревогу порождает ответственность, которая неминуемо возлагается на всякого человека, определяющего для себя мир и себя в мире. Эта ответственность за созидание своего мира, назначение его быть каким-то. Экзистенциальная свобода выступает для сознания как данность, которую человек не выбирает, но которую не может игнорировать. Отказ признавать свободу, совершать выбор означает отказ выступать субъектом, избегание ответственности за совершенное и несовершенное. Уклонение от ситуации и необходимости

выбора представляется всего лишь одной из возможных альтернатив и тем самым оборачивается для сознания иллюзией противостояния экзистенциальной данности.

Будучи обреченным на свободу, по словам Ж.-П. Сартра, человек вынужден самостоятельно назначать для себя нормы и критерии оценки, отношения, определять ценностные приоритеты. Конфронтация сознания с экзистенциальной свободой актуализирует тревогу. Риск возможной ошибки, неверного шага в выборе, последующая неотвратимая ответственность вынуждают человека искать опору (системы ориентации и объекты поклонения), т.е. выбирать для себя существующие в человеческой культуре мировоззренческие системы (научные, паранаучные, религиозные, философские) и авторитетные источники по различным сферам жизни (конкретные люди, их идеология, политические и религиозные организации и их лидеры). Реализация этой потребности в социальной среде не освобождает от необходимости осознанного выбора. Выбор – это труд души. Слепое следование авторитетам и некритичное заимствование чужих убеждений и верований становится прямым следствием душевного иждивенчества и в то же время – предпосылкой формирующейся аддикции.

Отсутствие универсальных смыслов есть следствие экзистенциальной свободы и проблема для человека. Несмотря на то, что человечество за свою историю создало множество философских и религиозных учений, человек по-прежнему оказывается перед необходимостью созидать для себя смыслы, наполняющие его жизнь. Он должен взять на себя труд выбирать из многих содержаний, значений, смыслов, идей, целей созвучное и назначать как свое, утверждать в каждом осознанном акте. Тогда акт становится творческим.

Результаты исследования.

Предпосылками формирования аддиктивных форм поведения выступают:

Отождествление тревоги и фрустрации как источника болезненного переживания в условиях дефицита рефлексии. При паттерне избегания человек не распознает чувство и не следует ему. Напротив, он часто совершает этот неверный шаг, а после прилагает все усилия, чтобы заглушить в сознании голос вины и тревоги. Формируется замкнутый круг: паттерн избегания в отношениях с людьми приводит к разрушению отношений – фрустрация фундаментальных и социальных потребностей – нарастающие чувства вины и тревоги – вновь избегание. Потребность остается неудовлетворенной и получает суррогатное замещение: еда, алкоголь, покупки и другие формы.

Феномен душевного иждивенчества как уклонение от приложения необходимых душевных усилий, от позиции «мужества быть». Для поддержания своей субъект-

ной позиции необходимо усилие. Душевное иждивенчество проявляет себя как уклонение от субъектности и авторства собственного жизненного проекта. Избегание субъектной позиции поддерживает детскую иллюзию о структурированности и определенности мира в противоположность свободе как экзистенциальной данности. Эта иллюзия рождается в отношениях с доминантным, авторитарным взрослым на ранних этапах развития. В отсутствии структурирующей роли авторитарного взрослого актуализируется тревога в ответ на чувство утраченной безопасности. Этот механизм актуален вне зависимости от возраста.

Удовлетворение фундаментальных потребностей носит замещающий характер в силу главной причины – невозможности их реализовать вне модуса подлинного осознанного существования. Удовлетворение требует перехода к подлинности бытия. Но нахождение в этом модусе непереносимо для человека, избегающего экзистенциальной ответственности. Осознать и принять себя в качестве субъекта, автора, значит перейти в модус осознанного существования, предстать перед самим собой, выступать по отношению к внешнему миру в активной коммуникативной роли (быть замеченным, предъявленным) и, как следствие, быть в ответе за совершенное и несовершенное. Отказ от своей субъектности, ее отрицание есть отказ от ответственности за самоосуществление, самовоплощение, собственную экзистенцию. Принятие ответственности отягощено обязательством исполнять себя в качестве человека.

Прямой предпосылкой формированию аддикций является суррогатный тип удовлетворения фундаментальных потребностей как сформированный поведенческий паттерн.

Обобщающие тезисы:

Онтологическая тревога актуализируется в ответ на угрозу фрустрации фундаментальных потребностей. Фрустрация фундаментальных (в частности, социальных) потребностей причиняет душевную боль. Дефицит или отсутствие рефлексии не позволяет распознать настоящий источник болезненного переживания – фрустрацию. Тревогу отождествляют с болезненным переживанием и это становится поводом избегать этого чувства.

Избегание тревоги и рефлексии как многократное действие становится самоограничивающим паттерном. Заметное самоограничение происходит в сфере межличностных отношений и освоении социального пространства. Для глубоких и устойчивых межличностных отношений необходимы душевные усилия: удержание напряжения, рефлексия, эмпатия, осознанное присутствие и предъявление, открытость, переживания. Человек с паттерном избегания тревоги избегает и душевных усилий, без которых лишается качественных социальных связей, достижений, отношений. В условиях фрустрации социальных потребностей такой человек вынужден замещать социальные потребности суррогатной формой. Такое замещение выступает еще одной предпосылкой формирования аддиктивного поведения. Тревогу сопровождает чувство экзистенциальной вины как предупреждение или реакция на предательство самого себя, своей жизненной цели.

Понимание природы зависимого поведения способно стать основой разработки системы профилактических и терапевтических мер.

Проблема аддикций требует решений, основанных на результатах междисциплинарных исследований, т.к. охватывает биологический, социальный и духовный уровень человеческого бытия.

Литература / References:

1. Баранников, А. С. Духовная (персональная) депривация: феноменологическое содержание, последствия, особенности диагностики и помощи // Развитие личности. М.: МПГУ, 2010. – № 6. – С. 11–24.
2. Белоглазова, О. Н. Феномен тревоги как модус человеческого существования: автореф. дисс. ... к. филос. н. Новосибирск, 2011. – 20 с.
3. Лэнгле, А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. – М.: Генезис. – 2005. – 159 с.
4. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. – 640 с.
5. Сартр, Ж.-П. Тошнота: Роман. Рассказы. – М.: АСТ, Транзит книга, 2003. – 412 с.
6. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
7. Тиллих, П. Мужество быть // Теология культуры. Избранное. – М.: Юрист, 1995. – С. 7–111.
8. Фромм, Э. Бегство от свободы. – М.: Политиздат, 1990. – 442 с.
9. Шнейдман, Э. С. Душа самоубийцы. – М.: Смысл, 2001. – 315 с.
10. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 1999. – 576 с.

Информация об авторах:

Ефремова Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и культурологии, Кемеровский государственный медицинский университет.
E-mail Petrola7877@yandex.ru

Суркова И. Ю., Березина Е. С.

ПРОДВИЖЕНИЕ БРЕНДА РАБОТОДАТЕЛЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ПРОДАЖ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРОНИКИ

Аннотация.

Целью исследования является анализ стратегий продвижения бренда работодателя – организаций, занимающихся продажей электроники и бытовой техники, – на региональном рынке. Эмпирической базой исследования выступают данные форумов, сайтов компаний, социальных сетей, содержащих информацию от соискателей, бывших сотрудников, работающего персонала относительно бренда их работодателя. В процессе написания научной статьи был использован интерпретативный анализ документов. В работе освещается проблема формирования бренда современной компании в целом, особый акцент сделан на анализе бренда работодателя двух компаний в сфере продажи электроники и бытовой техники:

ООО «СИТИЛИНК» ОП Саратов и ОП Краснодар. Выявлены основные проблемы продвижения бренда работодателя в данных компаниях. Результатами работы послужили разработанные рекомендации, направленные на продвижение бренда работодателя, которые могут быть реализованы не только в конкретных организациях, но и в деятельности других компаний подобного рода. Наряду с этим в статье рассматривается ряд недостаточно изученных проблем сферы регионального рынка труда бытовой техники и электроники в целом.

Ключевые слова: брендинг, HR-бренд, региональный рынок труда, рынок продаж бытовой техники и электроники, продвижение бренда работодателя, стратегии продвижения HR-бренда, имидж организации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 28-34.

SOCIOLOGY

Surkova I. Yu., Berezina E. S.

Promotion of the employer's brand in the regional sales market of home appliances and electronics

Abstract.

The purpose of the study is to analyze the strategies of promoting the brand of the employer - organizations engaged in the sale of electronics and household appliances - in the regional market. The empirical base of the study is data of forums, sites, social networks containing information from applicants, former employees, working staff regarding the brand of their employer. In the process of writing a scientific article was used interpretive analysis of documents. The source base are data forums about the employer, the company's website. The work covers the problem of forming the brand of a modern company as a whole, a special emphasis is placed on considering the brand of the employer of two companies in spare-electronics and household appliances on the example of LLC

"CITILINK" OP Saratov and OP Krasnodar. Then the main problems of employer brand promotion in these companies are indicated and the main recommendations for their solution are indicated. The results of the work were developed recommendations aimed at promoting the employer's brand, which can be implemented not only particular organization, but also in the activities of companies of this kind. Along with this, the article considers a number of insufficiently studied problems of the regional labor market of household appliances and electronics in General.

Keywords: branding, HR brand, regional labor market, the market of sales of household appliances and electronics, advance of a brand of the employer, ways of advance of a brand, image of the organization.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 28-33.

В современных условиях развития системы управления человеческими ресурсами бренд работодателя становится одним из важнейших активов, благодаря которому формируется и укрепляется имидж организации, транслируются ценности корпоративной культуры, осуществляется воспроизводство социальных норм, воздействующих на жизнеспособность компании. Активная экспансия символических моделей потребления актуализировала интерес научного сообщества к изучению механизмов генерации и трансформации HR-брендов, которые стали маркерами социального пространства [4, с. 3–4], высвечивая репутационную атрибутику компании.

Е. В. Фахрутдинова и Ю. С. Колесникова определяют репутацию через категорию нематериальной собственности, из которой возможно извлечь доход через средства индивидуализации (атрибуты, отличающие компанию от всех других), при этом в качестве товара выступают предложения работодателя [14, с. 69–70]. Эти предложения, с одной стороны, позволяют бороться и удерживать качественные трудовые ресурсы в организации, уменьшая затраты на подбор, отбор и закрепление персонала в организации, одновременно увеличивая доходность организации от эффективной трудовой деятельности сотрудников. С другой – повышают уровень лояльности персонала, напрямую связанного с показателями удовлетворенности трудом, вовлеченностью персонала в работу, производительностью [13, с. 69].

Генезис термина HR-бренд следует рассматривать с работ С. Бэрроу и Т. Амблера, которые полагали, что оружием конкурентной борьбы вполне могут стать объявления о работе, в связи с чем специалистам по управлению персоналом необходимо уделять внимание созданию концепции компании как идеального рабочего места, в том числе с помощью маркетинговых инструментов [16, р. 4]. Бренды работодателя должны быть основаны на ряде функциональных (оплата предоставленных услуг, безопасная производственная среда, предоставление необходимого оборудования) и эмоциональных (привязанность к работодателю, лояльность, вера в ценность и миссию организации) преимуществ [3].

Несмотря на достаточно популярное использование понятия «Бренд работодателя» как в социологии управления, так и в экономике, по-прежнему сохраняется терминологическая путаница в его определении. Так, для Б. Минчингтона бренд работодателя – это имидж организации как «отличного места работы» для сотрудников и основных стейкхолдеров [9]. Если воспользоваться идеями Ф. Котлера, то классическая трактовка торговой марки, представленной как символ, «предназначенный для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и дифференциации их от товаров конкурентов, соответственно» [5, с. 23], открывает возможности расширения диапазона объяснительных моде-

лей и HR-бренда, ассоциируя его с маркерами уникальности организации как места работы. Об этом же пишет Д.Г. Кучеров, указывая, что HR-бренд – это уникальный образ компании как работодателя на рынке труда, который становится весьма привлекательным для потенциальных и действующих сотрудников и выступает серьезным аргументом в «войне за таланты» [6]. Таким образом, в данных определениях акцент сделан на привлекательности образа компании как хорошего места работы в глазах потенциального и нынешнего персонала, клиентов (потребителей услуг), акционеров.

Другая группа определений, по мнению Т. Ю. Арьковой, фокусируется на представлении бренда работодателя как «способе, которым бизнес строит свою идентичность, начиная с базовых основ и ценностей, и то, каким образом он доносит ее до всех заинтересованных лиц» [1]. При этом подходе разрабатываются этапы построения HR-бренда, анализируются способы улучшения репутации компаний как работодателей (на основе передовых организаций), отрабатываются модели эффективного использования человеческого капитала через самоидентификацию и позиционирование себя на рынке [2].

В то же время часть исследователей рассматривают бренд работодателя с позиции производителя / потребителя. При этом в роли производителя выступают работодатели, а потребителей – сотрудники компании или соискатели (кандидаты на вакантные места). В контексте данной теоретической модели ядром бренда работодателя выступает ценностное предложение работодателя [15], под которым понимают совокупность материальных и нематериальных благ и выгод, предлагаемых сотруднику работодателем в обмен на его знания, навыки, способности и даже лояльность. Такие выгоды позволяют привлечь и удержать хороших специалистов. В своих исследованиях Н. Осовицкой удалось совместить основные элементы атрибутивного и ролевого подходов, подразумевая под ценностным предложением в HR-брендинге атрибуты работодателя, отличающие его от других компаний, набор ключевых преимуществ, которые организация предлагает сотруднику в обмен на его навыки, усилия и время [10, с. 14].

Обобщив основные представления о бренде работодателя, можно сделать вывод о том, что под HR-брендом понимается, с одной стороны, определенный набор преимуществ (экономических – компенсации и льготы; функциональных – обучение новым компетенциям; психологических – корпоративная идентичность), которыми обладает конкретный работодатель, позволяющий ему привлечь и удержать высококвалифицированных работников [16, р. 4], с другой, ценностное предложение, маркирующее идентичность и стратегии продвижения информации о себе, как работодателя, на рынке труда.

В данной статье предлагается рассмотреть проблему продвижения бренда работодателя на региональном рынке продаж бытовой техники и электроники. Сети магазинов бытовой техники и электроники относятся к специализированным розничным сетям, в которых продают группу товаров или часть товарной группы. В результате имеются более тесные связи с поставщиками, упрощается и становится более удобным сервис по оформлению документации. В данных специализированных организациях представляются лучшие условия для изучения покупательского спроса, а также появляется больше возможностей для предложения покупателям сопутствующих сервисных услуг. В России на рынке бытовой техники сегодня представлены две крупные российские компании: «М.Видео» и «Эльдорадо». До недавнего времени достаточно крупной торговой сетью являлась немецкая компания «Media Market», но она постепенно ушла с отечественного рынка, т.к. была продана группе «Сафмар» и переименовалась в «М. Видео».

По результатам исследования GfKТЕМАХ, российский рынок бытовой техники и электроники вырос в 3-м квартале 2018 года на 16,8% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Развитие рынка стало столь успешным в связи с увеличением объема продаж, что объяснялось ожиданиями потребителей роста цен в 4-м квартале из-за нестабильного курса рубля. При этом сектор телекоммуникации опережает все другие по темпам прироста (23%), на втором месте находится сектор компьютерной техники (17,7%) и малой бытовой техники (15%). В других секторах наблюдался рост от 3,9% (фото) до 13% (аудио-видео). Российский рынок достиг почти 442 млрд руб. в 3-м квартале 2018 года. Что же касается ситуации в 2019 году, то российский рынок бытовой техники и электроники (БтиЭ) вырос во 2-м квартале 2019 г. на 4,9% по сравнению со 2-м кварталом 2018 г. Спрос скорее стабилен, с небольшим ростом по некоторым категориям. Интерес потребителей к инновационным технологиям и multifunctional решениям поддерживает позитивный тренд рынка. Сектор телекоммуникации сохранил лидирующую позицию по темпам роста продаж (10,8%), за ним держится уже второй квартал подряд сектор малой бытовой техники (9%) и с небольшим отрывом сектор крупной бытовой техники (5%). Остальные сектора техники демонстрируют негативную динамику продаж от -1% (офисная) до -7,9%. Российский рынок БтиЭ во 2-м квартале 2019 года превысил оборот в 368 млрд руб. [12]. В связи с этим работа в сфере продаж электроники и бытовой техники считается престижной, особенно это касается крупных сетевых точек. Кроме того, работа с технологическими новинками является квалифицированной и интересной.

Очевидной является необходимость продвижения HR-бренда в соответствии с целевой аудиторией.

Для этого разрабатывается карта восприятия бренда, в которой обозначается реальная ситуация организации, желаемое состояние и анализ конкурентной среды, что может повлиять на выбор стратегии брендинга. Специалисты по управлению человеческими ресурсами определяют область целеполагания, анализируют ценностное предложение HR-бренда, его содержание и значимость для персонала. В ходе трансляции ценностного предложения зачастую используют различные каналы коммуникаций и основные средства информационной поддержки (газеты, журналы, книги, телевидение, радио, адресную рассылку и социальные сети в Интернет-пространстве, наружную рекламу, промо-акции, неформальные коммуникативные средства передачи информации – слухи) [7].

Существует несколько стартовых площадок для продвижения бренда работодателя:

– Сайт компании. На корпоративных сайтах, как правило, размещается раздел с вакансиями, на котором публикуется актуальная информация о потребности организации в персонале. Данный раздел является визитной карточкой для формирования позитивного имиджа компании, поскольку именно его в первую очередь рассматривают потенциальные соискатели. На сайте можно представить миссию и основные ценности организации, рассказать об уникальных преимуществах и особенностях функционирования. Еще одним инструментом продвижения HR-бренда в рамках данной стартовой площадки является раздел, где компании размещают историю своего развития и успеха, репрезентируют достижения сотрудников (как индивидуальные, так и отделов/компании в целом). В последнее время все более популярными стали фотоотчеты.

– Социальные сети, наиболее популярными из которых являются порталы Facebook и Twitter, в России – ВКонтакте. Однако web-страницы работодателей требуют постоянного обновления информации, то есть временных затрат. Они предоставляют возможность провести социологические опросы, направленные на оценку эффективности деятельности организации, выявить проблемные зоны в области брендинга, известить потенциальных потребителей о всевозможных активностях (благотворительных или маркетинговых акциях), о новинках.

Значительную долю от общего количества персонала в сфере продаж бытовой техники и электроники занимают специалисты, работающие напрямую с покупателями. Такие сотрудники, как правило, хорошо разбираются не только в технике и электронике, но и также являются активными пользователями сети Интернет. Именно данный канал является одним из самых эффективных для продвижения бренда работодателя.

Так, например, сеть «Эльдорадо» разработала и совсем недавно прокачала свой сайт для потенциальных кандидатов. HR-портал с необходимой информацией для соискате-

лей получил удобную навигацию, оформление в соответствии с визуальной концепцией бренда и ряд других качественных изменений. Нововведения позволили компании сократить затраты на поиск персонала, снизить стоимость одного подобранного кандидата в розницу через сайт, а также увеличить эффективность контекстной рекламы и поискового продвижения на конкретные вакансии.

Важно отметить, что розничные сети могут быть представлены в самых удаленных уголках региона. И там интернет может не всегда работать. Единственным источником в этом случае будет газета или объявление на двери магазина. Также достаточно значимым фактором является автоматизация некоторых процессов. Так, электронный документооборот и программа E-staff значительно экономят время сотрудников кадровой службы, тем самым позволяют не упускать самого ценного сотрудника. Вместе с тем они позволяют не тратить время на кандидатов, которые ранее уже обращались в компанию и по каким-либо причинам были отклонены.

Руководители кадровых служб топ-организаций часто делают акцент на опросе среди бывших, существующих и потенциальных сотрудников, что позволяет определить сильные и слабые стороны компании в настоящее время. «Ведь любая компания наверняка начинает продвигать себя как хорошего работодателя не с момента ее регистрации как юридического лица, а набрав некую критическую массу, построив бизнес до определенного уровня и, соответственно, собрав команду, которая составляет костяк этого бизнеса»[8].

Как уже говорилось выше, имидж организации как работодателя формируется через продвижение ценностного предложения. В его структуре исследователи зачастую делают акцент на ряде ключевых атрибутов [11]. Проанализируем данные атрибуты на примере одного из крупнейших дискаунтеров бытовой техники «Ситилинк». В целом на HR-бренд оказывают влияние следующие мнения [14]:

- 1). Действующих, бывших, потенциальных сотрудников;
- 2). Партнеров компании;
- 3). Конкурентов компании;
- 4). Клиентов компании.

На наш взгляд, одной из серьезных помех для экспансии позитивной репутации компании как работодателя является именно первая категория стейкхолдеров. В связи с этим за основу был взят анализ отзывов сотрудников о работодателе на сайтах TipWorker (15 отзывов) (Режим доступа: <https://tipworker.com/otzyvy-sotrudnikov/sitilink>. Дата обращения: 10.10.2019), О работе (149 отзывов) (Режим доступа: <https://neorabote.net/feedback/list/company/15657>. Дата обращения: 10.10.2019), О труде (144 отзыва) (Режим доступа: <https://otrude.net/employers/56771>. Дата обращения: 10.10.2019).

Компенсации (прямое вознаграждение, основной доход). Достойная заработная плата включает оклад и бонусы, либо процент от продаж. Вместе с тем трудолюбивые работники получают также премии и другие вознаграждения. По данным статистики, средняя зарплата в компании «СИТИЛИНК» варьируется примерно от 16 241 руб. в месяц на должности уборщика производственных и служебных помещений до 54 895 руб. в месяц на должности категорийного менеджера (информация о зарплате поступает из 2 410 точек данных и собрана от сотрудников компаний, пользователей и вакансий, размещенных на Indeed за последние 36 месяцев). Данная позиция в некоторых отзывах была обозначена в качестве положительных сторон работодателя: «Зарплату выплачивают вовремя, задержки случаются редко». Однако подавляющее большинство сотрудников на сайтах фиксируют проблему с «серой зарплатой»: «При любой возможности штрафуют, причем без доказательств. Никто не удосужится даже попробовать выяснить виноватого»; «премиальные в конверте, что наталкивает на мысль: косякнул – голый оклад».

Бенефиты – пенсионное обеспечение, услуги здравоохранения и оздоровительные программы, льготы, т.е. все, что составляет в современном понимании социальный пакет. В некоторых отзывах упоминалось в качестве позитивных сторон наличие скидок для сотрудников: «Скидки для сотрудников есть, и то ввели их только недавно. Скидки разные, но в основном небольшие». По результатам анализа сложно сделать полные выводы, поскольку в отзывах сложно было идентифицировать оценку бенефитов.

Карьера (кадровый резерв, ротация, обучение и развитие персонала, вариативность карьерных сценариев сотрудников, управление эффективностью труда через продвижение успешных работников). Возможность продвигаться по карьерной лестнице без наличия образования предоставляется крайне редко, однако в данной сфере это сделать можно при условии успешного выполнения работником своих должностных обязанностей. Однако качество обучения на сайтах подверглось критике: «Отвратительное и бездарное объяснение теоретического и компьютерного материала в процессе обучения». Некоторые сотрудники писали, что «карьерный рост практически невозможен».

Культура (организационные ценности, субординация, отношения с руководством и коллегами, практики коммуникации в организации, лояльность персонала организации к руководству, отношение к инновационному менеджменту). Отличительной особенностью является осведомленность о последних технических новинках, т.к. информация о технике обязательно пригодится при покупке нового гаджета или бытовых приборов. Достаточно часто в отзывах встречалось упоминание о хорошем, сплоченном коллективе.

Условия работы (рабочий график, дисциплина, режим труда и отдыха). Данная позиция самая уязвимая с позиции позитивной оценки организации как работодателя. Достаточно много отзывов отрицательных относительно бытовых условий: «На объектах нет туалетов и питьевой воды, нет столовых и даже целых стульев»; «кондиционеров либо нет, либо они не работают». Позитивно в основном оценивается график работы: «Удобный график 2/2»; «график работы, удобное расположение, руководство не стоит над душой». Серьезные компании занимаются постоянным обучением своих сотрудников. Это связано, прежде всего, со спецификой работы в данной сфере, т.к. чем больше знает работник, тем больше он может продать и тем выше его заработная плата. Однако есть и определенные трудности, с которыми могут столкнуться работники, среди них такие, как отсутствие выходных в праздничные дни, напряженные условия работы, определенные физиологические условия труда. Это прежде всего касается торгового персонала (продавцы-консультанты, кассиры), управляющих магазином и обслуживающего персонала. Все остальные специалисты в большинстве случаев работают в обычном режиме. В связи с этим оценка атрибутов «карьера» и «условия труда» находятся в жесткой взаимообусловленной связи, что оказывает влияние на имидж организации как работодателя.

Суммируя оценки сотрудников и бывших работников «Ситилинк», размещенные на выше представленных сайтах, констатируем, что рейтинговая оценка данной организации достаточно низкая и составляет от 2,36 до 2,5 балла (из 5). Отметим, что, несмотря на определенные особенности работы в сфере продаж электроники и бытовой техники, продвижение HR-бренда всегда актуально. Это связано, как минимум, с нестабильной ситуацией на валютном рынке, поскольку от курса доллара и евро зависит стоимость товаров. А это, в свою очередь, отражается на заработной плате каждого сотрудника торговой сети.

В рамках данного исследования был проведен сравнительный анализ продвижения бренда работодателя ООО «Ситилинк» ОП Саратов и ОП Краснодар. В результате было выявлено, что оба подразделения имеют схожие слабые стороны во внешнем бренде работодателя.

1. Отсутствие транслируемой миссии и цели компании. Проект «Ситилинк» является федеральной сетью электронных дискаунтеров. Такие масштабы компании обязывают ее иметь собственную миссию и цели. Проект существует на рынке более 10 лет. За это время так и не были разработаны основополагающие принципы существования организации. Преимущества компаний с уже определенной миссией и целями заключаются в том, что:

- окружающим становится ясно, для чего создавалась данная организация;
- у сотрудников компании есть общая цель, тем самым увеличивается их лояльность, формируется прочный коллектив;

- четко обозначаются конкурентные преимущества;
- руководители подразделений и их подчиненные не противостоят друг другу, а продвигаются в одном заданном направлении.

В разработке миссии и целей должны принимать участие руководящий состав компании, а также ведущие специалисты. Это позволит четко и точно сформулировать миссию, безошибочно определить цели компании, а также объединить управленческий состав, направив всех в нужное русло.

Сформулированную миссию и цели необходимо разместить:

- на официальном сайте компании;
- на внутренних порталах компании;
- на сайтах по поиску работы;
- в социальных сетях;
- в напечатанной продукции компании (блокноты, календари, плакаты и т.д.);
- на информационной стойке или в уголках информации в магазинах и точках выдачи заказов.

2. Отсутствие (минимальное количество) положительных отзывов о компании как о работодателе и низкий рейтинг компании как работодателя на сайтах в сети Интернет. Сбор информации о работодателе, в том числе посредством отзывов от бывших и действующих сотрудников в настоящее время становится обычным явлением. Тревожным сигналом являются только негативные отзывы. Однако отсутствие разного рода отзывов может свидетельствовать о том, что:

- в компании все успешно и жалобы отсутствуют;
- компания не популярная;
- негативные отзывы удаляются.

3. Низкий процент откликов соискателей, соответствующих профилю должности. Для увеличения целевых откликов на вакансии необходимо, чтобы у компании появились положительные отклики. При этом наличие негативных откликов допустимо, но не более 10% от общего количества. Также рекомендуется на официальном сайте компании по поиску сотрудников создать раздел «Отзывы о работодателе». В данном разделе каждый желающий сможет оставить отзыв о компании «Ситилинк» как о работодателе. Для действующих сотрудников необходимо сделать рассылку на рабочую почту, в которой будет указана ссылка на новый раздел. Рассылка должна носить добровольный характер. Сотрудник будет выступать как стратегический ресурс привлечения новых сотрудников, так и амбассадором в случае негативных отзывов. Введение данного раздела позволит увеличить лояльность по отношению к компании со стороны соискателей и потенциальных клиентов, а также позволит привлечь персонал требуемой квалификации.

Для увеличения потока кандидатов, соответствующих профилю должности, предлагается использовать тарге-

тированную рекламу, т.к. она является целевой и позволит привлечь специалистов требуемой квалификации. Дополнительно можно использовать ретаргетинг. С помощью него можно заинтересовать аудиторию, которая посещала официальный сайт. При этом необходимо ориентироваться на следующие настройки рекламы:

- базовые настройки, к которым относится пол и возраст;
- географическое местоположение, где требуется сотрудник;
- поведенческие факторы (лайки на статьи, фотографии, а также комментарии в сообществах, связанных с электроникой и бытовой техникой, либо с поиском работы, а также аналогичной вакансией);
- интересы (размещение рекламы в сообществах по

поиску работы, а также связанных с электроникой и бытовой техникой);

– время запуска (при размещении рекламы необходимо учитывать время пика посещения сообщества или форума).

Итак, продвижение бренда работодателя нельзя считать проектом с конкретным финалом. Это творческий и увлекательный процесс длиной в жизнь компании. Ведь отслеживать состояние имиджа необходимо на постоянной основе. Замерять эффективность продвижения, контролировать, сопоставлять с конкурентами и ситуациями на рынке труда – все это необходимо осуществлять непрерывно, чтобы оставаться привлекательным работодателем. Именно качественно подобранный персонал может вывести организацию на новый уровень.

Литература / References:

1. Арькова, Т. Ю. Управление человеческими ресурсами организации на основе системы HR-брендинга // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2011. – №1. – С. 62–66.
2. Бурковская, О., Осовицкая, Н. Как построить HR-бренд вашей компании. 53 способа повысить привлекательность компании-работодателя. – СПб.: Питер, 2010. – 284 с.
3. Бэрроу, С. Бренд работодателя. Лучшее из бренд-менеджмента – в работу с кадрами. – М.: Группа ИДТ, 2007. – 200 с.
4. Костылева, Н. В. Бренд как социокультурный феномен: социологический анализ: автореф. дисс. ... к. социол. н. : 22.00.06 / Ур.гос. техн. ун-т. - Екатеринбург, 2006.
5. Котлер, Ф. Основы маркетинга. – М.: Прогресс, 1991. – 240 с.
6. Кучеров, Д. Г. Бренд работодателя: область маркетинга или управления человеческими ресурсами? // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – №3. – С. 98–120
7. Мансуров, Р. Е. HR-брендинг. Как повысить эффективность персонала. СПб: БХВ-Петербург, 2011. – Режим доступа: <https://litra.pro/hr-breeding-kak-povisitj-effektivnostj-personala/mansurov-r-e/read> (дата обращения 10.09.2019).
8. Маркетинг на рынке труда: с чего начинается внешнее продвижение HR-бренда? // Проект HR-Portal. – Режим доступа: <https://hr-portal.ru/blog/marketing-na-rynke-truda-s-chego-nachinaetsya-vneshnee-prodvizhenie-hr-brenda/> (дата обращения 8.10.2019).
9. Минчингтон, Б. HR-бренд. Как стать лидером. Строим компанию мечты. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 280 с.
10. Осовицкая, Н. HR-брендинг: управление талантами, онлайн-обучение, геймификация и еще 15 эффективных практик. – СПб.: Питер, 2014.
11. Пеша, А.В. Ценностное предложение работодателя – сущность и значение в экономике организации // Human Progress. – 2016. – № 2. – Режим доступа: http://progress-human.com/images/2016/Tom2_12/Pesha.pdf (дата обращения 12.10.2019).
12. Результат GfKТЕМАХ® России по 2 -м квартале 2019 г. // TEMAXRussia. – Режим доступа: <https://temax.gfk.com/ru/reports/> (дата обращения 10.10.2019).
13. Суркова, И. Ю. Особенности репрезентации бренда работодателя – федеральной противопожарной службы ГУ МЧС России // Профессиональная ориентация. – 2018. – №2.
14. Фахрутдинова, Е. В., Колесникова, Ю. С. HR-бренд, бренд и репутация компании как объекты нематериальной собственности // Креативная экономика. – 2013. – №2. – С. 69–76
15. Heger, B. K. Linking the Employees Value Proposition to employee's engagement and business outcomes: preliminary findings from a linkage research pilot study // Organization Development Journal. – 2007. – №25 (2) . – Pp.121-132.
16. Mosley, R. Employer Brand: the Performance Driver No Business Can Ignore. – Published by A Shoulders of Giants. – 2009.

Информация об авторах:

Суркова Ирина Юрьевна, д.с.н., профессор кафедры управления персоналом ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина. E-mail: irina_surkova@mail.ru.

Березина Екатерина Сергеевна, к.э.н., доцент кафедры управления персоналом ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина. E-mail: es.berezina@yandex.ru.

Грбич-Павлович Н., Павлович Г.

ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБСКОЙ И В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ*

*Работа написана на основе законодательства Боснии и Герцеговины по состоянию на 1 мая 2017 г.

Аннотация.

Работа посвящена проблемам противодействия терроризму в Боснии и Герцеговине как на общегосударственном уровне, так и на уровне одного из входящих в неё государственных образований — Республики Сербской. Приводятся различные теоретические подходы к определению терроризма, имеющиеся в современной уголовно-правовой, криминологической, социологической, политологической и другой специальной литературе; отмечается сложность выработки ценностно и политически нейтрального определения данного понятия. Подробно анализируются акты, принятые уполномоченными органами государственной власти, которые определяют политику безопасности и стратегию противодействия терроризму на всех уровнях государственного устройства БиГ.

Особое внимание уделено государственному и региональному уголовному законодательству о борьбе с терроризмом; отмечаются процессы его гармонизации с международным и европейским правом; приводятся примеры из практики Суда Боснии и Герцеговины по делам о преступлениях террористического характера. Делается вывод о необходимости участия всех структур гражданского общества, включая религиозные объединения и академическое сообщество, в решении проблемы терроризма, об уделении особого внимания несовершеннолетним и молодёжи, которые уже увлеклись идеями насилия, однако ещё не предприняли шаги к причинению вреда кому-либо.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, политика безопасности, уголовное законодательство, Республика Сербская, Босния и Герцеговина.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 34–45.

POLITICAL SCIENCE

Grbich-Pavlovich N., Pavlovich G.

Legal and institutional possibilities of counteraction to terrorism in RepublikaSrpska and Bosnia and Herzegovina

Abstract.

The work is devoted to the problems of counter-terrorism efforts in Bosnia and Herzegovina both at the national level and at the level of one of the state entities - the Republika Srpska - which are part of it. Various theoretical approaches to the definition of terrorism are presented, which are available in modern criminal law, criminological, sociological, political and other specialized literature, there is a difficulty in developing a value-based and politically neutral definition of this concept. The acts adopted by the authorized state authorities that define the security policy and strategy of countering terrorism at all levels of the state structure of Bosnia and Herzegovina are analyzed in detail. Particular attention is paid to state and

regional criminal legislation on combating terrorism, the processes of its harmonization with international and European law are noted, examples are given of the practice of the Court of Bosnia and Herzegovina in cases of crimes of a terrorist nature. It concludes that all structures of civil society, including religious associations and the academic community, need to participate in addressing the problem of terrorism and paying special attention to minors and young people who are already interested in the ideas of violence, but have not yet taken steps to harm someone.

Keywords: terrorism, counter-terrorism efforts, security politics, criminal law, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 34-45.

1. Различные определения терроризма.

Хотя речь идёт о явлении, имеющем давнее происхождение, по сей день не существует единого общепринятого понимания и определения терроризма, а в юридической, социологической, философской, политологической и другой литературе можно найти различные его дефиниции. Кроме того, проблема определения терроризма десятилетиями является источником межгосударственных споров. На сей счёт даже ведущие специалисты высказывают противоречивые мнения. Так, Вальтер Лакер (*Walter Laqueur*) доказывает невозможность определить терроризм, а Алекс Шмидт (*Alex P. Schmidt*) объявляет тщетными любые попытки предложить всеобъемлющую дефиницию терроризма, тогда как Брюс Хоффман (*Bruce Hoffman*) указывает на некоторые фиксируемые характеристики терроризма, существенно отличающие его от других форм насилия. Б. Хоффман отмечает, что все сходится в одном: терроризм – уничижительный термин. По его мнению, данное слово имеет ярко выраженные негативные коннотации, вследствие чего оно обычно употребляется по отношению к врагам или соперникам и вообще ко всем тем, с кем человек не согласен и кого он желал бы игнорировать [1, с. 26]. Развитие общего представления о терроризме обеспечило бы полное согласие и дало бы возможность дать универсальный ответ на вопрос о сущности феномена терроризма и его определении.

Исследования терроризма в современном мире базируются на двух концепциях, предложенных западными учёными [2, с. 12–13]. В основе первого подхода лежит государствоцентристское видение мира с присущими ему фундаментальными внешнеполитическими ориентирами, санкционированными мировым порядком и международным правом. В рамках данной модели в основном ведутся рассуждения о терроризме и анализируется его феноменология. Второе направление исходит из понимания терроризма как формы современного ведения войны, суррогата вооружённых конфликтов. В пользу такого подхода свидетельствует тот факт, что правительства многих стран объявили войну терроризму, сформировав при этом целый ряд довольно широких антитеррористических коалиций.

Несмотря на то, что терроризм присутствует как фактор международных отношений уже давно, а особенно после Второй мировой войны, мировые центры силы никогда не могли договориться о выработке ценностно и политически нейтрального определения этого понятия [3, с. 229]. Тем не менее, опосредованные определения международного терроризма можно найти во многих международных актах, особенно в решениях различных органов ООН. Оказавшись неспособными договориться об исключениях из понятия терроризма, государства были вынуждены прийти к обходной стратегии борьбы с этим

злом. Большинство государств-членов ООН участвовали в конвенциях, которыми запрещались отдельные специфические проявления терроризма. Таким образом, вместо разработки общепринятой дефиниции терроризма международное сообщество пошло в прямо противоположном направлении (см. *Токийскую конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г.*; *Гаагскую конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г.*; *Монреальскую конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г.*; *Конвенцию ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г.*; *Нью-Йоркскую конвенцию о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г.*; *Монреальский протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 24 февраля 1988 г.*; *Римскую конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, от 10 мая 1988 г.* с *Протоколом о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе*; *Конвенцию ООН о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.*; *Конвенцию ООН о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.*; *Конвенцию ООН о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г.* и *Глобальную контртеррористическую стратегию ООН от 20 сентября 2006 г.*).

Это привело Антонио Кассесе (*Antonio Cassese*) к выводу, что понятие терроризма является общеизвестным и что международные организации и государства в рамках международного сотрудничества молчаливо признают его содержание. Хотя это заключение и может быть оспорено, остаётся фактом, что ООН на протяжении последних лет предпринимает серьёзные усилия по преодолению проблемы определения терроризма, при этом в целом ряде весьма важных текстов используется формулировка, которую А. Кассесе называет «приемлемым определением» международного терроризма: «Преступление, совершённое с намерением вызвать страх в обществе, среди групп людей или определённых индивидов из политических побуждений, которые не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, независимо от каких бы то ни было политических, философских, идеологических, расовых, этнических, религиозных или любых других соображений, на которые можно было бы сослаться в целях его легитимизации» [4].

С учётом вышеизложенного можно утверждать, что

существует приемлемое и довольно ясное определение терроризма, который на сегодняшний день запрещён в качестве преступления не только договорным, но и обычным правом [5].

Кроме того, Совет Европы и Европейский Союз в двух своих важнейших документах – Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (см. *Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, CETS No. 196.*) и Рамочном решении Совета ЕС о борьбе с терроризмом (см. *Council Framework Decision on Combating terrorism, 2002/475/JHA*) – определили уголовно-правовое содержание терроризма, благодаря чему как государства-участники, так и страны, претендующие на полноправное членство, могут в своих национальных уголовно-правовых системах провести общее для всех понятие терроризма [6].

К определению терроризма можно подходить с научно-теоретических и юридических позиций. В первом случае используются методы общественных наук, во втором случае ставится задача дать оценочное определение самого понятия и установить адекватные санкции, поскольку терроризм есть преступление. Важно, чтобы теоретическое и юридическое определения не расходились, чтобы первое всегда предшествовало второму [7]. Таким образом, терроризм рассматривается как многомерный социальный феномен, и при его определении используется мультидисциплинарный подход, предполагающий изучение его с точки зрения политики, криминалистики (прим. *С точки зрения криминалистики, терроризм представляет собой совершение различных актов физического насилия, а равно создание других угроз жизни и здоровью людей, которые чаще всего характеризуются неизбирательностью объектов нападения и непосредственных жертв, вследствие чего в обществе возникает чувство незащищённости и создаются условия для достижения политических целей* [8, с. 655]), криминологии (прим. *Криминологический подход к феномену терроризма состоит в изучении его причин и форм проявления, структуры и динамики терроризма, а равно мер предупреждения терроризма как формы преступности и борьбы с ним. В современной криминологии предлагается выделение как минимум шести различных типов терроризма, среди которых: националистический, религиозный, спонсируемый государством, «левый», «правый» и анархистский* [9, с. 346-347]) и уголовного права.

Международные преступления могут пониматься в узком и широком смысле. Под международными преступлениями в узком смысле понимаются такие деяния, которые точно и детально определены международным правом и для преследования и наказания которых созданы соответствующие международные уголовные суды. В теории к ним относят геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессию [10, с. 125].

Что касается международных преступлений в широком смысле, то они весьма многочисленны и их круг зависит от того, какой критерий используется для их включения в данную категорию [11, с. 122]. К числу таких преступлений относятся такие деяния, в борьбе с которыми международное сообщество заинтересовано, однако точное формулирование их составов, преследование и наказание за них поручается государствам. Иными словами, на международном уровне соответствующими межгосударственными договорами констатируется, что те или иные формы поведения запрещены и наказуемы, а государства обязуются в своём внутреннем законодательстве предусмотреть такие поступки в качестве преступлений, установить соответствующие санкции за их совершение, а также обеспечить все необходимые материальные и процессуальные условия для наказания виновных. Именно к таким преступлениям и относится терроризм.

Терроризм принадлежит к тому злу, которое является одной из черт любой цивилизации – как древней, так и нашей [12]. Современный терроризм представляет собой главный вызов безопасности и несёт в себе целый ряд рисков и угроз, при этом в современном мире до сих пор нет эффективных в долгосрочной перспективе ответов на шокирующие и жестокие нападения террористов-самобийц, совершаемые в условиях крупных городов.

2. Политика безопасности и стратегия Боснии и Герцеговины по предотвращению терроризма и борьбе с ним. Первая Политика безопасности Боснии и Герцеговины была принята Президиумом Боснии и Герцеговины в 2003 году, через два года после принятия Оборонной политики Боснии и Герцеговины (2001). Такая последовательность в принятии этих документов весьма парадоксальна, поскольку политика безопасности – более широкое понятие, и именно из политики безопасности должна вытекать оборонная политика как один из её сегментов. В ходе дальнейших реформ Президиум БиГ в 2006 г. принял новую Политику безопасности Боснии и Герцеговины (см. *Bezbjednosna politika BiH („Službeni list glasnik BiH“, br. 03/08)*), а в 2008 г. — новую Оборонную политику Боснии и Герцеговины (см. *Odbrambena politika BiH, dokument Predsjedništva BiH, broj: 01-011-2978-51/08 od 26.11.2008. godine*). Таким образом, с принятием этих стратегических документов был восстановлен нормальный порядок вещей [13, с. 264].

Политика безопасности Боснии и Герцеговины – это документ, определяющий долгосрочную и последовательную стратегию, устанавливающий рамки и основные направления деятельности по созданию системы, структуры и механизмов, необходимых для эффективного функционирования сектора безопасности. Помимо основных ценностей, которые особо подчёркиваются ввиду их значения для общей безопасности БиГ, данный документ содержит оценку среды на предмет присутствующей

щих в ней рисков и угроз безопасности БиГ, определяет принципы, интересы и цели БиГ в области безопасности.

Достижение целей политики безопасности БиГ основывается на определённых принципах, которые одновременно являются основой деятельности и внутренней организации всех органов и учреждений, входящих в систему безопасности, равно как и других субъектов, участвующих в разработке и осуществлении функций безопасности. Основными принципами политики безопасности Боснии и Герцеговины являются: правовая урегулированность; неделимость безопасности; всеобъемлющий характер защиты жизненно важных ценностей; миролюбивость и партнёрство; транспарентность и открытость изменениям (прим. *Согласно документу «Политика безопасности БиГ», элементами политики безопасности являются: внешняя политика; внутренняя политика; оборонная политика; социальная политика; финансовая политика; защита среды обитания человека; демократизация и права человека. В главе о целях политики безопасности подчёркиваются приверженность Боснии и Герцеговины сотрудничеству в области безопасности, говорится о стремлении к развитию модели безопасности общих границ, основанной на принципах Шенгена, о борьбе с торговлей людьми, реализации Дейтонского мирного соглашения и т.д.*).

Далее в Политике безопасности указывается, что Босния и Герцеговина считает своими главными ценностями независимость, суверенитет и территориальную целостность, а их защиту определяет как свой приоритетный интерес. Затем, в качестве отдельных ценностей, подлежащих защите, называются конституционный строй, права, свободы и безопасность граждан, а также декларируются цели создания условий для дальнейшего развития демократии и обеспечения верховенства права. В этой связи все субъекты законодательной и исполнительной власти на уровне государства и государственных образований призываются принять активное участие в реализации целей политики безопасности Боснии и Герцеговины [14, с. 74].

В главе III Политики безопасности, носящей название «Состояние безопасности», определяются безопасная среда, вызовы и риски для безопасности, оцениваются изменения в уровне безопасности в Боснии и Герцеговине и её окружении. В данной главе *терроризм* признан одной из наибольших угроз стабильности Боснии и Герцеговины и всего региона.

В середине 2015 г. была принята Стратегия БиГ в области предупреждения терроризма и борьбы с ним на 2015 – 2020 гг., в которой сформулирована одна основная цель и четыре подцели. Данная стратегия согласована с принципами Политики безопасности БиГ. Основной целью Стратегии является противодействие всем формам экстремистской и террористической деятельности при

уважении ценностей демократии, верховенства права и прав и свобод человека с тем, чтобы Босния и Герцеговина, т.е. входящие в неё государственные образования и округ Брчко стали пространством, безопасным для жизни и работы всех её граждан и остальных жителей. Четыре стратегические подцели определены как: предупреждение преступлений, совершаемых по мотиву ненависти, радикализма и терроризма во всех их проявлениях; защита критической инфраструктуры; совершенствование процедур расследования терроризма и смежных с ним преступлений и уголовного преследования за них; реагирование на возможные террористические нападения и ликвидация их последствий. Стратегические подцели представлены в виде 29 шагов, т.е. ключевых приоритетов, которые должны быть реализованы в указанный период.

Шаги и меры по реализации Стратегии БиГ в области предупреждения терроризма и борьбы с ним (2015 – 2020 гг.):

– **Стратегическая подцель 1: Предупреждение преступлений, совершаемых по мотиву ненависти, радикализма и терроризма во всех их проявлениях:** Развить систему раннего выявления всех форм экстремистского поведения, которые могут привести к терроризму; развить систему раннего выявления и контрольно-превентивной деятельности, направленной на предупреждение проявлений экстремизма в рамках процедур приглашения иностранных граждан на въезд в БиГ, выдачи виз дипломатическими и консульскими представительствами БиГ за рубежом и разрешений на проживание иностранных граждан в БиГ; исключить возможность призывов к терроризму и вербовки террористов среди уязвимых категорий лиц и социальных групп; развить позитивную стратегию коммуникации и активно сотрудничать со СМИ в области её продвижения; продвигать ценности демократии, верховенства права, толерантности и диалога – создавать специальные образовательные программы для молодёжи в форме курсов и внеурочных занятий; обеспечить поддержку деятельности граждан и общественных организаций по профилактике ненависти и содействию позитивной коммуникации (противостояние экстремистской пропаганде насилия путём демонстрации положительных примеров социальных ценностей, толерантности и открытости); поддерживать межрелигиозный диалог и деятельность, проводимую Межрелигиозным советом БиГ; поощрять и оказывать помощь академическому сообществу в продолжении исследований терроризма, преступлений на почве ненависти, разжигания ненависти и других угроз общественной безопасности в целях выявления ключевых проблем, развития и совершенствования превентивных мер.

– **Стратегическая подцель 2: Защита критической инфраструктуры:** полностью ввести систему сбо-

ра биометрических данных при выдаче виз; ввести систему сбора биометрических данных и получения биометрических данных Службой по делам иностранцев в процессе выдачи разрешений на проживание и при выдворении иностранных граждан, сделать эту систему оперативной и доступной для использования всеми службами безопасности; усовершенствовать информационную миграционную систему и сделать её оперативной и доступной для использования всеми службами безопасности; усовершенствовать визовую информационную систему и сделать её полностью оперативной; полностью разработать систему анализа рисков, согласно стратегии; связать базы данных служб безопасности, согласно стратегии; полностью имплементировать международные стандарты в области кибер-безопасности, в особенности те из них, что касаются создания в БиГ национального центра реагирования на компьютерные инциденты (CERT) и механизмов отслеживания и устранения фактов использования интернета в террористических целях; разработать процедуры анализа и надзора, а также проекты совершенствования безопасности хранения оружия, военной техники, взрывчатых веществ и продукции двойного назначения и их перевозки по территории или через территорию БиГ.

– **Стратегическая подцель 3: Совершенствование процедур расследования терроризма и смежных с ним преступлений и уголовного преследования за них:** совершенствование законодательства о борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом (приведение этого законодательства в соответствие с международными стандартами и гармонизация уголовных законов в БиГ), включая законодательство, регулирующее сферу контроля за перемещением и проживанием иностранцев; совершенствование законодательства, обеспечивающего координацию всех оперативных и следственных мероприятий, сбор, аналитическую обработку информации и обмен ею; усиление людских и материально-технических ресурсов для проведения оперативных и следственных мероприятий; укрепление международного сотрудничества, в том числе со странами региона, заинтересованными странами и по линии Интерпола; заключение оперативных соглашений с соседними и иными заинтересованными странами, а также с Европолом и Евроюстом; анализ рисков и разработка репрессивных мер по недопущению нелегального доступа экстремистов и террористов к оружию и взрывчатке, включая компоненты, которые могут быть использованы при изготовлении самодельных взрывных устройств, а равно к химическому, биологическому, радиологическому и ядерному оружию; противодействие финансированию терроризма, в том числе дальнейшее приведение законодательства БиГ в соответствие с требованиями ФАТФ и МАНИВЭЛ, а также последовательную реализацию других стандартов, в

особенности проведение полного финансового расследования в ходе следствия по делам о терроризме; уделить особое внимание преступлениям, связанным с терроризмом, прежде всего, предпринять меры по пресечению каналов незаконной торговли оружием, взрывчаткой и другими материалами, которые могут быть использованы при совершении преступлений террористического характера.

– **Стратегическая подцель 4: Реагирование на возможные террористические атаки и ликвидация их последствий:** укрепить возможности защиты и спасения на всех уровнях и усовершенствовать систему координации в БиГ, чётко определить все оперативные шаги и взаимодействие в случаях террористических атак; провести анализ существующего законодательства в области защиты и спасения, в том числе в отношении международных обязательств, и предложить меры по его совершенствованию на случай террористических атак; разработать единую методику оценки рисков на основе международных стандартов и приступить к анализу рисков на уровне БиГ, Федерации БиГ (включая кантоны), Республики Сербской и округа Брчко, который должен послужить дальнейшему укреплению способности дать ответ на террористические атаки; доработать и усовершенствовать Соглашение о гражданско-военном сотрудничестве; улучшить сотрудничество с другими государствами и международными организациями в плане реагирования на террористические атаки и другие бедствия; разработать условия реализации программ оказания помощи жертвам терроризма и их семьям.

Стратегия также предусматривает разработку Планов действий на каждом из уровней власти в БиГ в соответствии с их компетенцией [15]. Согласно имеющейся информации эту обязанность до сих пор исполнили лишь Правительство Республики Сербской и Совет министров БиГ, утвердившие соответствующие Планы действий в мае и октябре 2016 г. Другие уровни власти (Федерация БиГ, кантоны и округ Брчко) такие решения не приняли (по крайней мере, об этом нет доступной информации).

3. Терроризм в уголовном праве Боснии и Герцеговины. Уголовное право Боснии и Герцеговины на сегодняшний день представлено четырьмя отдельными уголовными законами. Это: Уголовный закон Боснии и Герцеговины (см. *Krivični zakon Bosne i Hercegovine* („*Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*“, br.3/2003, 32/2003, 37/2003, 54/2004, 61/2004, 30/2005, 53/2006, 55/2006, 32/2007, 8/2010, 47/2014, 22/2015 i 40/2015)) (далее: УЗ БиГ), Уголовный закон Федерации Боснии и Герцеговины (см. *Krivični zakon Federacije Bosne i Hercegovine* („*Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine*“, br. 36/2003, 37/2003, 21/2004, 69/2004, 15/2005, 42/2010 i 42/2011)) (далее: УЗ ФБиГ), Уголовный закон округа Брчко Боснии и Герцеговины (см. *Krivični zakon Brčko distrikta Bosne i Hercegovine*

– *Prečišćeni tekst („Službeni glasnik Brčko distrikta Bosne i Hercegovine“, br. 33/2013))* (далее: УЗ БД БиГ) и Уголовный закон Республики Сербской (см. *Кривични закон Републике Српске („Службени гласник Републике Српске“, бр. 49/2003, 108/2004, 37/2006, 70/2006, 73/2010, 1/2012 и 67/2013))* (далее: УЗ РС).

Во всех четырёх названных уголовных законах предусматривается ответственность за преступления, относящиеся к терроризму [16, с. 68–71]:

1) терроризм (ст. 201 УЗ БиГ, ст. 201 УЗ ФБиГ, ст. 198 УЗ БД БиГ, ст. 299 УЗ РС);

2) финансирование террористической деятельности (ст. 202 УЗ БиГ, ст. 202 УЗ ФБиГ, ст. 199 УЗ БД БиГ, ст. 301 УЗ РС); и

3) захват заложника (ст. 300 УЗ РС, ст. 200 УЗ ФБиГ, ст. 197 УЗ БД БиГ).

Во исполнение обязательств, которые приняла на себя Босния и Герцеговина, подписав Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма и Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма, которые вступили в силу в 2008 г., в Уголовный закон Боснии и Герцеговины в 2010 г. был внесен ряд изменений, направленных на криминализацию отдельных деяний, связанных с терроризмом и отличающихся от типичных действий соучастников. Так, в сферу наказуемости были включены: публичные призывы к террористической деятельности (ст. 202а), вербовка для целей террористической деятельности (ст. 202b), обучение осуществлению террористической деятельности (ст. 202с) и организация террористической группы (ст. 202d) (прим. *Указанные преступления предусматриваются и новым Уголовным кодексом Республики Сербской, проект которого в настоящее время находится на публичном обсуждении*).

Терроризм. Преступление терроризма, предусмотренное ст. 299 УЗ РС, состоит в совершении террористического акта с целью серьёзного устрашения граждан или принуждения органов власти в Республике Сербской к совершению или несовершению определённых действий, либо с целью серьёзного нарушения или уничтожения основных политических, конституционных, экономических или общественных организационных единиц в Республике Сербской. С другой стороны, согласно ст. 201 УЗ БиГ, терроризм подразумевает совершение террористического акта с целью серьёзного устрашения населения или принуждения органов власти Боснии и Герцеговины, правительства другой страны или международной организации к совершению или несовершению определённых действий либо с целью серьёзной дестабилизации или уничтожения основных политических, конституционных, хозяйственных или общественных структур Боснии и Герцеговины, другого государства или меж-

дународной организации. Объектом охраны в данном составе преступления выступают конституционный строй и безопасность Республики Сербской или, соответственно, Боснии и Герцеговины, равно как и международная безопасность. Объектом посягательства являются здания и сооружения, на которые непосредственно направлены действия, составляющие террористический акт [17].

Исполнительское деяние преступления терроризма состоит в действии – совершении террористического акта. При этом террористический акт может преследовать одну из следующих целей: 1) серьёзное устрашение граждан, т.е. порождение у них чувства страха и незащищённости личных и имущественных интересов; 2) принуждение органов власти Республики Сербской или, соответственно, Боснии и Герцеговины, а равно правительства другого государства или международной организации к совершению или несовершению определённых действий; или 3) серьёзное нарушение или уничтожение основных политических, конституционных, экономических или социальных структур в Республике Сербской или, соответственно, в Боснии и Герцеговине, ином государстве или международной организации. Для наличия состава преступления не требуется обязательного достижения этих целей, однако они должны присутствовать в побуждениях учинителя на момент совершения им исполнительского действия. Последствием деяния является абстрактная опасность для охраняемого блага.

Террористический акт определён в ч. 4 ст. 299 УЗ РС как совершение любого из следующих умышленных действий, которые, с учётом их природы и обстоятельств совершения, могут причинить серьёзный ущерб государству или международной организации [18]: 1) посягательство на жизнь лица, которое может вызвать его смерть; 2) посягательство на телесную неприкосновенность лица; 3) противоправное заключение, удержание или иное лишение или ограничение свободы передвижения другого лица с целью принуждения его или кого-либо другого к совершению или несовершению определённых действий либо к даче согласия на то, чтобы подвергнуться определённому воздействию (похищение человека), либо захват заложника; 4) нанесение крупного ущерба объектам Республики Сербской или общественным объектам, транспортной системе, объектам инфраструктуры, включая систему информации, стационарной платформе, находящейся на континентальном шельфе, общественному месту или частной собственности, когда в результате такого ущерба создаётся угроза человеческой жизни или вероятность наступления значительного материального ущерба; 5) захват воздушного или водного судна либо иного средства сообщения или перевозки товаров; 6) производство, приобретение, перевозка, использование или приспособление к использованию оружия, взрывчатки, ядерного, биологического или химиче-

ского оружия или радиоактивных материалов, владение или снабжение указанными предметами, а равно исследования в области биологического, химического оружия, радиоактивных материалов и их разработка; 7) выброс опасных веществ или вызывание пожара, взрыва или наводнения с целью создания угрозы жизни людей; 8) воспрепятствование снабжению водой, электрической энергией или иными природными ресурсами либо прекращение такого снабжения с целью создания угрозы жизни людей; и 9) угроза совершением любого из вышеперечисленных действий.

Учинителем данного преступления может быть любое физическое лицо (гражданин или иностранец). Для признания лица виновным необходимо установление прямого умысла, характеризующегося намерением добиться серьёзного устрашения граждан, либо принудить органы власти в Республике Сербской к совершению или несовершению определённых действий, либо серьёзно нарушить или уничтожить основные политические, конституционные, экономические или социальные структуры. За совершение данного преступления предусматривается наказание в виде тюремного заключения на срок не ниже трёх лет.

Данное преступление имеет два квалифицированных вида. Первый из них, наказуемый тюремным заключением на срок не ниже пяти лет, имеет место в том случае, когда вследствие совершённого террористического акта независимо от его формы наступила смерть одного или нескольких лиц. Данное тяжкое последствие должно находиться в причинно-следственной связи с исполнительским действием и быть результатом неосторожности учинителя. Второй квалифицированный вид данного преступления, предполагающий наказание в виде тюремного заключения на срок не ниже десяти лет или длительного тюремного заключения, имеет место во всех тех ситуациях, когда учинитель при совершении террористического акта в какой бы то ни было его форме умышленно лишает жизни какое-либо лицо. Таким образом, квалифицирующим признаком в данном случае выступает умышленное убийство [17].

Захват заложника. Согласно ст. 300 УЗ РС данное преступление состоит в заключении, удержании или ином лишении или ограничении свободы передвижения другого лица, сопровождаемом угрозой убийства этого лица, нанесением ему увечья или дальнейшим удержанием его в качестве заложника с целью принуждения Республики Сербской к совершению или несовершению определённых действий как явного или подразумеваемого условия освобождения заложника. Таким образом, речь идёт о частном случае (особой разновидности) похищения человека, предусмотренного в главе о преступлениях против свободы и прав граждан (ст. 162 УЗ РС) [19, с. 298-299]. Объектами охраны в составе данного преступления

являются, во-первых, конституционный строй и безопасность Республики Сербской и, во-вторых, свобода передвижения лица как одна из важнейших личных свобод.

Исполнительское действие описывается в законе альтернативно и может выражаться в: 1) заключении, т.е. лишении другого лица возможности свободно передвигаться по своей воле; 2) удержании в заключении, т.е. в поддержании состояния лишения свободы перемещения, в котором другое лицо уже находится; 3) ином лишении или ограничении свободы перемещения другого лица, т.е. в создании полной невозможности или временных, частичных или краткосрочных препятствий или сложностей для свободного перемещения другого лица; 4) удержании захваченного лица, т.е. непосредственным или опосредованным осуществлении фактической власти над другим лицом; и 5) угрозе захваченному лицу, т.е. в высказывании намерения (устно, письменно или символическим способом) убить или изувечить похищенное лицо либо впредь удерживать его в качестве заложника [20]. Для наличия данного состава преступления необходимо, чтобы исполнительское действие совершалось с определённой целью – понудить Республику Сербскую к совершению или несовершению определённых действий, которые являются явным или подразумеваемым условием освобождения заложника, при этом не имеет значения, достигнута ли данная цель в конкретном случае [21].

Учинителем данного преступления может быть любое лицо. Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла и определённой целью (намерением) субъекта. За совершение данного преступления предусматривается наказание в виде тюремного заключения на срок от одного года до десяти лет.

Квалифицирующие признаки захвата заложника полностью совпадают с рассмотренными выше квалифицирующими признаками преступления терроризма.

Финансирование террористической деятельности. Данное преступление (прим. *Статья 202 Уголовного закона БиГ гласит: «Тот, кто каким бы то ни было образом, прямо или косвенно, предоставляет, собирает или иным способом обеспечивает средства с целью их использования или с осознанием того, что они будут полностью или частично использованы для совершения любого из преступлений, предусмотренных статьями 191 (Захват заложника), 192 (Нападение на лицо, находящееся под международной защитой), 194 (Незаконное приобретение ядерных материалов или владение ими), 194a (Создание угрозы безопасности ядерного объекта), 196 (Пиратство), 197 (Захват воздушного или водного судна либо стационарной платформы), 198 (Создание угрозы безопасности авиасообщения, мореплавания или стационарных платформ), 199 (Уничтожение и перемещение знаков, обеспечивающих безопасность авиасообщения), 200 (Незаконное использование телекоммуникационных*

сигналов), 201 (Терроризм), 202a (Публичные призывы к террористической деятельности), 202b (Вербовка для целей террористической деятельности), 202c (Обучение осуществлению террористической деятельности) настоящего закона, а равно любого иного преступления, которое может причинить смерть или тяжкое телесное повреждение гражданскому лицу или лицу, активно не участвующему в военных действиях в ситуации вооружённого конфликта, когда целью такого деяния, исходя из его природы или контекста, является устрашение населения, либо принуждение органов власти Боснии и Герцеговины, иных властей или международной организации к совершению или несовершению определённых действий, вне зависимости от того, осуществлена ли террористическая деятельность и использованы ли эти средства при её осуществлении, – подлежит наказанию тюремным заключением на срок не ниже трёх лет. Тому же наказанию подлежит и тот, кто каким бы то ни было образом, прямо или косвенно, предоставляет, собирает или иным способом обеспечивает средства: а) с целью их использования, полностью или частично, террористическими организациями или отдельными террористами в каких бы то ни было целях, или б) с осознанием того, что они будут полностью или частично использованы террористическими организациями или отдельными террористами для совершения вышеперечисленных преступлений») состоит в прямом или косвенном предоставлении или сборе средств, совершаемом каким бы то ни было способом с целью использования этих средств или с осознанием того, что они будут использованы полностью или частично для совершения следующих преступлений: а) терроризма; б) захвата заложника; или в) другого преступления, которое может причинить смерть или тяжкое телесное повреждение гражданскому лицу или лицу, активно не участвующему в военных действиях в ситуации вооружённого конфликта, когда целью такого деяния, исходя из его природы или контекста, является устрашение граждан или принуждение органов власти Республики Сербской к совершению или несовершению определённых действий. Данная норма криминализирует в качестве самостоятельного преступления приготовительные действия, создающие условия для совершения одного из террористических преступлений [22]. В основе данного уголовно-правового запрета лежит Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года.

Объектом данного преступления является конституционный строй и безопасность Республики Сербской. Исполнительское действие определяется альтернативно: а) предоставление – передача или уступка наличных денег в национальной или иностранной валюте, ценных бумаг, движимого или недвижимого имущества; б) сбор – приобретение средств или получение их во владение (факти-

ческое обладание) каким бы то ни было способом. Речь идёт, таким образом, о действиях, которые способствуют осуществлению террористической деятельности, обеспечивая необходимые для этого средства, которыми виновное лицо располагает на каком бы то ни было основании либо которые собираются из других источников (получаются от других лиц).

Исполнительское действие совершается: 1) определённым способом: а) прямо, т.е. когда средства передаются непосредственно индивидам или террористическим группам для осуществления террористических действий; б) косвенно, когда средства для террористической деятельности обеспечиваются, например, через гуманитарные, социальные или культурные организации либо добываются в ходе занятия иной криминальной деятельностью; или в) любым иным образом; и 2) при определённой направленности умысла, а именно: с целью собранные таким образом средства использовать либо с осознанием того, что они будут полностью или частично использованы для совершения преступлений террористического характера, прямо поименованных в законе [17].

В качестве предмета данного преступления (собираемых или предоставляемых средств) могут выступать любые виды имущества. Это могут быть, в частности, наличные деньги, банковские чеки, облигации, векселя, акции и другие ценные бумаги, кредитные средства, движимые и недвижимые вещи, документы или инструменты, удостоверяющие право на имущество [23]. Следует подчеркнуть, что для наличия состава преступления не имеет значения, все ли предоставленные или собранные средства предназначены для совершения указанных преступлений или лишь часть их.

Исполнителем данного преступления может быть любое лицо. Поскольку средства собираются и предоставляются с определённой целью или с осознанием определённых фактов, данное преступление может быть совершено лишь с прямым умыслом. За совершение данного преступления предусматривается наказание в виде тюремного заключения на срок от одного года до десяти лет.

Публичные призывы к террористической деятельности. Согласно ст. 202a УЗ БиГ данное преступление состоит в публичном, т.е. с использованием средств информирования, распространении или ином доведении до сведения общественности сообщений, преследующих цель склонить другое лицо к совершению одного из следующих преступлений, предусмотренных Уголовным законом Боснии и Герцеговины: захват заложника (ст. 191), нападение на лицо, находящееся под международной защитой (ст. 192), незаконное приобретение ядерных материалов или владение ими (ст. 194), создание угрозы безопасности ядерного объекта (ст. 194a), пиратство (ст. 196), захват воздушного или водного судна либо стационар-

ной платформы (ст. 197), создание угрозы безопасности авиасообщения, мореплавания или стационарных платформ (ст. 198), уничтожение и перемещение знаков, обеспечивающих безопасность авиасообщения (ст. 199), незаконное использование телекоммуникационных сигналов (ст. 200), терроризм (ст. 201), финансирование террористической деятельности (ст. 202), вербовка для целей террористической деятельности (ст. 202b), обучение осуществлению террористической деятельности (ст. 202c), организация террористической группы (ст. 202d). Учинитель данного преступления наказывается тюремным заключением на срок не ниже трёх лет. Данная норма закона обеспечивает криминализацию террористической пропаганды. В любом случае речь идёт о «публичных, т.е. совершаемых с использованием средств информирования» призывах.

Подобное поведение, независимо от того, содержат ли распространяемые послания (призывы) прямые высказывания в пользу террористических деяний и террористической деятельности, создаёт опасность совершения одного или нескольких преступлений террористического характера (см. *ст. 5 Конвенции Совета Европы о борьбе с терроризмом (Варшава, 16 мая 2005 г.)* — «Публичное подстрекательство к совершению террористического преступления»). В решении Суда БиГ по одному из рассмотренных им дел данной категории отмечается, что приводимые стороной защиты доводы о том, что преступление не могло быть осуществлено, что не был конкретизирован террористический акт, что обвиняемый не совершал никаких действий по организации преступной группы или преступного сообщества для осуществления террористической деятельности и т.п., безосновательны и не основываются ни на установленных фактах, ни на соответствующих положениях закона. Согласно ст. 202a УЗ БиГ, для наличия описанного в ней состава преступления не требуется, чтобы указанные преступления были фактически совершены. Необходимо установить лишь, что обвиняемый своими публичными высказываниями *призывал других к совершению террористических преступлений* и что его субъективное отношение к деянию выражалось именно в намерении (*осознавал свои действия*) завербовать и склонить других к вступлению в террористическую группу ИГИЛ (т.н. «Исламское государство»), дабы они в качестве членов этой группы участвовали в организуемой ею деятельности, при этом он *желал наступления вредных последствий*, выразившихся в гибели граждан БиГ, которые присутствовали на лекциях обвиняемого Б. Х. и которые, будучи членами террористической организации, обученными и подготовленными для совершения террористических актов, представляли бы опасность для БиГ, в том числе и по возвращении на её территорию (см. *Sud Bosnei Hercegovine. Predmetbroj: C1 2 K 017968 16 Kž 4, od 28. marta 2016. godine*).

Вербовка для целей террористической деятельности. Данное преступление, согласно ст. 202b Уголовного закона Боснии и Герцеговины, состоит в вовлечении другого лица в совершение одного из следующих преступлений: захват заложника (ст. 191), нападение на лицо, находящееся под международной защитой (ст. 192), незаконное приобретение ядерных материалов или владение ими (ст. 194), создание угрозы безопасности ядерного объекта (ст. 194a), пиратство (ст. 196), захват воздушного или водного судна либо стационарной платформы (ст. 197), создание угрозы безопасности авиасообщения, мореплавания или стационарных платформ (ст. 198), уничтожение и перемещение знаков, обеспечивающих безопасность авиасообщения (ст. 199), незаконное использование телекоммуникационных сигналов (ст. 200), терроризм (ст. 201), финансирование террористической деятельности (ст. 202), публичные призывы к террористической деятельности (ст. 202a), обучение осуществлению террористической деятельности (ст. 202c), - а равно в привлечении к участию или содействию в совершении указанных преступлений либо в побуждении к присоединению к террористической группе для совершения любого из этих преступлений. За подобные деяния предусматривается наказание в виде тюремного заключения на срок до трёх лет.

Обучение осуществлению террористической деятельности. Согласно ст. 202c УЗ БиГ, данное преступление состоит в проведении с другим лицом занятий по изготовлению или использованию взрывчатки, огнестрельного и иного оружия, вредных или опасных веществ, взрывных устройств, а равно в обучении другого лица иным конкретным методам и техникам или формировании определённых навыков с целью совершения любого из следующих преступлений: захват заложника (ст. 191), нападение на лицо, находящееся под международной защитой (ст. 192), незаконное приобретение ядерных материалов или владение ими (ст. 194), создание угрозы безопасности ядерного объекта (ст. 194a), пиратство (ст. 196), захват воздушного или водного судна либо стационарной платформы (ст. 197), создание угрозы безопасности авиасообщения, мореплавания или стационарных платформ (ст. 198), уничтожение и перемещение знаков, обеспечивающих безопасность авиасообщения (ст. 199), незаконное использование телекоммуникационных сигналов (ст. 200), терроризм (ст. 201), финансирование террористической деятельности (ст. 202), публичные призывы к террористической деятельности (ст. 202a), вербовка для целей террористической деятельности (ст. 202b). За данное преступление законодатель предусмотрел наказание в виде тюремного заключения на срок не ниже трёх лет. Такому же наказанию подлежит лицо, которое предоставляет средства для обучения или предоставляет помещения, зная, что они будут использованы для совершения данного преступления [17].

Организация террористической группы. Данное преступление совершает лицо, которое организует террористическую группу или иным образом объединяет не менее трёх лиц для совершения любого из следующих преступлений: захват заложника (ст. 191), нападение на лицо, находящееся под международной защитой (ст. 192), незаконное приобретение ядерных материалов или владение ими (ст. 194), создание угрозы безопасности ядерного объекта (ст. 194а), пиратство (ст. 196), захват воздушного или водного судна либо стационарной платформы (ст. 197), создание угрозы безопасности авиасообщения, мореплавания или стационарных платформ (ст. 198), уничтожение и перемещение знаков, обеспечивающих безопасность авиасообщения (ст. 199), незаконное использование телекоммуникационных сигналов (ст. 200), терроризм (ст. 201), финансирование террористической деятельности (ст. 202), публичные призывы к террористической деятельности (ст. 202а), вербовка для целей террористической деятельности (ст. 202б), обучение осуществлению террористической деятельности (ст. 202с). Учинитель данного преступления подлежит тюремному заключению на срок не ниже пяти лет.

С другой стороны, лицо, ставшее членом террористической группы или иным образом участвующее в деятельности террористической группы, в том числе путём предоставления финансовой или иной помощи, подлежит тюремному заключению на срок не ниже трёх лет. Член террористической группы, который раскрывает группу, прежде чем совершит преступление в её составе или в её интересах, подлежит штрафу или тюремному заключению на срок до трёх лет либо освобождению от наказания.

Следует отметить, что уголовное законодательство в Боснии и Герцеговине в достаточной мере приведено в соответствие с международными стандартами в области борьбы с терроризмом и в целом обеспечивает общую превенцию преступлений такого рода. Вместе с тем, если принять во внимание имеющиеся оценки, согласно которым Босния и Герцеговина занимает одно из первых мест в мире по количеству граждан, которые воюют на стороне ИГИЛ, и при этом большинство тех, кто вернулся в БиГ из зоны боевых действий, не были привлечены к уголовной ответственности или же отделались минимальными наказаниями, встаёт закономерный вопрос об эффективности системы уголовного правосудия в БиГ.

Так, например, Суд Боснии и Герцеговины в рамках дела М. Е. и других осудил в общей сложности на двенадцать лет и пять месяцев семерых лиц за участие в террористической деятельности на стороне ИГИЛ. Согласно приговору Суда, подсудимые «во второй половине 2013 г. и в течение 2014 г. покинули территорию БиГ с целью присоединения к террористическим организациям Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), которые

действуют на территории Сирии и Ирака, зная, что эти организации 30 мая 2013 г. объявлены Советом Безопасности ООН террористическими, после чего с территории Турецкой Республики незаконно проникли на территорию Сирии, где участвовали в террористической деятельности, оказывая помощь ИГИЛ и воюя на его стороне в Сирии и Ираке» (см. *Sud Bosnei Hercegovine. Predmetbroj: C 1 2 K 018991 15 K, od 31. oktobra 2016. godine*).

Кроме того, оценки числа лиц, которые выезжают из Боснии и Герцеговины для участия в боевых действиях в Сирии и Ираке, постоянно меняются. По данным Государственного агентства по расследованиям и защите (SIPA) на ноябрь 2015 г., с момента возникновения этого конфликта на фронтах Сирии и Ирака находилось от 150 до 200 граждан БиГ, причём 80 из них непосредственно участвовали в вооружённых конфликтах [24].

Согласно последним имеющимся исследованиям, основанным на данных полицейских отчётов и открытых источников, за период с конца 2012 г. до конца 2015 г. в Сирию и Ирак выехало в общей сложности 188 мужчин, 61 женщина и 81 ребёнок из Боснии и Герцеговины и из диаспоры, личность которых установлена. По информации из тех же источников, к началу 2016 г. вернулось 47 мужчин, ещё 50 погибло, а 91 продолжали находиться в Сирии и Ираке. На тот же момент возвратилось 8 женщин, одна женщина убита и 52 оставались в местах боевых действий. Большая часть этих лиц (94%) ранее были зарегистрированы по месту жительства в Федерации Боснии и Герцеговины (главным образом в Тузланском, Зеничко-Добойском и Сараевском кантонах), около 4% проживали в Республике Сербской и около 1% - в округе Брчко. Территориальное распределение местностей, из которых в 2012-2015 гг. чаще всего выезжали в Сирию и Ирак, подтверждает оценки, согласно которым базами вербовки наёмников всё чаще становятся (наравне с традиционными уже в этом плане изолированными салафитскими анклавами вроде сёл Горня-Маоча, Ошве, Дубница и Лиешница) крупные города Федерации БиГ. Свыше 1/5 из числа лиц данной категории приезжают из боснийско-герцеговинской диаспоры, прежде всего из Австрии и Германии. Процессы радикализации и вербовки обычно происходят в частных домах и в альтернативных религиозных структурах. Некоторые из этих «нелегальных» или «параллельных» микросообществ («параджаматов» или «парамечетей») считаются центрами идеологической радикализации и вербовки для выезда в Сирию и Ирак [25, с. 12-13].

Сегодня можно ожидать, что отдельные нападения в БиГ, включенные новой американской администрацией в список террористических атак (как, например, нападение на полицейский участок в Зворнике, в ходе которого погиб один сотрудник полиции и ещё два получили ранения, и нападение на аэродром Райловац, когда по-

гибли два военнотружаших Вооружённых сил БиГ), на-
конец-то будут квалифицированы как террористические
акты, а виновным в их совершении будет назначено адек-
ватное наказание.

4. Заключение. Терроризм является феноменом, за-
трагивающим всё общество в целом. По этой причине
необходимо наличие общественного осознания пробле-
мы терроризма и желание её решить.

Терроризм – эта проблема, с которой необходимо спра-
виться, а для этого необходимо принятие правильной по-
литики и стратегии, которые бы уменьшили риски и воз-
можный вред от террористических нападений. Тот факт,
что все уровни власти в Боснии и Герцеговине, особенно
в Федерации БиГ, до сих пор не выполнили свои обяза-
тельства в рамках полномочий, предусмотренных Стра-
тегией предупреждения и борьбы с терроризмом, гово-
рит, среди прочего, об их неготовности дать адекватный
ответ на этот вызов безопасности БиГ.

Сложившаяся практика Суда БиГ по применению мяг-
ких наказаний за преступления террористического ха-
рактера также не может оказывать превентивного воз-
действия на будущих учинителей подобного рода дея-
ний.

Необходимо обеспечить участие всего общества в ре-
шении проблемы терроризма в БиГ. Особое внимание
следует уделять несовершеннолетним и молодёжи, кото-
рые уже увлеклись идеями насилия, однако ещё не пред-
приняли шаги к причинению вреда кому-либо. Имея в

виду, что отдельные террористы находятся в тюрьмах,
необходимо уделять должное внимание предупрежде-
нию радикализации и распространения террористиче-
ской идеологии в тюрьмах.

Поскольку терроризм в современных условиях пре-
возмошёл свои прежние формы проявления и принял ха-
рактер глобальной угрозы, охватившей все регионы ми-
ра, для успешного противодействия терроризму необхо-
димо организовывать и проводить форумы по примеру
уже существующих многосторонних глобальных фору-
мов при поддержке ООН как на региональном уровне,
так и внутри Боснии и Герцеговины. Целью этих фо-
румов должно стать открытие неформальных каналов
коммуникации, которые бы способствовали предупреж-
дению терроризма, установлению необходимого со-
трудничества, укреплению взаимного уважения и дове-
рия внутри БиГ.

Все направления деятельности должны быть ориен-
тированы на сближение народов БиГ на основе сотру-
дничества, приоритета общих интересов и ценностей,
совершенствования системы демократизма и уважения
всех форм различий в БиГ. Лишь на основе широкого со-
трудничества и мобилизации всего общества на борьбу
с современными вызовами безопасности, в особенности
с терроризмом, возможно укрепление внутренней безо-
пасности в интересах всех граждан.

Перевёл с сербского С.А. Силаев

Литература / References:

- Hofman B. Unutrašnji terorizam / Pogovor: O. Antić; prevod s engleskog: L. Macura. — Beograd: Narodna knjiga-Alfa: Kapital banka A.D., 2000. — 237 str.
- Kovačević S. Terorizam i Jugoslavija. — Beograd: Arkade Print, 1992. — 348 str.
- Borba protiv organizovanog kriminala u Srbiji: od postojećeg zakonodavstva do sveobuhvatnog predloga reforme / M. Reljanić [i dr.]. — Turin: UNICRI; Firenca: Univerzitet, Odsek za uporedno i krivično pravo; Beograd: Institut za uporedno pravo, 2008. — 414 str.
- Kaseze A. Međunarodno krivično pravo / Prevod: O. Račić [i dr.]; red. V. Dimitrijević. — Beograd: Beogradski centar za ljudska prava, 2005. — LXXX, 564 str.
- Грбић-Павловић Н., Павловић Г. Тероризам као међународнокривично дело // Супротстављање тероризму – међународни стандарди и правна регулатива. — Бања Лука: Висока школа унутрашњих послова; Ханс Зајдел Фондација, 2011. — Стр. 713-723.
- Коларић Д. Кривично дело тероризма – упоредноправни аспекти // Наука, Безбедност, Полиција. — 2001. — Бр. 2. — Стр. 57-77.
- Димитријевић И. Проблематика научног дефинисања тероризма // Безбедност. — 2005. — Бр. 6. — Стр. 967-979.
- Симоновић Б. Криминалистика. — Крагујевац: Правни факултет, Институт за правне и друштвене науке, 2004. — XVI, 689 стр.
- Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. — 4th ed. — Upper Saddle River, NJ: Pearson Prentice Hall, 2006. — XXIX, 558 p.
- Simović M., Blagojević M. Međunarodno krivično pravo. — 1. izd. — Banja Luka: Panevropski univerzitet «Apeiron», 2007. — 349 str.
- Stojanović Z. Međunarodno krivično pravo. — 6. izd. — Beograd: Pravna knjiga, 2008. — 220 str.
- Талијан М. Савремени тероризам и облици испољавања савременог урбаног тероризма // Политика националне безбедности. — 2016. — Бр. 1. — Стр. 185-213.
- Mijalković S., Keserović D. Osnovne bezbjednosti. — Banja Luka: Fakultet bezbjednost i zaštite, 2010. — 361 str.
- Шетка Г., Павловић Г. Надзор и контрола система безбједности са посебним освртом на полицију Републике Српске. — Бања Лука: Факултет за безбједност и заштиту, 2016. — 185 стр.
- Павловић Г. Стратешки приступ супротстављања тероризму – упоредни приказ у Европској унији и Босни и Херцеговини // Кривичноправни инструменти супротстављања тероризму и другим кривичним дјелима насилничког карактера: Зборник радова: Међународни научни скуп, Теслић, 22. и 23. април 2016. — Бања Лука: Министарство правде Републике Српске: Интернационална асоцијација криминалиста; Београд: Српско удружење за кривичноправну теорију и праксу, 2016. — Стр. 502-519.

16. Petrović B., Jovašević D. Krivično (kazneno) pravo. Posebni dio. – Sarajevo: Pravni fakultet, 2005. – 346 str.
17. Митровић Љ., Грбић Павловић Н. Тероризам у кривичном праву Босне и Херцеговине // Кривичноправни инструменти супротстављања тероризму и другим кривичним дјелима насилничког карактера: Зборник радова: Међународни научни скуп, Теслић, 22. и 23. април 2016. – Бања Лука: Министарство правде Републике Српске: Интернационална асоцијација криминалиста; Београд: Српско удружење за кривичноправну теорију и праксу, 2016. – Стр. 76–93.
18. Simović M. Krivično djelo terorizma u Krivičnom zakonu Brčkovdistrikta Bosne i Hercegovine // Kriminalističke teme. – 2003. – Br. 1-2. – Str. 199-217.
19. Јовашевић Д. Коментар Кривичног закона Савезне Републике Југославије. – Београд: Службени гласник, 2002. – 455 стр.
20. Jovašević D., Ikanović V. Krivično pravo Republike Srpske. Posebni deo. – 1. izd. – Banja Luka: Panevropski univerzitet «Apeiron», 2012. – 374 str.
21. Kokolj M., Jovašević D. Krivično pravo Republike Srpske: opšti i posebni dio. – Bijeljina: Univerzitet «Sinergija», 2011. – X, 452 str.
22. Јовашевић Д., Ракић М. Тероризам: безбедности и правни аспекти. — Београд: Институт за политичке студије, 2007. – 330 стр.
23. Komentari krivičnih/kaznenih zakona u Bosni i Hercegovini. Knj. I / M. Babić, Lj. Filipović, I. Marković, Z. Rajić. — Sarajevo: Savjet/Vijeće Evrope: Evropska komisija, 2005. – 868 str.
24. U Siriji na strani IS-a poginulo 30 bh. mladića [Електронни документ]. – Режим доступа: <http://www.sipa.gov.ba/assets/photos/press/1447660895-u-siriji-na-strani-is-a-poginulo-30-bhmladi%C4%87a.pdf> (дата обращения: 05.05.2017).
25. Azinović V., Jusić M. Novi zov rata u Siriji i bosanskohercegovački kontingent stranih boraca. — Sarajevo: Atlantska inicijativa, 2016. — 191 str.

Информация об авторах:

Николина Грбић-Павловић, доктор юридических наук, доцент, инспектор по специальной подготовке Министерства внутренних дел Республики Сербской.

Гойко Павловић, доктор юридических наук, директор Исследовательского центра в Баня-Луке (Босния и Герцеговина)

Тангатарова Н.

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН: ВЫБОР СТРАТЕГИИ ДЛЯ СРЕДНИХ ГОСУДАРСТВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация.

В данной статье автор исследует особенности внешнеполитической стратегии Узбекистана и предопределившие их факторы. Автор рассматривает выбор Узбекистаном стратегии «балансирующей равноудаленности» как результат политической рефлексии руководства страны в ответ на вызовы глобальной неопределенности в ситуации кризиса международных институтов, унаследованных от «двухполярного мира». В статье Узбекистан описывается как среднего размера государство, ли-

шенное доступа к морям и не имеющее возможности использовать стратегию bandwagoning. В то же время стратегия «пассивного и изоляционистского нейтралитета», используемая некоторыми из соседей Узбекистана, оценивается автором статьи как неприемлемая для последовательно самоутверждающегося на международной арене узбекистанского государства.

Ключевые слова: внешняя политика, двухполярный мир, балансирующая равноудаленность, государство среднего размера, bandwagoning

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 46–50.

POLITICAL SCIENCE

Tangatarova N.

Republic of Uzbekistan: the choice of strategy for medium-sized states in the era of global uncertainty

Abstract.

In this article, the author considers the features of the foreign policy strategy of Uzbekistan and the factors that predetermined them. The author considers Uzbekistan's choice of "balancing equidistance" strategy as a result of political reflection of the country's leadership in response to the challenges of global uncertainty in the situation of crisis of international institutions inherited from the "bipolar world". The author of the ar-

ticle describes Uzbekistan as a medium-sized state, deprived of access to the seas («landlocked») and unable to use the strategy of bandwagoning. At the same time, the strategy of «passive and isolationist neutrality» used by some of Uzbekistan's neighbors is appreciated by the author of the article as unacceptable for the consistently self-asserting Uzbek state in the international arena.

Keywords: foreign policy, bipolar world, balancing equidistance, medium-sized state, bandwagoning

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 46-50.

Central Asia is a classic example of a world region that contains not only well-known problems, but also has enormous resources and development opportunities, as well as a significant impact on global trends and processes of global political, economic and social development. At the same time, the consideration of the Central-Asian region as a differentiated geopolitical entity, the various countries of which are capable of implementing its own domestic and foreign

policy strategies, is not yet obvious to a significant part of researchers. The well-established clichés and the framework of repeatedly tested approaches to a certain extent limit the process of developing a fundamentally new vision of the processes of internal development of the Central African Republic and its member states.

At the same time, there is a gradual transition from traditional geopolitical concepts that focus on the competition

of powers in the struggle for influence in the region, on the study of possible ways and models of development of the region as a whole, as well as of individual countries included in it. A number of researchers consider either different versions of socio-economic modernization and political transit, or analyze the regime dimension of various types of political order that have developed in Central Asian states.

Examples of such scientific writings are a number of scientific works published over the past two decades. Among them are books published with the participation of renowned specialist in the region B. Rumer, including «Central Asia: challenges of independence» (1998) [4], «Central Asia at the end of the transit period» [3] and «Central Asia in transit: dilemmas of political and economic development» [13]. B. Rumer and other authors presented in these studies conclude that the Central Asian economy in the 1990s was markedly influenced by two parallel processes: the establishment of market relations and the attempt at democratic transit with the introduction of institutions and formal democracy procedures. The main content of this process, they recognize the diversification of the adopted strategies and conditions for economic development in the CAR countries, as well as increased economic competition between the states of the region, which entailed serious political consequences

Decentered globalism as a possible future

For this part of the chapter I chose to lean on Barry Buzan's doctrine of decentered globalism. He is giving the difference between superpowers and world («great») powers, stating that a superpower is a state whose resources in the political, military, cultural and economic spheres allow it to spread its influence over the entire world system, and in contrast to them, world («great») powers can cover only one world region with their influence. However following the neorealist paradigm, Buzan argues the attempts of existing world powers to achieve dominance in the global system are doomed to failure. Instead, in his opinion, a regionalized world based on cooperation and coexistence between powers should be established. Even in 2004, Buzan himself admitted that in the near future a transition to a multipolar world, which will be formed by the efforts of world powers, is inevitable.

According to the researcher, the very concept of a superpower already belongs to the past. Buzan believes that the very idea that a state can take a dominant position in the international arena is the product of an unbalanced state of international relations in the late XIX – early XX centuries, which was caused by industrial development and bourgeois revolutions that prompted one or another Powers fight for hegemony.

Given the existing imbalances and challenges, according to Buzan, today it is necessary to modernize the system of

international relations. As a constructive alternative, he offers a new model of world order with the defining role of great powers, uniting certain geo-economic and geopolitical regions around them - a model of decentralized globalism.

The new decentralized (i.e., deprived of a single center of power) world will be based on the principles of the sovereignty and territorial integrity of states, non-interference in internal affairs, diplomacy, respect for international law, self-determination (not in all forms), popular sovereignty, equality of individuals and whole nations. This matches the condition of Uzbekistan's foreign policy, the main priority of which is the region of Central Asia, where Uzbekistan is striving to be a leader. Uzbekistan's goal for central Asian course of its foreign policy is to make Central Asia a sovereign and independent union in the international relations with the world.

Neutrality in small and middle states

Neutrality is a political strategy that is usually used by many small states, as this strategy allows small states to not being involved in wars either directly or indirectly. According to Heywood neutrality «is a legal condition through which a state declares non-involvement in a conflict or war, and indicates its intention to refrain from supporting or aiding either side» [9]. Neutrality is obtaining more and more relevance now as several small states are using neutrality and it provides them security at some extend. Uzbekistan is one of these states. However, among realists' basic assumptions are the centrality of the state, the importance of power, the political inducement of national interests and the need for state survival. And according to these assumptions realists suppose that in case of conflicts small states should balance between great powers or should choose the strategy of bandwagon. Nevertheless, neutrality sometimes offers a third option different than above two [2]. For some small states, permanent neutrality is adopted as a means of achieving some level of security from outside threats.

There are numerous definitions of small states (Amstrup 1976; Archer and Nugent 2002; Hey 2003; Maass 2009; Steinmetz and Wivel 2010; Archer and Bailes et al. 2014) [6]. There are a lot of criteria playing role in defining what a small state is, for example, geographic size, population size, economic outcomes and military spending.

As Goetschel writes, «neutrality used to be an eminent component of discussions on European security: for centuries it was *the* alternative to membership in military alliances and a safety belt in the case of collective security failures» [6]. This statement means neutrality creates conditions for small states in which they are not involved in military conflicts and are in security. Despite the fact that the policy of neutrality limits foreign policy options for states, small states indeed obtain the chance to protect their sovereignty by means of neutrality.

In case of Uzbekistan, after gaining the independence as a result of the collapse of the Soviet Union, it had to build its future course in that way that it could survive in such an unstable environment, when the situation in neighboring countries were critical. In that condition the most relevant strategy was to balance and keep neutrality. Besides, that Neutrality provides a politico-legal framework for states to follow that involves a level of international co-operation, recognition and acceptance by the wider international community. And this was also of a great importance for Uzbekistan, a new country that had to find its place in the international arena. So, from the beginning the foreign policy of Uzbekistan was based on the strategy of balancing and neutrality. And in 2012 the first ever concept paper in the sphere of foreign policy was adopted on 1 August, 2012 – and delivered two major points: the military neutrality and Central Asia as a priority region of Uzbekistan's foreign policy [17].

One of the forms of neutrality is «non-alignment» which is the most important strategy in Uzbekistan's foreign policy. So for small states, neutrality is motivated by national security concerns, and now it's becoming more and more relevant with the rise of new economies like China, India, Brazil and etc. the world is becoming multi-polar. And this fact provides small states like Uzbekistan with the opportunity to balance between great powers and adopt neutrality.

Landlocked-ness and its influence on small and middle states destiny

Wealth and stability of the region have direct influence on the foreign policy and security of landlocked states. Landlocked states residing in poor and unstable neighborhoods, consequently, experience instability and have more limited foreign policy options compared to those landlocked states which are located in the rich and stable regions of the world. That was the case of Uzbekistan when after the collapse of the Soviet Union numerous small weak states were formed and the world order was going through a crisis which made this region extremely vulnerable and unstable. Uzbekistan is one of only two doubly landlocked states in the world. And this fact definitely had an effect on its foreign policy. In 1991 the country came to be surrounded by relatively weak and unstable states like Afghanistan, Tajikistan, Kyrgyz Republic, Kazakhstan, and Turkmenistan. In their turn they are all landlocked states themselves. None of these neighbors were rich or a major power.

Consequently, instability in the region and extra-regional power struggles shaped the country's foreign policy in many ways. First of all because Uzbekistan is doubly landlocked it had transit problems as it had to pass at least two other countries to reach the sea. Uzbekistan inherited good transportation infrastructures from the Soviet Union; however, conflicts

in Afghanistan and Tajikistan have posed the threat to Uzbekistan's security and caused restrictions on her transportation routes [10, p. 259-260].

This is the matter of the country's economy as it depends on the export. So, definitely, the leader's foreign policy decision are influenced by the fact that the country is landlocked and is dependent on neighboring countries which means it has to build the foreign policy in that way that these problems are solved [10, p. 260].

Here is president Islam Karimov's speech from 1998: «World experience testifies, and Uzbekistan is another proof, that a country having no direct access to international waters significantly suffers in international economics. This is why we continue to seek new solutions to the problem of providing our exports with an effective transportation system and obtaining access to international waters».

Similarly, Uzbekistan ministry of Foreign Affairs declares that: «The geographic isolation of Central Asia causes serious problems for our countries. In this respect, Uzbekistan will continue its efforts towards "disenclavization" of Central Asia by creating alternative transport and communication corridors» (*Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, 2008*).

These statements show that the problem related to Uzbekistan's geographic location damages Uzbekistan's economy and has a significant influence on its foreign policy. It makes the country dependent on other great powers and consequently state sovereignty suffers. This is the case of Uzbekistan as because of the conflicts in Tajikistan and decades of war in Afghanistan Uzbekistan was blocked from Pakistani and Indian ports [10, p. 261]. Such cases give other states leverage to influence Uzbekistan's security and foreign policy limiting the country's foreign policy options. This is the reason why Uzbekistan tried a number of times to weaken Russian influence on the country and balance great powers improving relations with the United States and find partners in the West. The proof of cooperation between Uzbekistan and the United States is Karshi-Khanabad air base given to the States after the 9/11 attacks to use in military purposes in the war with Afghanistan. Uzbekistan gave the facility to the United. The friendship went on to become Strategic Partnership in 2002 [5].

However, later the United States' encouraging Uzbekistan to bring the western values like human rights, freedom of expression and holding free elections in governance made Uzbekistan perceive it as a way to interfere in its internal affairs.

Thus, Uzbekistan is not influenced only by the intra-regional power struggle. However, the country is affected by extra-regional major powers' rivalries over influence in the region and instability in the neighborhood. Therefore, instability and poverty of the region directly affect Uzbekistan's foreign policy.

At the same time, the difference in the conditions in which the countries of Central Asia are located also determines the

difference in the strategies for further transformations that they have adopted.

Recent research on power shift, or the change in relative power of states in an international structure, has focused on how states adapt to strategic difficulties. As a key change in international politics, scholars have long discussed how states react strategically to power shift. One school in international studies, neorealism, emphasizes the prime importance of security affairs over other strategic concerns in an anarchic international structure. It explores states' dilemma in choosing between balancing a more powerful state or bandwagoning with it. This issue is quite relevant as after the collapse of the Soviet Union numerous small states were formed. In this situation, in the process of global turbulence, when institutions, norms and unions are collapsing - and new independent states have to rely more on their own resources to protect sovereignty - and they need to come up with and implement their own foreign policy strategies, based on their own characteristics and available opportunities. The countries of Central Asia are no exception. If we are going to analyze strategy of small states it's important to define what small states are. Small states are defined in different ways, for instance, Hey (2003) notes that small states are those with small populations, land area, production levels, wealth, and military capabilities [6]. Absolute power is measured by factors such as population size (15 million or less), geographical area and GDP/GNP per capita. However, by convention, the term *small state* is used to describe a state with a population of one million or less [16].

Key variables such as state size, self-image and the factor of influence are taken into account when comparing and contrasting the power of states in the international system [14].

According to Molis, «the most important criteria determining the power position of a state is its comparative power and geopolitical position» [12]. In small states' literature, the former concept deals with attributes such as political, economic, and social power, and the latter concept evaluates the definite geopolitical context of a state. States with limited capacity to protect their interests and establish geopolitical subjectivity are also considered small [12]. Small states are particularly vulnerable due to lack of power and independence.

As such, small states are more vulnerable to foreign intervention because outside powers could take advantage of domestic strife to advance their economic and ideological interests [14]. In other words, small states are weak because they cannot defend themselves by their own efforts against any of the great powers [7]. Since they are unlikely to obtain security using their own resources, Roshstein states that small states «must rely fundamentally on the aid of other states, institutions, processes, or developments to do so; the small power's belief in its inability to rely on its own means must also be recognized by the other states involved in international politics» [15].

If to estimate Uzbekistan according to these categories we can say that Uzbekistan is not a small state. Uzbekistan is Central Asia's most populous state (33,254,100) [1], the largest market, and fields the largest army. According to the «hierarchical model», in order to determine the place of a country in the relative world hierarchy, it is necessary to be based on the combined national power of the state. As criteria for classification, a set of quantitative, mostly resource-oriented indicators, such as GDP, population, size of state territory, and military capabilities of the country are proposed. In 1978, M. White defined this category of countries as «states with such military power, resources and a strategic position that in peacetime forces the great powers to seek their support, and in wartime, along with the fact that the middle power does not have the chances of winning a war against a great power, it can inflict serious damage to the latter, incomparable with that which the great power hoped to receive by attacking it» [18]. Thus, when applying the hierarchical model, we obtain a characteristic of the middle power as a state, which is neither large nor small. And Uzbekistan fully complies with this characteristic. It follows from this that a lot of strategies that are used by small states in order to cooperate with great powers are not suitable for Uzbekistan. If we observe the strategy of bandwagoning, it's a strategy small states employ in order to avoid both external and internal threats to their security. In other words, the concept of bandwagoning also states that aligning with a powerful coalition will help the aligned country to appease and attain some measure of security.

This strategy helped small states to ally with aggressive countries rather than to fall into the hands of great powers in the wake of the Cold War tension. The reason they adopted this strategy underlines the natural fear they had of unfamiliar powerful states. Levy says, «Great powers balance against potential hegemonies, whereas weaker states in the proximity of stronger states do what is necessary to survive, which often involves bandwagoning with the strong instead of balancing against them» [10]. Thus, small states usually have to choose the strategy of bandwagoning. This strategy is not suitable for Uzbekistan - since it is not small, but a middle power with a comparatively significant by the standards of the Central Asian Republic and a dynamically growing population.

The strategy of «isolationist and passive neutrality» that was chosen as a path by Turkmenistan does not suit Uzbekistan either because of its geographical location, since the challenges along the borders of Uzbekistan are quite significant, and development based solely on raw materials potential is excluded due to a much larger population than Turkmenistan's. If talking about the strategy of Kazakhstan that is «multi-vector integration», it doesn't meet Uzbekistan's condition. Uzbekistan from the beginning had different political conditions than Kazakhstan with quite different challenges and threats like regionalism and many others that needed to be solved and had a great influence on the foreign policy of

Uzbekistan. Besides that without completing socio-economic modernization in the city and in the village, excessive openness of the country in economic terms can provoke economic problems, growing social tension and political crises. This fact makes this strategy not applicable to Uzbekistan.

Inability to use the «pure» experience of neighbors in foreign policy prompted the leadership of Uzbekistan after 1992 to seek its own original version of the foreign policy strategy based on an integrated approach and analysis. The pan-Turkic (Turkey), pro-European, pro-American and Eurasian vectors did not live up to expectations, because they did not adequately contribute to solving the country's secu-

rity and socio-economic modernization problems, and integration within the Central African Republic failed due to the lack of the necessary coordination of interests and behavior strategies of the countries of the region. In this situation, the final decision was the choice of a strategy of «balancing equidistance» (a reasonable distance from world centers of power with an emphasis on non-alignment and the development of bilateral relations with other countries in order to balance external influences on the country, strengthen its sovereignty and consistently implement its own foreign policy strategies and plans to solve the problems of internal development).

Литература / References:

1. Численность населения Узбекистана превысила 33, 25 млн. человек // Ритм Евразии. – 21.01.2019. – Режим доступа: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-01-21--chislennost-naselenija-uzbekistana-prevysila-33-25mln.chelovek-40630> (дата обращения: 25.07.2019)
2. Austin, D. A. Realism, Institutions, and Neutrality: Constraining Conflict Through the Force of Norms // *Commonwealth: A Journal of Political Science*. – 1998. – № 9. – Pp. 37–56.
3. Central Asia. At the End of Transition. Ed. by B. Rumer, M. E. Sharpe. – New York, London: Armonk, 2005. – XIII+449 pp.
4. Central Asia: Challenges of Independence. Rumer B. (ed.). – New York, 1998.
5. Gleason, G. The Uzbek Expulsion U.S. Forces and in Central Asia // *Problems of Post-Communism*. – 2006. – № 53(2). – Pp. 49–60. doi:10.2753/ppc1075-8216530205
6. Goetschel, L. Neutrality, a Really Dead Concept? // *Cooperation and Conflict*. – 1999. – № 34(2). – Pp. 115–39.
7. Handel, M. *Weak states in the international system*. – London: Frank Cass, 1981.
8. Hey, J. A. K. *Small states in world politics: Explaining foreign policy behavior*. – London: Lynne Rienner, 2003.
9. Heywood, A. *Key Concepts in Politics and International Relations*. – London and New York: Palgrave, 2015.
10. Idan, A., Shaffer, B. *The Foreign Policies of Post-Soviet Landlocked States* // *Post-Soviet Affairs*. – 2011. – № 27(3). – Pp. 259–260. doi:10.2747/1060-586x.27.3.241
11. Levy J. S. The causes of war: A review of theories and evidence // *Behavior, society and nuclear war*. P. E. Tetlock (Ed.). – New York: Oxford University Press, 1989. – Pp. 209–333.
12. Molis, A. The role and interests of small states in developing European security and defense policy // *Baltic Security & Defence Review*. – 2006. – № 8. – Pp. 81–100.
13. Rumer B. *Central Asia in Transition: Dilemmas of Political and Economic Development*. – New York, 2014.
14. Rapaport, J., Muteba, E., Therattil, J. J. *Small states & territories: Status and problems*. UNITAR. – New York: Arno Press, 1971.
15. Rothstein, R. L. *Alliances and small powers*. – New York: Columbia University Press, 1968.
16. Thapliyal, S. *Mutual security - The case of India and Nepal*. – New Delhi: Lancer, 1998.
17. Uzbekistan's Development Strategy for 2017-2021 has been adopted following public consultation // *The Tashkent Times*. – February 8. – 2017. – Режим доступа: <http://tashkenttimes.uz/national/541-uzbekistansdevelopmentstrategy-or2017-2021-has-been-adopted-following-discussion> (дата обращения: 09, 08.2019).
18. Wight M. *Power Politics*. – London, 1978.

Информация об авторах:

Тангатарова Нигора, Республика Узбекистан, магистрант Школы современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР).

Валиуллина Е.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТИВНОСТИ И КОНФЛИКТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ВУЗА

Аннотация.

В статье представлены результаты исследования психологических особенностей адаптивности и способов поведения в конфликте молодых людей, обучающихся на первом курсе высшего учебного заведения. В качестве психодиагностических методик применялись тесты самооценки социально-психологической и эмоционально-деятельностной адаптивности, а также опросник для определения стиля поведения в конфликте. Сформированные показатели эмоционально-деятельностной адаптивности первокурсников способствуют при-

менению ими стратегии «компромисса» в случае межличностных конфликтов, а высокие значения социально-психологической адаптивности оптимизируют выбор стратегии «сотрудничество» и сдерживают способ поведения «избегание» при разрешении конфликтных ситуаций. Результаты исследования могут быть использованы различными структурами и подразделениями вузов для организации психолого-педагогического сопровождения адаптации первокурсников.

Ключевые слова: адаптация, адаптивность, конфликты, первокурсники, способы поведения в конфликте.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 51–54.

PSYCHOLOGY

Валиуллина Е.В.

Psychological features of adaptability and conflict of first year students of the University

Abstract.

The article presents the results of a study of the psychological characteristics of adaptability and methods of behavior in conflict of young people studying in the first year of higher education. As psychodiagnostic methods, self-assessment tests of socio-psychological and emotional-activity adaptability were used, as well as a questionnaire to determine the behavior style in a conflict. The generated indicators of emotional and activity adaptability of freshmen contribute

to their use of the «compromise» strategy in case of interpersonal conflicts, and high values of socio-psychological adaptability optimize the choice of the «cooperation» strategy and hinder the «avoidance» behavior when resolving conflict situations. The results of the study can be used by various structures and departments of universities to organize psychological and pedagogical support for the adaptation of freshmen.

Keywords: adaptation, adaptability, conflicts, freshmen, methods of behavior in a conflict.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 51-54.

Любой студенческий коллектив вуза представляет собой достаточно сложную систему отношений, внутри которой могут возникнуть межличностные конфликты. На начальных этапах обучения, в период адаптации к обучению в вузе, конфликтные ситуации негативно влияют на сам процесс вхождения в учебно-профессиональную де-

ятельность.

Процессы адаптации, вопросы адаптированности, типология адаптивности достаточно разнообразно представлены современной психологической наукой. Так, индивидуальные психологические и физиологические механизмы адаптации изучали Б.Г. Ананьев, Н.А. Бернштейн,

Ф.Е. Василюк, Б.М. Величковский, М. Вертгеймер, А.К. Маркова, Г. Селье, И.С. Якиманская и др., личностные и социальные факторы в процессе адаптации рассматривали Л.И. Анциферова, А. Бандура, А.В. Мудрик, А.А. Реан, М.А. Холодная и другие известные ученые.

С точки зрения А.А. Реана и соавторов, адаптация представляет собой многоаспектный разно уровневый и комплексный феномен, затрагивающий ключевые личностные образования [9]. А.Г. Маклаков раскрывает содержание адаптационного потенциала, который находится в прямой зависимости от индивидуально-психологических свойств личности, отражает их своеобразное сочетание и выраженность в структуре той или иной личности [7].

Вопросы адаптации к учебной и профессиональной деятельности освещали К.А. Абульханова-Славская, Д.А. Бирюков, А.А. Деркач, Э.Ф. Зеер, Т.О. Паршина, М.А. Селиванова, С.И. Степанова, В.Н. Соловьев и другие.

Конфликт рассматривают как столкновение несовместимых взглядов, мнений, позиций, интересов; как противоборство (взаимосвязанных, но преследующих порой свои разные, часто противоположные цели) двух или более сторон. Вопросы типологии конфликтов, проблемы разрешения конфликтов, характеристики конфликтности личности широко изучены отечественной психологией в работах А.Я. Анцупова, Ф.Е. Василюка, Н.В. Гришиной, В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.В. Ломова, А.Р. Лурии, В.С. Мерлина, Т.М. Мишиной, Н.Н. Обозова, Б.И. Хасана, А.И. Шипилова и других.

Н.Н. Обозов под конфликтом понимает эмоционально окрашенное разногласие мнений, которое возникает при одностороннем или двустороннем неприятии позиций участников [8]. А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов дают следующее определение: конфликт – это «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности» [1].

Н.В. Гришина отмечает, что «психологические кон-

фликты разных видов в своей основе являются intersубъективными, так как конфликт всегда развивается между субъектами – представителями групп, участниками интерперсонального взаимодействия или в виде конфликта с самим собой» [6].

С целью изучения психологических типов адаптивности и способов поведения в конфликте студентов первого курса вуза было проведено исследование. Респондентами выступили первокурсники высшего учебного заведения, всего было опрошено 72 человека (из них 43 девушки и 29 юношей), в возрасте от 17 до 22 лет.

Для реализации поставленной цели были применены следующие методы: анализ психолого-педагогической литературы по теме исследования; психодиагностика исследуемых параметров (методика самооценки социально-психологической и эмоционально-деятельностной адаптивности Н.П. Фетискина [10], опросник для определения стиля поведения в конфликте К. Томаса, в адаптации Н.В. Гришиной [5]); методы математической статистики (обработка результатов осуществлена при помощи пакета программ Microsoft Office – Microsoft Excel, версия 2013 года).

Статистическая достоверность распределений проверена при помощи непараметрического критерия Пирсона (при критических значениях для χ^2 -критерия Пирсона ($v = 72$) от 91,67 (при $p < 0,05$) до 101,62 (при $p < 0,01$), результаты исследования представлены в таблице 1.

Методика самооценки социально-психологической адаптивности личности позволяет оценить уровень адаптивности, степень выраженности психологической гибкости поведения, эффективности деятельности, конструктивности общения (коммуникативная, мотивационная, волевая и поведенческая сфера). Согласно полученным результатам, на первом курсе студенты обладают заниженными адаптационными способностями в социальном и психологическом аспекте, высокие показатели выявлены у 36% опрошенных молодых людей (это высокий и выше среднего уровни адаптивности), 48% респондентов показали средний уровень, по 8% имеют ниже

Таблица 1. Средние показатели интерпретационных параметров

Интерпретационные параметры	Средние значения(М)	Стандартное отклонение (m)
Социально-психологическая адаптивность	2,23	0,16
Эмоционально-деятельностная адаптивность	3,02	0,45
Соперничество	5,86	1,87
Компромисс	6,82	1,92
Сотрудничество	5,56	1,62
Избегание	5,78	2,34
Приспособление	5,50	2,52
Примечание: χ^2 -Эмп = 96,28, расхождения распределений достоверны при $p < 0,05$.		

среднего и низкий уровень социально-психологической адаптивности ($2,23 \pm 0,16$). Это может свидетельствовать о сложностях встраивания в учебно-образовательный процесс, трудностях в приспособлении к новому виду деятельности, ригидности коммуникативных установок.

Эмоционально-деятельностная адаптивность в вузе характеризует эмоциональную лабильность в процессе освоения учебно-профессиональной деятельности. Как следует из полученных данных, на начальных этапах обучения хорошими адаптационными способностями обладает небольшой процент студентов: 27% показали высокий и выше среднего уровни, у 62% выявлен средний уровень, а 11% имеют низкий уровень эмоционально-деятельностной адаптивности ($3,02 \pm 0,45$). Средний и пониженные уровни могут свидетельствовать о низких навыках эмоциональной устойчивости, слабой нервно-психической регуляции, сложностях в освоении новых способов приобретения знаний (когнитивно-познавательная и эмоциональная сфера).

Этому отчасти может способствовать традиционный авторитарный стиль преподавания в вузе [4], когда имеют место ярко выраженные ригидные установки преподавателей, стереотипизация их способов оценивания, шаблонность в выборе педагогических методов и средств, при этом все подчинено интересам конечной «цели», без учета значений самого «процесса», процесса обучения.

Методика К. Томаса позволяет определить личностную предрасположенность к конфликтному поведению, а также выявить ведущий стиль поведения в конфликте, для этого используется двухмерная модель с параметрами «кооперации» и «напористости». Кооперация характеризует способность учитывать интересы оппонента; напористость – ориентацию на свои собственные интересы, в ущерб интересам соперника.

Наиболее предпочитаемый способ поведения в конфликте у первокурсников стал «компромисс» ($6,82 \pm 1,92$), 28% из них определили его как ведущий. Для такого стиля характерен средний уровень напористости и средний уровень кооперации, разрешение конфликта происходит путем частичного удовлетворения интересов каждой стороны, участники находят временное решение проблемы.

Достаточно популярным оказался и стиль «соперничество» ($5,86 \pm 1,87$), в качестве ведущего он выявлен у 24% опрошенных молодых людей. Подобный стиль отличается высоким уровнем напористости и низким уровнем кооперации, интересы соперника не учитываются, все поведение сосредоточено исключительно на своих интересах, проявляется открытым противостоянием, явной или косвенной агрессией, нередко применением физической силы.

Небольшое количество студентов (лишь 17% из них) имеют ведущим стилем «сотрудничество» ($5,56 \pm 1,62$), несмотря на то, что это один из самых эффективных спо-

собов разрешения противоречий для конечного результата. Высокие уровни кооперации и напористости способствуют конструктивному решению проблемы, предполагает совместные действия по поиску выхода из конфликта и деловую атмосферу общения.

Обучение в высшем учебном заведении таит в себе много трудностей, сложностей, препятствий [3], и умение находить верные решения, правильно выстраивать отношения с сокурсниками, преподавателями, администрацией вуза будет способствовать успешному завершению адаптационных процессов и эффективному овладению учебно-профессиональной деятельностью.

«Избегание» ($5,78 \pm 2,34$) как ведущий стиль поведения в конфликте определяется у 18% первокурсников. Низкий уровень кооперации и напористости характеризуют этот стиль, при подобном варианте ни одна из сторон не достигает своих интересов, пассивность поведения позволяет оградить себя от общения с противником либо достойно уйти при незначительности самого предмета спора.

Другим пассивным стилем поведения в конфликтных ситуациях выступает «приспособление» ($5,50 \pm 2,52$), его диагностировали 13% респондентов. Высокий уровень кооперации и низкий – напористости определяют этот стиль, он направлен на совместную деятельность с противником, а также актуальна готовность поступиться своими интересами ради сохранения дружеских отношений. Данный тип эффективен в случае если соперники не равны по рангу и проще уступить и приспособиться к требованиям, например, преподавателя, чем вступить с ним в открытое противостояние.

Корреляционный анализ проведен при помощи γ -критерия Спирмена (критические значения критерия для $N = 72$: $\gamma \pm 0,23$ (при $p \leq 0,05$), $\gamma \pm 0,30$ (при $p \leq 0,01$), результаты расчета представлены в Таблице 2.

Как видно из представленных данных, между параметрами социально-психологической адаптивности и стилем поведения в конфликтной ситуации «сотрудничество» получена положительная корреляция (при $p < 0,05$) и отрицательная связь со стилем «избегание» (при $p < 0,01$). При оптимальной социальной адаптивности, когда процессы коммуникативной и поведенческой сферы эффективно регулируются, конфликтные ситуации разрешаются путем совместного поиска решения, поиска альтернативы, удовлетворяющей обе стороны, а вот «уход» от проблем не входит в предпочитаемый способ поведения, не считается конструктивным и отвергается личностью.

«Универсального способа реагирования, стиля поведения в конфликте не существует, ни одна из приведенных стратегий не является наилучшей: каждая может привести к положительному результату. Если человек владеет всеми способами, может их комбинировать в

Таблица 2. Средние показатели интерпретационных параметров

Интерпретационные параметры	Социально-психологическая адаптивность	Эмоционально-деятельностная адаптивность
Соперничество	0,123	-0,203
Компромисс	-0,033	0,396**
Сотрудничество	0,246*	-0,062
Избегание	-0,347**	-0,067
Приспособление	-0,013	-0,045

Примечание: * – корреляция статистически значима с $p < 0,05$; ** – корреляция статистически значима с $p < 0,01$.

зависимости от обстоятельств, он будет более успешен в общении и в жизни» [2].

Положительная корреляционная зависимость получена между параметрами эмоционально-деятельностной адаптивности и стилем поведения в конфликте «компромисс» (при $p < 0,01$). Сформированная эмоциональная адаптивность, эффективная саморегуляция своей эмоциональной сферы способствует преодолению спорных ситуаций путем компромиссного решения. Умение идти на уступки, при этом не сдавая своих позиций; умение найти убедительные аргументы, при этом внимательно выслу-

шав точку зрения собеседника и т.д. способность уравновешенных, эмоционально устойчивых людей, с развитой эмоционально-деятельностной адаптивностью.

Межличностные конфликты, ссоры, противоречия воспринимаются человеком как значимые субъективные проблемы, которые требуют своего разрешения. Сформированная психологическая, деятельностная, эмоциональная и социальная адаптивность, оптимальные значения адаптивных способностей могут существенно помочь найти выход из сложившейся конфликтной ситуации, выбрать эффективный способ разрешения конфликта.

Литература / References:

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. – СПб., 2006. – 526 с.
2. Валиуллина Е.В. Исследование стиля поведения в конфликтных ситуациях первокурсников // В сборнике: Методические подходы формирования общекультурных и профессиональных компетенций в медицинском ВУЗе. Материалы VI Учебно-методической конференции Кемеровской государственной медицинской академии: внутривузовский сборник трудов. 2014. С. 20-23.
3. Валиуллина Е.В., Михайлова Т.М. Учебный процесс в медицинском вузе глазами студентов: основные трудности и проблемы / в сборнике: Материалы учебно-методической конференции Кемеровской государственной медицинской академии, посвященной 55-летию КемГМА. Внутривузовский сборник трудов. 2010. С. 27-30.
4. Валиуллина Е.В. Психологические аспекты авторитарного стиля педагогического управления // Социогуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 113-117.
5. Гребень Н.Ф. Психологические тесты для психологов, педагогов, специалистов по работе с персоналом. Мн.: Современная школа, 2012. С. 384.
6. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб., 2008. – 544 с.
7. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. – С. 16–24.
8. Обозов Н.Н. Психология конфликта. СПб.: Облик, 2001. – 48 с.
9. Реан А.А., Кудашов А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 479 с.
10. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. – 339 с.

Сведения об авторе

Валиуллина Евгения Викторовна,
кандидат психологических наук, доцент; Кемеровский
государственный медицинский университет, доцент
кафедры психиатрии, наркологии и медицинской
психологии; e-mail: valiullina.jv@ya.ru

Калинин С. С.

НЕОГУМБОЛЬДТИАНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ТЕОРИЯ И РАСОВЫЙ МИФ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Аннотация.

В работе рассматривается история, концептуальный аппарат, а также идеологическая база одного из ведущих направлений языкознания 20-50-х гг. XX в. – неогумбольдтианства. Показана эволюция этой лингвистической теории в условиях тоталитарного нацистского государства. Даются примеры отношения представителей данного направления к нацистской идеологии: глава немецкого неогумбольдтианства Й. Л. Вайсгербер старался не контактировать с нацистской идеологией и в целом

не поддерживал ее, в то время как ряд других представителей (Г. Шмидт-Рор, Х. Бринкманн) пытались подвести лингвистическое «обоснование» под расовый миф гитлеровской Германии. В заключение показывается, что нацистский расовый миф был основан на «извращении» постулатов немецкой школы сравнительно-исторического языкознания.

Ключевые слова: неогумбольдтианство, гитлеровская Германия, расовый миф, наука в гитлеровской Германии, история языкознания.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 55-57.

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Kalinin S. S.

Linguistic theory of Wilhelm von Humboldt and racial myth of the Third Reich

Abstract.

The article is devoted to history, development, conceptual system of Neohumboldtian language theory as well as its ideological foundations. It was one of the most important linguistic theories of 20th-50th of XX century. The evolution of this linguistic theory is shown in circumstances of national-socialist totalitarian state. The different Neohumboldtian linguists have different relations with the nazism ideology. The head of this approach, J. L. Weisgerber, tried not to con-

tact with nazism and he did not support Hitler's regime. In another hand, G. Schmidt-Rohr, H. Brinkmann, for example, tried to "justify" a nazism racial myth in terms of linguistics. It concludes that the national-socialistic racial myth was founded on the "perverted" reception of the main ideas of German historical-comparative linguistics of XIX century.

Keywords: Neohumboldtian language theory, national-socialist Germany, racial myth, science in The national-socialist Germany, history of linguistics.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 55-57.

Неогумбольдтианская языковая теория сложилась в первой половине XX в. на основе восходящего к лингвофило-софским идеям В. фон Гумбольдта особого понимания языка [2]. Представителями неогумбольдтианства являются Лео Вайсгербер, Йост Трир, Ханс Глинц, Харольд Хольц, Гюнтер Ипсен, Вальтер Порциг, Петер Хартманн, Хельмут Гиппер, Йоханнес Эрбен, Хенниг Бринкманн, Герман Йозеф Амманн, Фридрих Штро, Герман Гюнтерт, Георг Шмидт-Рор, Оскар Бухманн и др. Основной неогумбольдтианской идеей было понимание языка как деятельности, как процесса мирозидания [2]. По мнению неогумбольд-

тианцев, через язык и с помощью языка создается особая метафизическая реальность, через которую мы постигаем мир [2]. Важной является также неогумбольдтианская идея о языке как промежуточном мире (термин *Zwischenwelt* [1, с. 176]) между миром психических явлений человека и объективной реальностью. Большое значение неогумбольдтианцы придавали также языковой способности человека (Л. Вайсгербер, в частности, называл ее отличительной способностью человеческого бытия [1, с. 136-139]) и языковому познанию мира. В этом неогумбольдтианцы предвосхищали многие идеи современной когнитивной лингвистики.

Оказали они влияние и на другие направления современной лингвистической науки, например, на лингвокультурологию, поскольку в неогумбольдтианских работах содержится весьма большое количество идей о взаимосвязи языка и культуры, языка и сознания, языка и мышления.

Главным объектом критики неогумбольдтианской языковой теории стала идея о взаимосвязи языка и познания. Критики неогумбольдтианства утверждали о том, что его сторонники преувеличивают когнитивную функцию языка в ущерб коммуникативной его функции [2, с. 330-331]. Неогумбольдтианцы стали, реагируя на данную критику, дополнять свою теорию другими элементами. Так, в частности, они взяли на вооружение идеи Ф. де Соссюра: понятие языкового знака, понимание языка как системы, дихотомию языка и речи и некоторые другие положения [2]. Позднее, в связи с развитием генеративной грамматики, неогумбольдтианцы начали искать пути соединения своей языковой теории с ее основными идеями и положениями с основными идеями лингвистической прагматики [2].

К сожалению, идейный и понятийный аппарат неогумбольдтианской лингвистики до сих пор остается малоизученным и в малой степени освоенным в отечественной лингвистической традиции. Более того, в советской лингвистической науке она подвергалась критике в большей степени не в собственно научном, а в идеологическом отношении. Так, даже в издании Лингвистического Энциклопедического Словаря 1990 г. (заметим, в разгар перестройки!) автором статьи о неогумбольдтианстве Л. С. Ермолаевой [2] приведена критика данной языковедческой традиции с позиций материалистической марксистской философии. Даже в перестроечные времена, когда в советской науке возникло достаточно лояльное отношение к «буржуазным языковедам-идеалистам», неогумбольдтианская теория языка продолжала время от времени критиковаться с политико-идеологических позиций.

Полное издание основной работы Л. Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» («Muttersprache und Geistesbildung») появилось, как замечает О. А. Радченко, только в 1993 г., уже после падения всяческих идеологических ограничений [3, с. 31]. Многие неогумбольдтианские работы в России до сих пор неизвестны. К ним, в частности, относятся многие работы Л. Вайсгербера «Дважды язык» [11], «О силах немецкого языка» [10], «Основы содержательно обусловленной грамматики немецкого языка» [9], В. Порцига «Чудо языка» (вышла в оригинале в Германии девятью изданиями) [6], Й. Трира «Словарный состав немецкого языка в смысловом поле понимания» [8], Г. Шмидта-Рора «Язык как созидатель народа» [7] и многие другие. Практически неосвоенными в отечественной педагогической и лингвистической традициях остаются и прикладные идеи неогумбольдтианцев об обучении родному языку (которых особенно много в работах Й. Л. Вайсгербера), о преподавании родного языка в школе, о составлении словарей, идеи, связанные с языковой политикой и языковым строительством и др.

Интересно, что в Германии ряд неогумбольдтианцев, идеологических сторонников и даже коллег Л. Вайсгербера (сам Л. Вайсгербер не принадлежал к какому-то определенному политическому течению) были связаны с германским национал-социализмом и активно его поддерживали. Например, В. Порциг руководил отделением НСДАП в Берне [5, с. 73], Й. Трир принимал участие в «народоведческих» программах национал-социалистов. Г. Шмидт-Рор смог даже «карьерно вырасти» до руководителя социолингвистическим отделом организации «Аненэрбе» [12, с. 389]. Несмотря на это часть представителей данного течения неогумбольдтианства не получила после Второй мировой войны и денацификации Германии запрета на профессию, их работы активно издавались и переиздавались после войны, а словарями, составленными на основе их лингвистических идей (словари серии Duden), пользуются в лингвистической практике в настоящее время. За цикл этих работ Й. Трир был даже отмечен в 1968 г. премией им. К. Дудена [3, с. 11].

Интересным представляется вопрос о взаимоотношениях лингвистической науки Германии 1930-1940-х гг. с официальной идеологией Третьего Рейха. Выше уже упоминался лингвист Г. Шмидт-Рор, который был основателем социолингвистического отдела в «Аненэрбе». Г. Шмидт-Рор пытался подвести лингвистическое обоснование под чело-веконенавистнические расовые идеи Гитлера помимо активного обоснования «расового превосходства» арийцев при помощи биологических выкладок. В 1941 г. Г. Шмидт-Рор написал работу «Место языка в национальном самосознании немцев», в которой он говорил о «чужеродных влияниях» якобы «неполноценных» языков и культур и, соответственно, их носителей на немецкий язык [12, с. 389]. Самым опасным источником «чужеродного влияния» и «угрозой для немецкой крови» Г. Шмидт-Рор считал мировое еврейство, что вполне согласовывалось с официальной национал-социалистической идеологией [12, с. 389]. Х. Бринкманн также пытался подвести лингвистическое обоснование под расовый миф Третьего Рейха о якобы особой «избранности» арийской расы, что в конце концов ему удалось (в его представлении) сделать [3, с. 19-20]. Однако расовая теория нацизма не согласовывалась с построениями главного представителя неогумбольдтианства 1930-х гг. – Л. Вайсгербера. Ученый отрицал национал-социалистическое утверждение о врожденности языка и о прямой взаимосвязи расовых и языковых признаков. Он пришел к данным выводам, изучая немецкоговорящих евреев Германии [3, с. 17]. Евреи (имевшие исходным языком как иврит – семитский язык, так и индоевропейский гибридный – идиш) смогли успешно освоить немецкий (индоевропейский) язык, что подтверждало тезис Л. Вайсгербера о языке как особой метафизической реальности, в которую человек «погружается» в процессе его изучения, освоения. За подобные идеи Л. Вайсгербер часто подвергался критике со стороны нацистского руководства.

Вообще идея «арийской расы» и «расового превосход-

ства немцев» возникла гораздо ранее прихода Гитлера и национал-социалистов к власти. Она появилась еще в XIX в. в связи с развитием сравнительно-исторического языкознания. Идеи об «особой чистоте» индоевропейских и в особенности германских языков была впервые выдвинута Ф. Шлегелем в работе «О языке и мудрости индийцев». Ф. Шлегель утверждал, что древние индоевропейские языки согласно классификации, предложенной им же в вышеописанной работе, являются наиболее совершенными, так они являются флективными. Поздние же индоевропейские языки, являющиеся результатом их развития, свидетельствуют о «языковом упадке». По типологии Ф. Шлегеля, флективные языки – самые старые и самые совершенные по своей структуре, изолирующие языки – самые молодые по возрасту, а агглютинативные языки занимают промежуточное положение между ними. Из этого тезиса Ф. Шлегеля сторонники германского национализма сделали вывод о том, что поскольку индоевропейские языки являются якобы самыми совершенными из всех языков, то германские языки сохранили в себе это совершенство в неизменности на протяжении веков. Отсюда следует вывод о якобы особой чистоте германских языков и их особой близости к праиндоевропейскому языку-основе. На самом деле лингвистические данные говорят об обратном: в германских языках появилось множество лексических и грамматических инноваций, которых не было в индоевропейском языке-основе. Нет никаких оснований утверждать, что германские языки сохранили какую-то особую «чистоту» или неизменность по сравнению с другими индоевропейскими языками. Более того, о ряде «неарийских» языков (например, о литовском, древних хетто-лувийских, тохарских языках) можно

сказать, что они гораздо более архаичны по своему строю по сравнению с германскими языками. На основании приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что нет никаких оснований рассуждать о каком-то особенном «превосходстве» германских языков по сравнению с остальными индоевропейскими языками. Таким образом, «лингвистические» основы германского национал-социализма при научном их рассмотрении и анализе оказываются вздорными и несостоятельными.

Вследствие этого анализ неогумбольдтианских теорий языка в настоящее время должен исходить не только из собственно лингвистического значения тех или иных положений данной теории, но и учитывать историко-культурную специфику их возникновения и бытования в Германии середины прошлого века. Необходимо также при анализе и критике неогумбольдтианских теорий учитывать, в первую очередь, их лингвистические достоинства и недостатки, а не критиковать только лишь философские и политические воззрения и взгляды их представителей (сам В. Порциг во время денацификации признавался, что никогда не ориентировался на собственные политические воззрения в своих лингвистических штудиях [4, с. 279]), но при этом проводить целенаправленное развенчание любых попыток «лингвистического» (а точнее, псевдолингвистического) обоснования национал-социализма. Вместе с тем анализ взаимоотношений лингвистической науки и власти во времена Третьего Рейха может дать нам еще одну ценную вещь: исторический опыт таковых отношений и его анализ. Последнее немаловажно как в философском и историческом плане, так и в плане построения теоретической модели и стратегии отношений между наукой и властью.

Литература / References:

1. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем., вступ. ст. и комм. О. А. Радченко. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
2. Ермолаева, Л. С. Неогумбольдтианство // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 330-331.
3. Радченко, О. А. Апостол родного языка: вступительная статья // Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем., вступ. ст. и комм. О. А. Радченко. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 3-40.
4. Knobloch, C. Willige Vollstrecker? oder: Geschichtsschreibung als Waffe und Werkzeug // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft. – Bd. 11. – 2001. – S. 277-285.
5. Lerchenmueller, J. Die Reichsuniversität Straßburg: SD-Wissenschaftspolitik und Wissenschaftlerkarrieren vor und nach 1945 // Universitäten und Hochschulen im Nationalsozialismus und in der frühen Nachkriegszeit. – Stuttgart: Steiner, 2004. – 292 S.
6. Porzig, W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft. – Bern, München: Francke, 1967. – 424 S.
7. Schmidt-Rohr, G. Die Sprache als Bildnerin der Völker. Eine Wesens- und Lebenskunde der Volkstümer. – Jena: Diederichs, 1932. – 437 S.
8. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. – Heidelberg: C. Winter Verlag, 1973. – 347 S.
9. Weisgerber, J. L. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971. – 431 S.
10. Weisgerber, J. L. Von den Kräften der deutschen Sprache: Die sprachliche Gestaltung der Welt. – Düsseldorf: Schwann, 1962. – 454 S.
11. Weisgerber, J. L. Zweimal Sprache. Deutsche Linguistik 1973 – Energetische Sprachwissenschaft. – Düsseldorf: Schwann, 1973. – 228 S.
12. Wulf, J. Literatur und Dichtung im Dritten Reich: eine Dokumentation. – Gütersloh: Sigbert Mohn Verlag, 1963. – 471 S.

Сведения об авторе

Калинин Степан Сергеевич, аспирант, Кемеровский государственный университет. E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

Огнев Д. А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭКСПЕРТА И ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО КОНТЕНТА

Аннотация.

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в ходе проведения лингвистического исследования и экспертизы по преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности. Поднимаются вопросы, связанные с процессуальным закреплением статуса эксперта. Автором усматривается необходимость уточнения и расширения правового статуса эксперта, а также обосно-

вывается необходимость разработки подробных и точных методов анализа, классификации и идентификации экстремистского контента с целью преодоления противоречий между экспертной и процессуальной составляющими уголовного судопроизводства по делам экстремистской направленности.

Ключевые слова: эксперт, лингвистическая экспертиза, идентификация экстремистского контента.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: 2020. Т. 1, №1. С. 58-62.

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Ognev D. A.

Linguistic studies and expertise in cases of extremist orientation: the legal status of an expert and features of extremist content

Abstract.

The article examines some problems may appear in the process of linguistic examination and linguistic study of extremist content in crimes and offenses of extremism. Questions related to the procedural fixing of the expert's status are being raised. The author sees the need to clarify and expand the legal nature of the expert, and also substantiates

the need to develop detailed and accurate methods for analyzing, classifying and identifying extremist content in order to overcome the contradictions between the expert and procedural components of criminal proceedings in cases of extremism.

Keywords: expert linguist, linguistic examination, identification of extremist content.

Conflict of Interest:

the authors declare that there is no conflict of interest regarding the publication of this article.

For citation: 2020; 1 (1): 58-62.

Лингвистическая экспертиза является необходимой составляющей уголовного судопроизводства по делам экстремистской направленности. Между тем правовой статус самого эксперта остаётся неопределённым, даже двусмысленным. Так, согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых во-

просов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти и вражды» (п. 23). Тем самым возникает разрыв между *de jure* и *de facto*: эксперт вправе охарактеризовать анализируемые материалы как, например, деструктивные, признание же их экстремистскими остаётся на усмотрение суда, что приводит к противоречиям между экспертной и судебной

практикой – в том числе за счёт некорректного отождествления «деструктивных» и «экстремистских» действий. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» этот аспект остался без изменений. Фактически между экспертом и судом отсутствует обратная связь, а экспертиза становится юридической формальностью, результаты которой не имеют прямой причинно-следственной связи с решением суда.

Другое противоречие заложено в самом понятии «лингвистическая экспертиза», поскольку эксперт не всегда имеет дело собственно с языком: при осуществлении лингвистического исследования или экспертизы он часто работает с графическими изображениями, которые не являются единицами языка, но могут считаться единицами коммуникации, поскольку содержат некое сообщение. Входит ли их анализ в компетенцию эксперта? В этом случае ему приходится применять уже не лингвистический, а визуальный анализ, интерпретационные возможности которого намного шире, требующий от эксперта значительно большей образованности и эрудированности, выходящей за рамки квалификации, подтверждённой дипломом. Эксперт, как уже было отмечено, не должен вторгаться в правовое поле, которое находится вне его компетенции, – в то же время при анализе графических изображений он вынужден вторгаться в другие предметные области – историю, культурологию и политологию, в которых при отсутствии соответствующих документов о квалификации его суждения не имеют необходимого веса.

Обязывая эксперта оставаться в рамках своей компетенции, реальная юридическая практика в то же время принуждает его из неё выходить. Так, вопрос о коммуникативных намерениях автора материалов не может ставиться перед экспертом, поскольку эксперту не известна его личность, а значит, и его интенции: коммуникативные намерения могут расходиться с их реализацией, лингвист же может анализировать языковые факты – то, что сказал, а не хотел сказать автор. Особенно эта проблема актуальна в случае репостов в социальных сетях, когда при отсутствии комментария неизвестна ни цель, ни намерения, с которыми был сделан репост. Эксперт может лишь предположить, какую реакцию данные материалы вызовут у реципиента, но и это предположение фактически является выходом за рамки его компетенции, поскольку предполагает обоснование психологического, а не языкового порядка.

Объективность интерпретации, представленной в экспертном заключении, должна подтверждаться апелляцией к научной, преимущественно лексикографической литературе, например, толковым словарям или словарям арго, в которых обозначена стилистическая окраска тех или иных слов. Однако эксперт работает не со словами, а с контекстами, в которых слово, не являющееся оскорбительным по своему лексическому значению, может приобретать оскорбительный характер. В этом случае выводы эксперта при всей возможной объективности не подтверждаются литературой, а значит, могут не приниматься во внимание судом как недостаточно обоснованные. Всё вышеописанное создаёт разрыв между экспертной и судебной практикой, что приводит к недоверию общественности к экспертной деятельности и экспертизам по делам экстремистской направленности. Распространено мнение, согласно которому эксперт является лишь выразителем интересов следствия, тем самым его заключение лишено как таковой экспертной составляющей. Такое положение дел нельзя исключать полностью, однако в целом подобный взгляд является упрощением ситуации. Ниже проанализируем ряд примеров экстремистского контента, обозначив некоторые признаки и идеи, лежащие в его основе.

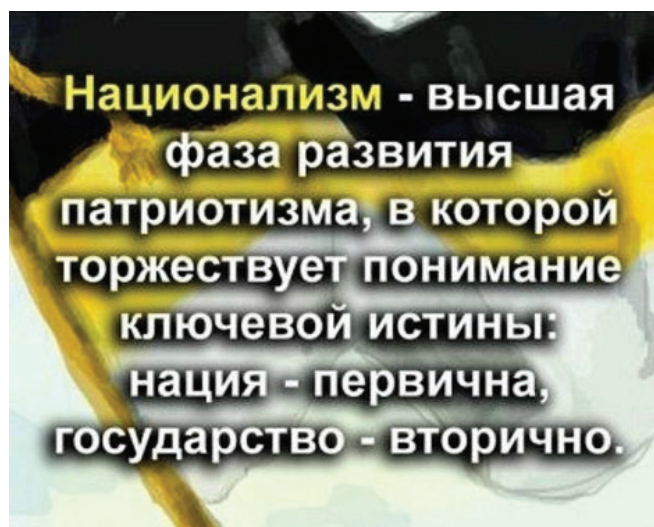
Идеологическим основанием современного русского экстремизма является специфически понимаемый русский национализм, являющийся калькой немецкого национал-социализма с заменой превосходства германской нации на превосходство славянского (русского) этноса и использованием славянских и псевдославянских графических образов и символов. Русский национализм, пропагандируя исключительность славянского (русского) этноса табуирует социальные и половые контакты с представителями других, в частности азиатских этносов, рассматривая сексуальные отношения между русскими и нерусскими как девиантные, аморальные и пропагандируя чистоту крови (рис. 1).

Рис. 1

Экстремистский контент может эксплуатировать не только древнерусский, но и имперский антураж, так как в имперский период российской истории национализм якобы составлял ядро идеологии. В качестве фона изображений, содержащих пропаганду и апологию экстремистских идей, часто используется чёрно-желто-белый триколор Российской Империи (рис. 2).

Рис. 2

Экстремистский контент приписывает славянам неоспоримое культурное, моральное и физическое превосходство, обусловленное многотысячелетней историей славянской цивилизации, знание о которой забыто или «украдено» у русских в ходе вестернизации (рис. 3). Это представление апеллирует к национальному сознанию реципиента с целью вызвать у него чувства гордости за историю своей нации, а также неприязни и вражды к тем, кто «украл» эту историю и связанное с ней наследие.

Рис. 3

История славянской цивилизации, существование которой в такой форме и в таких хронологических рамках, которые воспроизводят экстремистский контент, не подтверждается никакими научными данными, реконструируется в сознании реципиента за счёт внедрения в него мнимых фактов этой истории, таких как «победа над Китаем», якобы имевшая место «более 7500 лет» назад (рис. 4), в то время как сама китайская хронология начинается не далее как с третьего тысячелетия до н. э.

Рис. 4

Славянская цивилизация, основанная на идеалах моральной и физической силы, ассоциируется с язычеством, в то время как принесённое с Запада христианство, вытеснившее язычество, прививает слабость и покорность (рис. 5). Экстремистский контент эксплуатирует еврейский генезис христианства, изображая его как средство порабощения, закабаления русских чужеземцами и, прежде всего, евреями, апеллируя к популярным конспирологическим теориям мирового еврейского заговора. Эти идеи воспроизводятся и в неоязыческой литературе: «За правое дело Русичи сражались во все времена, и умереть за это было честью для руса, потому что он получал вечную жизнь в РАЮ, то есть царстве Справедливости, где люди мирно живут и трудятся на синих полях свароговых, только нет там ни рабов, ни врагов, ни болезней, а княжит только Правь истинная. Понятие славянского Рая как мирного радостного труда на своей свободной земле – с какой философией это может сравниться? Мечта о вечном Ничего неделании и поедании плодов с райских кущей под пение херувимов с архангелами – это мечта рабов, изнемогающих под плетью надсмотрщиков, либо обычное времяпровождение хозяев, знающих, что всё за них сделают рабы» [3.С. 12].

Христианская церковь представлена как враждебная по отношению к русским, подавляющая их национальное сознание через отрицание их истории и культуры.

Рис. 5

"Ты - раб Божий", - сказали мне люди, похожие на рабов.
"Ты - дитя Богов", - сказали мне люди, похожие на Богов.

Рис. 6 содержит оскорбительную для православных верующих номинацию патриарха «Содомский и Гоморрский», приписывающую ему соответствующие порочные качества. Религиозные символы христианства заменены на звезду Давида и Всевидящее Око, символы иудаизма, а также знак доллара, указывающий на коммерческий характер деятельности церкви. Верующие изображены как одноликая, лишённая индивидуальности масса. Фраза «Славяне [-] это варвары, говорящие на непонятном языке, люди второго сорта, это почти звери» должна вызвать резко негативную реакцию у реципиента, осознающего свою принадлежность к славянам. Периодизация славянской истории, представленная в нижней части изображения, основана на неоязыческой псевдославянской мифологии, которая возводит генезис человечества к славянам и нередко сопровождается также псевдолингвистическими выкладками на тему происхождения всех языков от русского. Эта мифология, возникшая в последние десятилетия XX века на волне возрождения интереса к мистике и оккультизму, представляет собой синтез фрагментов разных мифологий и оккультных учений – как древних, так и современных. Так, выше, на правой части рис. 5 изображена валькирия с рисунка К. А. Васильева, являющаяся персонажем германо-скандинавской, но никак не славянской мифологии; то же в случае с Асгардом

(«Асгард Иррийский» на рис. 6), др.-сканд. Ásgarðr, — местом обитания германо-скандинавских богов (асов).

Рис. 6

Патриарх Содомский и Гоморрский ака "Табачник"

Российское неоязычество, частично основанное, как было показано, на германской мифологии, также тесно связано с пропагандой немецкого национал-социализма. На рис. 7 представлена совокупность встречающихся в рамках экстремистского контента псевдославянских символов, основанных на свастике. Наиболее частотным из них является так называемый коловрат, символизирующий солнце, обновление и цикличность природных процессов.

Проанализированные материалы показывают «всеядность» экстремизма, который, пропагандируя якобы истинное знание о славянской и русской истории и культуре, основан на смешении элементов разнородных идеологий и культур, фальсификации или передёргивании фактов. Экстремизм в общественном сознании ассоциируется с совершением и призывом к совершению деструктивных действий, в то время как экстремистская деятельность проявляется через распространение не только деструктивных, но и «конструктивных» идей: формирование представлений об исключительных моральных и физических качествах славянского (русского) этноса, его уникальной многотысячелетней истории и культуре. Патриотизм и любовь к культурным истокам, под которые мимикрирует экстремизм, встречают положительный отклик, между тем, именно эти проявления экстремизма являются наиболее эффективно воздействующими и опасными, поскольку идентифицировать и доказать их наличие в информационных материалах наиболее сложно. В этой ситуации представляется необходимым уточнение и расширение правового статуса экспертов и разработка подробных и точных методов анализа, классификации и идентификации экстремистского контента с целью преодоления противоречий между экспертной и процессуальной составляющими уголовного судопроизводства по делам экстремистской направленности.

Рис. 7

Литература / References:

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
3. Сказания о стародавних временах русских / Подготовка текста, перевод и комментарии Ю. В. Гнатюк, В. С. Гнатюк. – М.: Белые Альвы, 2003.

Сведения об авторе

Огнев Даниил Александрович, аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета, сотрудник Сибирского института социально-политических исследований. E-mail: danielognev@yandex.ru.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

К публикации в научном журнале принимаются статьи, авторами которых являются академические ученые, преподаватели вузов, докторанты и аспиранты. Статьи студентов не принимаются даже в соавторстве с кандидатами и докторами наук. Предоставляемые материалы должны быть самостоятельными авторскими произведениями, отвечающими критериям научности, либо представлять собой самостоятельное экспертное заключение по проблеме. Все статьи публикуются в авторской редакции. Рекомендуемый объем текста 0,5 – 1,0 п.л. В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Электронная почта редколлегии: vogn@kemsma.ru.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

УДК.

Фамилия и инициалы автора (авторов).

Название статьи.

Аннотация и ключевые слова.

Текст статьи.

Список источников и литературы.

Информация об авторе, включая расшифровку ФИО, место работы, должность, e-mail.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

1. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 14, межстрочный интервал – 1,5; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 1,25 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц).

Требования к оформлению текста:

Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).

Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.

Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).

Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., А. Е. Сидоров. Неправильно: А.Е. Сидоров.

2. Заголовок статьи необходимо предоставить на русском языке, прописными буквами, размер шрифта – 14, жирный, по центру.

3. Инициалы и фамилия автора – строчными буквами, размер шрифта – 14, полужирный, курсив.

4. Аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках).

Аннотация должна включать в себя следующие разделы:

предмет, цель работы;
метод или методологию проведения работы;
результаты работы;
область применения результатов; новизна;
выводы.

5. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» (либо «Источники и литература»). Ссылки на научные источники из Интернета допускаются и должны быть оформлены в соответствии с требованиями следующих стандартов:

- ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления
- ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления

